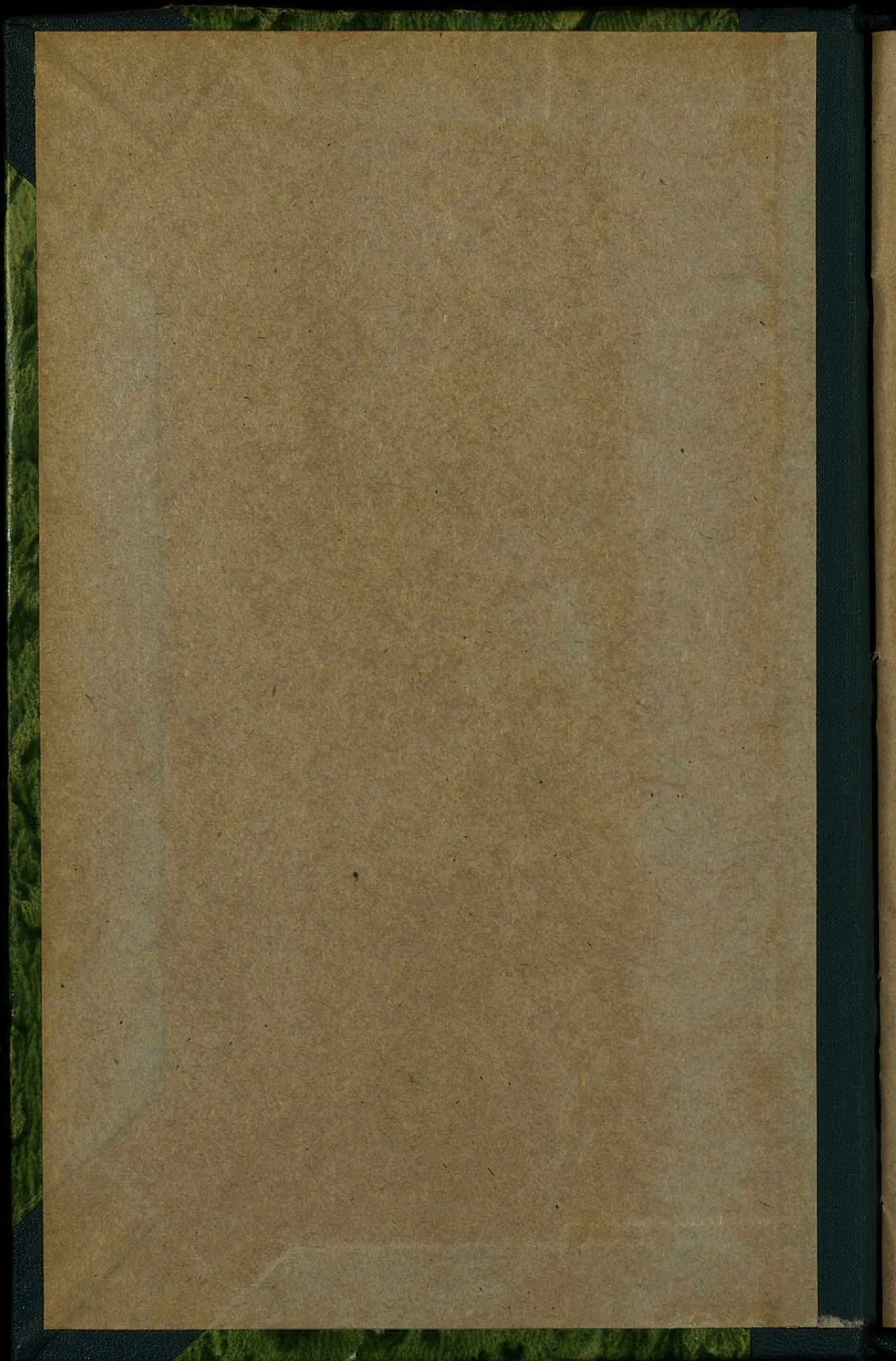
Борьба
флота...,
т. 4...
Л., 1928.



БОРЬБА ФЛОТА ПРОТИВ БЕРЕГА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

под редакцией и с введением проф. Б. Б. ЖЕРВЕ.

Том IV.

А. М. КОСИНСКИЙ.

МООНЗУНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

1917 года.

Издание В.-Морской Академии РККА.
ЛЕНИНГРАД
1928

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

По Военно-Морской Академии РККА.

БОРЬБА ФЛОТА ПРОТИВ БЕРЕГА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

под редакцией и с введением проф. Б. Б. ЖЕРВЕ.

Том IV.

А. М. КОСИНСКИЙ.

МООНЗУНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

1917 года.

Издание В.-Морской Академии РККА.
ЛЕНИНГРАД
1928

Ленинградский Областлит № 52719. Тираж 700 экз.—11 л. Заказ № 2133.

Типография Гидрографического Управления Управления В.-М. Сил РККА.
Ленинград, здание Главного Адмиралтейства.

Оглавление.

Выводы и заключение.

Приложения.

ВВЕДЕНИЕ.

«Моонзундская операция», т. е. совместная операция германских морских и сухопутных вооруженных сил против укрепленного русскими Моонзундского архипелага и созданной ими же Ирбенской позиции, закончившаяся занятием германцами островов Эзель, Даго и Моон, прорывом германского флота в Рижский залив и в южную часть Моонзунда и очищением русскими силами всего Моонзундского укрепленного района,—является одной из интереснейших для изучения смешанных операций, имевших место во время мировой войны.

Операция эта интересна, прежде всего, по масштабу и характеру театра непосредственного ее развертывания и выполнения: пересеченный, островной район, с узкими фарватерами, усложненными широким использованием обороняющейся стороной минных заграждений, частично защищавшихся береговыми батареями; длина района по меридиану — около 70 миль, ширина—по параллели—около 55 миль, т, е, вся площадь непосредственного театра операции—около 3800 квадр. миль. Ни одна из морских операций мировой войны, направленных против неприятельского побережья, не охватывала собой театра столь большой площади, при столь сложном его характере. Операция эта интересна и по масштабу участвовавших в ней сил: морские силы нападавшей стороны, т. е. германского флота, насчитывали в своем составе: 1 линейный крейсер, 10 новейших линейных кораблей, 9 легких крейсеров, 47 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок и около 100 вспомогательных судов (транспорты, тральщики, моторные катера, искатели и пр.); с русской стороны в Моонзундской операции принимали непосредственное участие: 2 устаревших линейных корабля, 3 столь же старых крейсера, 12 новых эсминцев (типа «Новик»), 14 старых эсминцев, 3 английских подводных лодки, 3 канонерских лодки, сторожевые и вспомогательные суда, транспорты и пр. Опять таки следует констатировать, что ни в одной из смешанных операций мировой войны (включая в том числе и Дарданельскую операцию) не участвовало такое большое количество морских вооруженных сил,—в особенности со стороны нападавшей.

Моонзундская операция интересна, также, и по стратегической важности своего об'екта. Уступая, в этом отношении, Дарданельской операции,—об'ект которой, в случае его успешного достижения, повлиял бы самым решительным образом на всю стратегическую обстановку мировой войны [1]),—Моонзундская операция, тем не менее, также являлась операцией большого

---

[1]) См. наше «Введение» к книге П. В. Гельмерсена: «Операции флота против берега на западных театрах».

стратегическиго значения: ее успешный исход обеспечил германскому флоту абсолютное владение Рижском заливом, обнажил с моря правый фланг русского сухопутного фронта, с'узил плацдарм стратегического развертывания русских морских сил до рубежа Центральной позиции, предоставил в распоряжение германских морских сил отличную естественную маневренную базу перед самым устьем Финского залива. Иными словами говоря, успех Моонзудской операции коренным образом изменил стратегическое положение на Балтийском море, отдав его, в весьма действительной степени, в условное владение германскому флоту—со всеми, проистекавшими от этого, последствиями для прилегавшего к этому морю сухопутного театра.

Моонзундская операция является единственной смешанной операцией Мировой войны, сопровождавшейся таким полным успехом нападавшей стороны. Было бы предвзятостью и большой ошибкой, в отношении извлечения полезных выводов из опыта Мировой войны, если бы мы всю причину столь полного успеха немцев в Моонзудской операции видели исключительно в том состоянии морального и организационного разложения русских вооруженных сил, которое явилось неизбежным следствием процесса развития величайшей из революций, охватившей в то время огромную империю и ломавшей все ее старые устои. Несомненно, эта причина сыграла свою большую роль в Моонзундской операции,—явилась, так сказать, основным фоном, на котором развивалась эта операция. Но, тем не менее, мы, с одной стороны, видим, почти на всем протяжении этой операции, доблестное поведение одной из наиболее революционных частей русских вооруженных сил,—Балтийского флота, героически отражающего энергично наседающие превосходные силы противника; мы видим такое же поведение некоторых береговых батарей и частей (батареи у м. Серро, Ревельского ударного батальона, команд Службы Связи). С другой стороны, наряду с разложением сухопутных частей, составлявших гарнизон островов, а также и перебрасывавшихся на них во время самой операции, мы должны констатировать весьма серьезные недочеты в подготовке и в организации обороны Моонзундского плацдарма, а также в деятельности и поведении его командования,—не только непосредственно влиявшие на исход операции, но и в большой степени способствовавшие разложению участвовавших в операции русских вооруженных сил. Нельзя, наконец, не отметить образцовой подготовки к Моонзундской операции германских вооруженных сил, а также весьма искусного и решительного выполнения ими этой сложной и трудной, по своим масштабам и обстановке, смешанной операции.

Если бы, вся причина германского успеха в Моонзундской операции лежала только в моральном состоянии русских вооруженных сил, то польза изучения этой операции ограничивалась бы только рамками военно-политического исследования, имеющего, притом, для настоящего времени лишь исторический интерес, так как для изучения опыта политработы в военной обстановке несравненно более ценный и богатый материал дает нам Гражданская война. На самом деле, как мы уже сказали и как это, с несомненностью, видно из содержания настоящей книги, это не так. Общие для всей охваченной революцией России и для ее вооруженных сил причины действовали разлагающим образом, конечно, и на сухопутные и морские силы, участвовавшие в Моонзундской операции; но этому разложению в большой степени, как уже сказано, содействовали весьма серьезные недочеты как в самой подготовке и организации обороны Моонзундского плацдарма, так и в деятельности его командования во время операции; этому-же разложению, с другой стороны, содействовали

решительные и искусные действия германских сил, атаковавших Моонзундский укрепленный район. Вот, в этом отношении, т. е. в чисто военной стороне Моонзундской операции, и лежит интерес и практическая полезность тщательного ее изучения для настоящего времени.

С этой-же точки зрения мы и считаем необходимым, в настоящем нашем «Введении», подвести некоторые, по нашему мнению важнейшие, итоги изучения Моонзундской операции.

В нашем «Введении» к книге Н. А. Данилова: «Смешанная операция в Рижском заливе» — мы уже рассмотрели стратегическое значение Моонзундской позиции, как составного звена всего огромного, позиционно-оборонительного плацдарма, созданного русскими на Балтийском море, преграждавшего противнику входы в Ботнический, Финский и Рижский заливы и доставлявшего русским морским силам условное владение морем в этих заливах. Импровизированное создание этого Балтийского плацдарма уже во время войны,—без всякой его подготовки еще в мирное время,—не могло, конечно, не отразиться существенным образом на характере его оборудования. В меньшей степени эта импровизация могла сказаться на позиционных минных заграждениях; в большей—на береговых фортах и укреплениях; наконец—в наибольшей степени—на устройстве и оборудовании стратегических фарватеров, рейдов и баз флота. Не только не оправдывая, в этом отношении, деятельность русского морского ведомства по подготовке Балтийского театра до войны, но считая вопиющей его ошибкой—упор на создание Центральной позиции, без соответствующего укрепления и оборудования Моонзундского и Або-Оландского архипелагов,—мы, однако, в настоящем «Введении» полагаем более целесообразным остановиться только на разборе решений и поступков русского морского командования уже во время войны, когда, под влиянием ее событий и обстановки, им было принято определенное решение создать Моонзундский укрепленный район, как соединительное звено между Передовой и Ирбенской позициями.

Мы ограничиваем себя этими рамками потому, что, во-первых, фактическому боевому испытанию подверглась именно эта оборонительная система, созданная русскими во время войны: во-вторых, потому, что мы и впредь не гарантированы от независящей от нашей предусмотрительности необходимости создавать во время войны, импровизационным порядком, укрепленные позиции и даже целые плацдармы на наших морских театрах. Изучению такой импровизированной позиционной борьбы на море мы непременно должны уделять соответствующее внимание в нашей теоретической работе и в практической подготовке к будущей войне. В искусстве вести такую импровизированно-позиционную борьбу на море заключается, ведь, сущность активного использования позиционных средств в морской войне, которое на таких пересеченных театрах, как например Балтийский,—может сыграть большую роль.

Само географическое расположение островов Моонзундского архипелага показывает, что наиболее уязвимым и опасным местом этого архипелага, как соединительного звена между Передовой и Ирбенской позициями,—является Соэло-зунд,—пролив, разделяющий друг от друга внешние и самые большие острова архипелага — Эзель и Даго, и ведущий из Балтийского моря во внутренние воды Моонзунда. Опасное положение Соэло-зунда усугубляется тем, что на острове Эзеле, перед самым входом в этот пролив с моря, имеются две самые большие и закрытые бухты на всем внешнем побережье архипелага,—Тагалахт и Мустельгам,—удобные для стоянки в них большого флота. Пролив Соэло-зунд по своим природным условиям, был доступен лишь для судов с осадкой не более 10 фут и весьма неудобен для плавания, обладая узким и извилистым фарватером. Создавая

Моонзундскую укрепленную позицию, русское морское командование решило выпрямить и углубить до 16 фут. этот пролив, чтобы сделать его удобным для быстрого через него выхода, днем и ночью, наших эсминцев из внутренних вод Моозунда в море,—что и было выполнено к весне 1917 года. Трудно представить себе действительные выгоды от такого добавочного выхода в море для руских эсминцев: если об'ект для их действий находился бы где-либо вообще в Балтийском море, то вполне очевидно, что выход через Соэло-зунд не дает особых преимуществ перед выходом по северную сторону о. Даго или даже через Ирбенский пролив. Если выход эсминцев через Соэло-зунд в Балтийское море предполагался для действий их против германского флота, оперирующего против нашей Передовой позиции, то,—как это мы уже выяснили в нашем «Введении» к книге Н. А. Данилова, — трудно представить себе, чтобы германский флот приступил бы к каким-либо серьезным операциям в устье Финского залива,— не заняв предварительно бухты Тагалахт и не устроив в ней для себя маневренную базу. Если, наконец, выход наших эсминцев через Соэло-зунд предназначался именно на случай занятия германскими морскими силами бухты Тагалахт,—для действий против этой бухты,—то трудно, опять-таки, собе представить, чтобы германское морское командование, решив устроить в бухте Тагалахт маневренную базу для своего флота и, в особенности, для десантной операции на Эзель и Даго, — оставило бы без внимания Соэло-зунд. В худшем для нас случае—как это и имело место в действительности,—оно поставило бы целью своим морским силам—овладеть Соэлозундом, как путем для вторжения их во внутренние воды Моонзунда,—что, прежде всего, в огромной степени облегчало дальнейшие операции германского десантного отряда по овладению о. Эзелем и дамбой, соединяющей его с о. Моон, а также по высадке на южном берегу о. Даго, а, во-вторых, выводило прорвавшийся через Соэло-зунд германский минный флот на Кайсарский плесс,—в тыл и на перерез коммуникации наших морских сил, оперирующих в Рижском заливе и в южной части Моонзунда. В лучшем для нас случае,—германцы закупорили бы мористый выход из Соэло-зунда и, следовательно, нашим эсминцам не пришлось бы им пользоваться, для действий против занятой противником бухты Тагалахт.

Только в том случае Соэло-зунд сохранил бы для нас действительно большое стратегическое значение, если бы,—одновременно с его выпрямлением и углублением,—были оборудованы для стоянки нашего флота и соответственно защищены береговыми укреплениями и позиционными средствами бухты Тагалахт и Мустельгам. Такое оборудование этих бухт имело бы большой стратегический смысл, так как доставляло бы нашим главным силам возможность выдвигаться на юго-запад от Передовой позиции,— в случае, например, операций германских морских сил против Ирбенского пролива. Само собой разумеется, что защита бухт Тагалахт и Мустельгам, для такого их использования, должна была бы быть настолько солидной, чтобы не только защищать входы в эти бухты, но и обеспечивать стоящий в них наш флот от неприятельской бомбардировки с моря. Соэлозунд, в этом случае, являлся бы внутренним, обеспеченным путем коммуникации наших морских сил, стоящих в этих бухтах, с их главной базой, через Моонзунд.

Такое оборудование бухт Тагалахт и Мустельгам, как передовых маневренных баз нашего флота,—лучше всего было бы выполнить, конечно, еще в мирное время, — в тесной связи вообще с оборудованием всего Моонзундского района, как обширной операционной базы флота. Во время войны должное оборудование этих бухт выполнить, конечно, было труднее, хотя и не невозможно. На мысах Хундва и Ниинаст пришлось бы воздвиг-

нуть 12″ башенные батареи, входы в бухты защитить бонами и вспомогательной артиллерией; на побережьи бухт устроить пристани и склады; морские подступы к этим бухтам и к Соэлу-зунду следовало прикрыть минными полями и пр. Ничего этого, по оборудованию бухт Тагалахт и Мустельгам, как стоянок для нашего флота, — ни в мирное время, ни во время войны, — не делалось. В 1916 году предприняты лишь были меры, весьма недостаточные, для защиты этих бухт от занятия их противником. При таких условиях, следует признать выпрямление и углубление фарватера в Соэло-зунде—весьма крупной ошибкой, сыгравшей в руки германцам и весьма облегчившей им операции по завладению Моонзундским районом.

В описании Моонзундской операции, в настоящей книге, мы видим, какую решающую родь сыграл прорыв германских эсминцев, через Соэло-зунд, па Кассарский плесс. При невозможности соответственно оборудовать и укрепить бухты Тагалахт и Мустельгам, в качестве маневренных баз для нашего флота,—было бы несравненно целесообразнее, вместо улучшения Соэло-Зундского фарватера, его заблаговременная и основательная закупорка на все время войны. Необходимо, попутно, отметить, что история морских войн неоднократно показывает, как неосторожны бывают расчеты на своевременное закрытие входов и фарватеров разного рода способами в момент появления противника. Случай с бомбардировкой «Гебеном», — в первый день войны против нас Турции, — Севастополя, — когда «Гебен» прошел по выключенному и во время не замкнутому нашему крепостному минному заграждению, — ярко иллюстрирует этод вывод: неудачная попытка заградить Соэло-зунд в первую ночь Моонзундской операции—вновь подтверждает тот же вывод: приткновение к мели предназначенного для этого парохода «Латвия» и отказ команды заградителя «Припять» итти заграждать минами Соэло-зунд, казалось, расстроили план этой заградительной операции; но мы не знаем, — имела ли бы эта попытка успех и в том случае, если бы «Латвия» не приткнулась к мели еще в Моонзунде, а дошла до Соэло-Зунда, а команда «Припяти» не отказалась бы итти в эту операцию; мы не знаем,—какие меры приняли немцы для ночного охранения Соэло-зунда. Соглашаясь, поэтому, с автором, в отношении недостаточности принятых нашим командованием мер для заграждения Соэло-зунда во время начатой уже противником операции, — мы все же думаем, что рациональнее было бы еще заблаговременно надежно завалить Соэло-зундский фарватер,—вместо того, чтобы его выпрямлять и углублять.

Столь же серьезные упущения проявлены были русским командованием в отношении защиты подходов с моря к Соэло-зунду и в бухты Тагалахт и Мустельгам. Редкие минные поля, поставленные на этих подходах, не защищавшиеся артиллерийскими батареями, установленными на берегу,—не могли, конечно, служить серьезным препятствием для неприятеля, располагавшего многочисленным и отлично организованным флотом тральщиков. Входы в бухты Тагалахт и Мустельгам защищались открыто установленными на мысах Нинаст и Хундва 6″ батареями. Отлично видные с моря, ничем не замаскированные и защищенные лишь земляными брустверами, — батареи эти, конечно, не могли оказать никакого сопротивления даже таким судам противника, как его старые броненосные крейсера, не говоря уже о его современных линейных кораблях. Отсутствие средств и времени могло заставить наше командование ограничиться пока, для защиты бухт Тагалахт и Мустельгам, этими батареями, но расположение их было крайне нерационально: калибр их исключал возможность непосредственной борьбы их с тяжелой судовой артил-

лерией противника; их и надо было, поэтому, расположить вне обстрела их с моря тяжелой неприятельской артиллерией, т.-е. не на выступающих в море, совершенно открытых, мысах, но в глубине бухт, в лесу, дав им задачей защищать постановленные в бухтах минные заграждения от неприятельских тральщиков. При достаточной густоте этих минных заграждений (что было бы рациональнее, чем ставить на подходах к этим бухтам редкие минные поля, ничем не защищавшиеся), комбинация их с так расположенными теми же 6" батареями—задержала бы вход неприятельского флота с дессантом в эти бухты на срок достаточный, чтобы на берегу можно было успеть состедоточить достаточные силы для отражения готовящегося к высадке неприятельского дессанта. История последних войн не знает случая, чтобы открыто расположенная батарея выдержала накрытие ее огнем неприятельского флота. Не разложение наших вооруженных сил сыграло решающую роль в судьбах батарей Хундва и Ниннаст, но нерациональное их расположение. Совершенно тоже приходится сказать и о батарее из четырех 100 мм. орудий, установленных также совершенно открыто у м. Серро, на юго-западной оконечности о. Даго, имевшей важное значение — защищать с моря вход в Соэло-зунд; эта батарея была ярким примером покушения с совершенно негодными средствами. Надо только удивляться геройскому духу команды этой батареи, вступившей в заведомо безнадежный бой с несравненно сильнейшим противником.

Мы нарочно остановились, в первую очередь, на устройстве защиты центральной, самой уязвимой и важной, части Моонзундской позиции, чтобы показать насколько непродуман был план этой защиты.

В непосредственной близи к бухте Тагалахт была расположена на западном берегу Эзеля, в м. Кильконда,—самая оборудованная и большая гидро-авиационная станция, служившая, в то же время, базой для всех остальных гидроавиационных станций на Эзеле и Мооне. Трудно понять причины такого ее расположения. От района неприятельских налетов, наиболее интенсивных и опасных для нашего флота, береговых батарей и военных сооружений,—от Цереля и вообще южной части о. Эзеля, а также от места стоянки нашего флота у Куйваста,—эта гидроавиационная станция была наиболее удалена; в отношении снабжения ее с материка, Килькондская станция также находилась в наибольшем удалении, а, между тем, она являлась центральной питающей базой для всех остальных гидросамолетных островных станций, ближе ее расположенных к источникам питания. Удаление ее от неприятельских авиобаз было все же недостаточно, чтобы обеспечить ее от налетов противника, что и подтверждалось неоднократными атаками ее неприятельскими эскадрильями. В то же время, при необеспеченности бухты Тагалахт от высадки неприятельского дессанта, непосредственная близость Килькондской станции к этой бухте делала ее положение весьма опасным с сухопутной стороны и даже превращала ее в вероятный специальный об'ект для небольшой дессантной операции противника. С другой стороны, такое расположение «на отлете» Килькондской гидроавиационной станции, являвшейся центром наших воздушных сил на островах Моонзундского архипелага, связывало дислокацию и последующие боевые действия сухопутных сил на Эзеле, налагая на них лишнюю и пассивную обязанность—защиту этой станции. Нам представляется, что расположение центральной базы островных воздушных сил было бы более рациональным на о. Мооне, где такая центральная гидроавиационная станция была бы, во-первых, более выгодно расположена в отношении борьбы с неприятельской авиацией, перманентно совершавшей налеты на Церельские батареи, на Аренсбург и на стоянку нашего флота в Куйвасте; во-вторых, она была бы ближе расположена к источникам питания ее с мате-

рика; в-третьих, она была бы несравненно более обеспечена от захвата и уничтожения ее неприятельским дессантом; в-четвертых, такое ее расположение не являлось бы более для нее опасным в отношении неприятельских налетов, чем в Кильконде.

Далее, мы должны коснуться важного вопроса местонахождения на о. Эзеле центра командования всей Моонзундской позицией; рассматривая этот вопрос, нельзя, однако, отделить его от основного, еще более кардинального, вопроса организации этого командования. Из настоящей книги видно, что этот вопрос возбуждал большие сомнения еще задолго до Моонзундской операции, причем, — как всегда это было в дореволюционной России, — по линии этого сомнения развертывалась междуведомственная борьба между сухопутным и морским командованиями. Учитывая, что Начальнику Моонзундской позиции были подчинены: сухопутные воинские части, составлявшие гарнизон и активную силу обороны островов, а также береговые батареи, составлявшие пассивную ее силу; что никаких частей флота в его подчинении не было, — мы не видим никаких причин, чтобы во главе позиции был поставлен адмирал, не могущий быть достаточно компетентным в деле подготовки и руководительства боевыми действиями подчиненных ему сухопутных войск. Нельзя было не иметь в виду, что в случае высадки на островах значительного неприятельского дессанта, сухопутному гарнизону островов, — также довольно значительного размера, который мог быть кроме того усилен переброской подкреплений с материка, — пришлось бы вести с высадившимся противником целую самостоятельную маленькую войну, на территории островов, также, в общем, довольно значительного протяжения. Приводимое в настоящей книге соображение морского представителя при Главкосеве, Альтфатера, что, специально руководить действиями сухопутных войск должен был Начальник дивизии, непосредственно подчиненный моряку — начальнику позиции, — нельзя признать достаточно обоснованным: во время боевых операций против высадившегося противника, — руководитель этих операций должен был быть свободным и полномочным в своих решениях, согласованных с общей, данной ему от высшего командования, оперативной задачей. И судьба береговых батарей, и гидроавиационных станций, и постов службы связи, и прочих вообще военных сооружений, — должна была бы решаться им самим, в зависимости от развертывающейся борьбы с высадившимся противником. Между тем, при организации, предлагавшейся Альтфатером, Начальник Моонзундской позиции, да еще находящийся в глубоком ее тылу, — в Гапсале, — непрерывно связывал бы оперативную мысль и волю подчиненного ему начальника сухопутных войск действующих на Эзеле, лишенного, к тому же, полномочий в отношении действий и судьбы береговых батарей, гидроавиации, службы связи и пр. Вполне ясно, что Начальник Моонзундской позиции, находящийся в Гапсале, являлся бы, в этих условиях, лишней и вредной инструкцией. Правильнее было бы эту лишнюю инстанцию уничтожить и все вооруженные силы и военные учреждения Моонзундской позиции подчинить непосредственному начальнику ее сухопутных сил, как начальнику единственной части, воплощающей в себе идею активной обороны составляющих ее островов.

Доводы Альтфатера за то, чтобы во главе Моонзундской позиции был моряк, — заключавшиеся в том, что в судьбах Моонзундской позиции ближе всего заинтересован флот, заботами которого она и создана; что оперативные приказания Начальник позиции непосредственно будет получать от Комфлота, — не являются убедительными; если Командующий Балтийским флотом, адмирал, получал непосредственные оперативные приказания от главкосева, генерала, которому он был подчинен во всех отноше-

ниях, то почему сухопутный генерал, начальник Моонзундской позиции, не мог получать, правильно понимать и разумно выполнять оперативные приказания Командующего флотом. Само собой при этом разумеется, что Начальнику Моонзундской позиции должны были быть оперативно подчиненными не только войска гарнизона островов, но и все расположенные на них береговые батареи, гидроавиационные станции, посты службы связи и прочие военные и морские сооружения и учреждения. На самом деле, гидроавиация и служба связи были из'яты из ведения Начальника позиции,— что также нельзя признать правильным.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению вопроса о место-расположении центра командования Моонзундской позицией. До начала операции этот центр располагался в Аренсбурге, — что также нельзя признать правильным. Сухопутная коммуникация всего Эзеля, — в том числе и Аренсбурга, — с внутренними водами Моонзунда и, через них, с материком, шла через дамбу, соединяющую Эзель с Мооном. Правда, Аренсбург, кроме того, имел с Моонзундом и с материком еще и морскую коммуникацию; но, во-первых, эта коммуникация проходила через воды Рижского залива, которые вообще не были обеспечены от действий неприятельских подводных лодок и от разбрасываемых ими минных заграждений; во-вторых, эта коммуникация пресекалась, в случае прорыва в Рижский залив, через Ирбенский пролив, германского флота; в третьих, эта морская коммуникация, ни при каких обстоятельствах, не смогла бы заменить вышеуказанную сухопутную в качестве пути отступления Эзельского гарнизона. Наконец, морской коммуникацией через Рижский залив можно было пользоваться не во всякую погоду; шторм мог прервать ее в самое критическое время.

Следовало, поэтому, заранее предвидеть, что, в случае высадки германского дессанта в бухтах Тагалахт и Мустельгам, — его ближайшие действия будут направлены на овладение дамбой и ее Орисарским тет-де-поном, чтобы отрезать гарнизон Эзеля от единственной его надежной сухопутной коммуникации с внутренними водами Моонзунда и с материком. Отсюда должно было бы вытекать естественное соображение, что как главная квартира командования позицией, так и все прочие управления ее (береговой обороной, авиацией, службой связи, строительством и пр.), а также склады и мастерские, — следовало располагать на о. Мооне, обратив Орисарский тет-де-пон в мощный редюит, надлежаще укрепленный, вооруженный и обладающий надежным гарнизоном; состав последнего должен был соответствовать не только узкой задаче обороны тет-де-пона, но и обеспечению коммуникационных путей с сухопутными силами, обороняющими Эзель. Разброска последних по всей территории острова также представляется нам большой ошибкой: вероятные пункты высадки неприятельского дессанта, — каковыми надо было считать удобные для высадки и дальнейшего продвижения дессанта по острову пункты побережий бухт Тагалахт, Мустельгам, Кюросар (на западном берегу о. Эзеля, против о. Фильзанда) и Лео (на юго-западном берегу о. Эзеля, у основания п. о. Сворбэ), — следовало заранее укрепить полевыми позициями, наблюдаемыми небольшими, но сильными по своему вооружению и подвижными, отрядами, задачей которых было бы лишь оказание первоначальной задержки высаживающемуся противнику и дальнейшее за ним наблюдение; остальное побережье острова должно было наблюдаться постами службы связи и кордонами пограничной стражи. Главные силы сухопутного гарнизона Эзеля следовало расположить в центре, — между вышепоименованными вероятными пунктами неприятельских высадок и Орисарским тет-де-поном, причем заранее следовало разработать пути и средства для быстрого сосредото-

чения этих главных сил на определившееся уже направление наступления высадившегося противника. Задачей боевых действий сухопутных сил Эзеля следовало ставить не противодействие высаживающемуся противнику, что приводило бы лишь к бесполезному дерганию и разброске этих сил, но — поражение уже высадившегося противника, с одновременным стремлением перерезать коммуникацию его с местом высадки. Само собой разумеется, что охранение и обеспечение путей коммуникации главных сил сухопутного гарнизона Эзеля с Орисаром должно было бы составлять непрерывную работу их командования. В свою очередь, на Начальнике позиции, кроме директивных указаний и распоряжении действующим сухопутным силам, а также береговым батареям, гидроавиации и прочим военно-морским частям и учреждениям, расположенным на Эзеле, — должна была лежать забота о своевременном формировании и направлении к действующим частям прибывающих с материка, через о. Моон, подкреплений, пополнений, снабжения и проч.

Такова, в общих чертах, нам рисуется целесообразная идея организации сухопутной обороны о. Эзеля, соответственно которой весь центр обороны Моонзундской позиции должен был-бы располагаться на о. Моон, а не в Аренсбурге, как это было на самом деле, и тем более, не в Гапсале, как это предполагало изменить морское командование. Не подлежит никакому сомнению, что, в случае пребывания Начальника позиции в Гапсале, с первых же моментов десантной операции противника против Эзеля, начальник позиции выпустил бы из своих рук все руководство операциями по обороне островов; начальники сухопутных войск на островах, не обладая полнотой власти над всеми военными частями и учреждениями, на этих островах расположенными, и не имея полномочий на увязку своих действий с действиями морских сил Рижского залива, — попали бы в чрезвычайно трудное положение; береговые батареи также не имели бы об'единяющего их начальника...

В действительности вышло еще хуже: до начала операции немцев против Моонзундской позиции,—Начальник ее (об'единявший в своем лице, правда, только действия сухопутных войск и береговых батарей, но не распространявший свою власть на расположенные на островах отряды гидроавиации, посты службы связи и маневренные базы флота) помещался со своим Штабом в Аренсбурге. В критический момент энергичных действий высадившегося на Эзеле противника, — и начальник позиции, и Командование Балтийским флотом вдруг вспоминают о состоявшемся еще до операции решении о переводе квартиры Начальника позиции из Аренсбурга в Гапсаль, — что немедленно и выполняется. Фактически, с этого момента начальник позиции оказался от нее отрезанным, как бы отстраненным от командования ею; начальники сухопутных отрядов на островах, а также командиры батальонов береговых батарей (об'единявших под своей командой батареи на каждом острове) — предоставлены были самим себе и самостоятельно вступали в связь с частями морских сил Рижского залива; гидроавиация и служба связи—также действовали самостоятельно, — также вступая, по своей инициативе, в соглашения с теми или другими частями сухопутных и морских сил, действовавших по соседству. Никем не обороняемый и не охраняемый Орисарский тет-де-пон в первый же день операции был занят германскими отрядами мотоциклистов, беспрепятственно высадившихся в Тагалахте. Предоставленные самим себе, разрозненные отряды сухопутных войск Эзеля, не имея плана действий, директив Начальника позиции, информации о происходящем, собственной разведки и твердого руководства,—инстинктивно стягивались по имевшимся дорогам к дамбе, пока не оказались он нее отрезанными

неприятельскими войсками неизвестной численности, и прижатыми к юго-восточному побережью острова. В мрачной картине беспорядочного отступления и агонии разложившихся частей Эзельского гарнизона, ярко изображенной в настоящей книге по показаниям очевидцев,—можно-ли считать основной причиной исторически неизбежный распад, в процессе развивавшейся революции, старой вооруженной силы России? Не получилось ли бы той-же картины, при существовавшей организации командования Моонзундской позицией, и в предшествовавшие годы войны,—в особенности, если принять во внимание и персональные качества этого командования (отлично, однако, известные высшему морскому командованию задолго до операции), и боевые качества сухопутного гарнизона островов («ополченские» дивизии); нельзя также не считаться с тем моральным впечатлением «бегства» начальника позиции, какое произвел на войска Эзеля внезапный для них переезд его из Аренсбурга в Гапсаль в решительный момент развития неприятельской десантной операции на Эзеле.

Идя последовательно в нашем рассмотрении подготовки Моонзундской позиции к обороне, — коснемся теперь знаменитых «Церельских батарей», на мощи которых, повидимому, основывалась оборона Ирбенского пролива. Центром этого южного артиллерийского узла позиции была 12″ открытая батарея, расположенная на самом мысе Церель. Следует отметить изумительную энергию и искусство, проявленные моряками и строителями, воздвигшими эту батарею на южной оконечности полуострова Сворбэ в течение зимы 1916—17 г.: огромные и тяжелые орудия и части их установок пришлось выгружать при тяжелых условиях погоды с барж на совершенно открытый и лишенный каких бы то ни было механических устройств берег; на песчаном мысу, одновременно, рыли огромные котлованы, сооружали мастерские, устанавливали силовые установки, краны, бетоньерки; производили бетонные работы большого масштаба, вследствие морозов, в деревянных прикрытиях; строились казармы, склады и проч.,— словом, энергия была проявлена огромная, по размаху, сложности и срочности выполнения работ, в необычайно трудных местных условиях.

Но подлежит большому сомнению, — насколько серьезно были продуманы вопросы оперативного назначения и использования этой батареи. Из приложенной к настоящей книге карты видно, что эта 12″ Церельская батарея имела возможность стрелять только в южную половину описанного вокруг нее круга, причем дальностью своего огня перекрывала весь Ирбенский пролив и защищала, таким образом, обильно разбросанные в нем минные заграждения. В отношении надежности этой защиты минных заграждений и, следовательно, проходимости Ирбенского пролива, необходимо, однако, иметь в виду, что вполне достаточный по глубине для прохода самых больших судов фарватер в Ирбенском проливе проходил под Курляндским берегом, занятым и укрепленным немцами, в расстоянии 115—120 кабельтовых от Церельской 12″ батареи. Принимая во внимание, что, в особенности осенью, средняя ясность в этих местах не превосходит 90—100 кабельтовых, — можно сказать, что в огромном большинстве случаев Церельская 12″ батарея не могла реально мешать производившимся под Курляндским берегом тральным работам противника, а также проходу, по протраленному фарватеру, в Рижский залив неприятельского флота; с этих дистанций, четырьмя 12″ пушками Церельской батареи, вряд-ли можно было нанести кораблям противника такие существенные повреждения, которые заставили бы его отказаться от форсирования Ирбенского пролива. Церельская батарея имела бы реальное оперативное значение только в том случае, если бы Ирбенский пролив защищался, против форсирующего его противника, эскадрой наших линкоров. В этом случае,

цальность действительного обстрела неприятельского флота Церельской батареей (80—110 кабельтовых) заставляла бы противника прижиматься к курляндскому берегу, т. е. с'уживала бы его маневренную свободу, — что давало бы большие тактические преимущества нашей эскадре. В этом случае даже дальний обстрел (с расстояний больше 110 каб.) Церельской батареей неприятельских кораблей, форсирующих южную часть Ирбенского пролива и ведущих бой с нашей эскадрой,—имел бы большое тактическое значение.

Таким образом, Церельская 12" батарея имела бы реальное оперативное значение, оправдывающее затраченные на ее установку усилия и средства, только в случае совместного ее боя с нашей эскадрой против форсирующего Ирбенский пролив неприятельского флота. Но для этого было необходимо, прежде всего, чтобы в Рижском заливе была сосредоточена эскадра такой боевой силы, которая действительно могла бы оказать сопротивление и даже нанести определенное поражение противнику, форсирующему, при этих условиях, Ирбенский пролив. Мы, однако, видим, что на самом деле морские силы Рижского залива к началу Моонзундской операции германского флота (неожиданность, которой для русского командования,—в особенности после падения Риги,—совершенно исключалась, как это видно из настоящей книги),—возглавлялись двумя совершенно устаревшими линейными кораблями, из которых «Гражданин» имел 12" орудия, стреляющие только на 100 кабельтовых. Мы в дальнейшем еще вернемся к вопросу о составе морских сил Рижского залива; теперь же мы приводим этот факт, лишь как одно из доказательств того, что русское морское командование переоценивало оперативное значение 12" Церельской батареи, полагая, что она одна способна преградить путь неприятельскому флоту через Ирбенский пролив. Это мнение наше подтверждается теми директивами, распоряжениями и воззваниями, которые направлялись и до, и во время Моонзундской операции, от высшего Командования к командованию и личному составу Церельской батареи.

С другой стороны, возводя, при исключительно трудных местных условиях, с огромной энергией, 12"-ую открытую батарею на мысе Церель,—русское морское командование не проявило достаточной заботливости о ее защите. Самый тип сооружений этой многоценной батареи, которой придавалось морским командованием столь преувеличенное оперативное значение, был весьма несовершенен: орудия, с их установками не были защищены даже брустверами (к сооружению которых, и то, только со стороны Ирбенского пролива, было приступлено лишь незадолго до Моонзундской операции) от неприятельского судового огня: еще более несовершененен был тип боевых погребов, которые были открыты с тыловой стороны, имея здесь обширные входы (для пропуска через них тележек со снарядами и зарядами), закрываемые лишь дубовыми дверями; в близком соседстве с орудиями были расположены, без всякого перекрытия, помещения для силовых установок, питающих батарею электрической энергией; посты управления и кабельная проводка от них к орудиям также были совершенно открыты. Взрыв одного из боевых погребов батареи, случившийся незадолго до начала Моонзундской операции и происшедший от пробития дубовой двери погреба осколком сброшенной с немецкого аэроплана бомбы,—наглядно показал всему личному составу батареи ее беззащитность и уязвимость от неприятильского огня. Из настоящей книги мы видим, какое угнетающее моральное впечатление на команду Церельской батареи произвел этот взрыв, сопровождавшийся большими человеческими жертвами; здесь же мы видим, какую малую заботливость проявило мор-

ское командование для рассеяния этого впечатления; к началу Моонзундской операции на батарее не были восполнены даже потери в личном составе. Систематические, почти ежедневные, налеты на батарею неприятельских аэропланов, продолжавшиеся после взрыва погреба и почти не встречавшие сопротивления со стороны наших воздушных сил (вследствие малочисленности и технического несовершенства имевшихся на Сворбэ наших аппаратов) и зенитной артиллерии (состоявшей из 75 мм. пушек на Меллеровских установках), не могли, конечно, не поддерживать угнетенное настроение личного состава Церельской батареи.

Серьезным упущением, допущенным морским командованием во всем плане установки Церельской батареи и вообще укрепления полуострова Сворбэ,—следует признать полную беззащитность 12" батареи от обстрела ее неприятельским флотом со стороны бухты Лео: по этому направлению батарея даже не могла отвечать неприятельским кораблям своим огнем, так как бухта Лео была вне ее обстрела. Ни одной батареи, хотя бы сравнительно небольшого калибра, лишь для защиты минных заграждений, которыми можно было бы забросать бухту Лео, не было установлено на ее побережьи, равно как и сама бухта Лео не была забросана минами. Уязвимость 12" батареи со стороны бухты Лео была известна личному ее составу, который, в любой момент начавшейся германской операции, мог ожидать расстрела батареи неприятельскими линкорами с этого направления. Это опасение команды Церельской батареи могли перейти в полную ее уверенность, после обращенного к ее командованию, во время операции, германского ультиматума о сдаче батареи.

Преувеличенные надежды морского командования на оперативное значение 12"-ой Церельской батареи сопровождались преувеличенными его требованиями к геройскому духу ее личного состава. Не принимая никаких реальных мер к защите батареи от неприятельских ударов с моря и с воздуха; не заботясь в должной степени даже о пополнении убыли в ее личном составе, подвергавшемся в течение всего лета почти ежедневным налетам неприятельских воздушных сил и перенесшим только-что тяжелый материальный и моральный удар при взрыве погреба,—морское командование, в дни Моонзундской операции, возложило на плечи этой батареи всю тяжесть и ответственность задачи обороны Ирбенского пролива, удерживая ядро морских сил Рижского залива в Моонзунде, у Куйваста. Когда командование Моонзундской позицией спешно эвакуировалось, в самом начале германской операции против Эзеля, в Гапсаль; когда лишенный руководства сухопутный гарнизон Эзеля, совершенно уже деморализованный, разрозненными отрядами отступал к дамбе, очищая остров и открывая подход с севера к полуострову Сворбэ, местный гарнизон которого не мог вселить в команде батареи уверенности в своей стойкости (от него также, при условиях, создавшихся на всем Эзеле, нельзя было требовать героической стойкости) и, по дошедшим до команды батареи сведениям, уже вступил в переговоры с германским командованием о сдаче,—можно ли было бы, при всех этих условиях, требовать большой стойкости от команды Церельской батареи, хотя бы эти события были в первый период войны, задолго до революции и общего «военного переутомления»?

Мы рассмотрели только несколько пунктов подготовки Моонзундской позиции к обороне,—именно те пункты, которые, по нашему мнению, оказали главное влияние на ход операции.

Чтобы не затягивать наше «Введение»,—мы перейдем теперь к рассмотрению чисто морской стороны подготовки и действий наших морских сил по обороне Рижского залива и Моонзунда. Задачи, возложенные

в 1917 г. на морские силы Рижского залива были формулированы пунктом «в» директивы Главного Командования, легшей в основу «плана кампании Балтийского флота» на этот год:

«в) Всеми силами, могущими быть сосредоточенными в Моонзунде и Рижском заливе оказывать упорное сопротивление проникновению в залив противника, а в случае прихода его туда, всеми мерами затруднить его операции в Рижском заливе».

Эта директива, данная Балтийскому флоту, очевидно, в начале 1917 года,—соответствовала той обстановке, которая тогда существовала на морском театре и на северном фронте и тем задачам, которые тогда ставились нашим сухопутным силам на этом фронте. Понятно, что с достаточно крупным изменением обстановки и задач на сухопутном (Северном) фронте—в течение 1917 г.—существенное изменение должна была потерпеть и директива Главкосева Балтийскому флоту, а, следовательно, должен был измениться и план операций Балтийского флота. Такие крупные изменения в обстановке на Северном фронте действительно произошли к осени 1917 года: 24 августа германцы произвели прорыв у Икскюля, а 3-го сентября заняли Ригу и прилегающий к ней правофланговый район нашего Северного фронта, который отошел на рубеж, приближенно, за линией реки Аа (северной, на которой расположен г. Венден, а не западной, на которой расположен г. Митава). Но, кроме этих изменений в обстановке,—чисто военного порядка,—к этому времени произошли крупнейшие и глубочайшие изменения—не только на фронте войны, но, главное, в тылу русской армии, в самой России. Вспыхнувшая 27 февраля в Ленинграде великая русская революция неудержимо развивалась и углублялась, вскрывая накопившиеся социальные и национальные противоречия. Действительное соотношение классовых сил не позволило буржуазным и коалиционным «временным» правительствам укрепить свою власть в огромной стране, подавить растущие возмущения рабочих, восстания крестьян и сепарастические устремления угнетенных национальностей, а также остановить начавшийся еще при царском режиме и стихийно разроставшийся при временном правительстве развал транспорта и экономики. Такое состояние тыла, естественно, не могло не отразиться самым гибельным образом на состоянии многомиллионной армии, огромное большинство рядового состава которой принадлежало к тем угнетенным в старой России классам и национальностям, которые в это время поднимали и разжигали в тылу факел гражданской войны. Те же социальные и национальные противоречия с неумолимостью рока раз'едали огромный организм армии, делая ее все менее боеспособной. Июньское наступление Керенского закончилось катастрофой и решительно доказало моральную неспособность армии к большим наступательным операциям; этот же вывод в большой степени подкреплялся расстройством снабжения и питания армии, вследствие прогрессивно развивавшейся разрухи тыла. Контр-революционное выступление Корнилова нанесло окончательный удар боевой мощи русских армий; только пассивная сила сопротивляемости огромной массы живой силы и техники фронта сдерживала еще переход противника в решительное наступление.

В наши задачи не входит сейчас рассмотрение за это время деятельности временного правительства, упорно отстаивавшего продолжение войны «до победоносного конца». События показали, насколько губительной была эта политика для самого правительства и русской буржуазии. Нас сейчас интересует деятельность военного командования в период после падения Риги, имевшего директивы от правительства о продолжении войны и, в верхах своих, вполне сочувствовавшего этим директивам.

Русскому командованию, в это время, вполне была ясна полная неспособность наших вооруженных сил вести наступательные операции,— во всяком случае на германском фронте. Отсюда необходимо было сделать вывод в отношении безнадежности перехода в наступление северного фронта нашего и обратного взятия Риги. Общей задачей для сухопутных и морских сил в районе Рижского залива, в это время, следовало поставить— удержание рубежа, занятого нашей, очистившей Ригу, армией, к югу от Пернова. Вот с этой точки зрения и следует рассмотреть, насколько изменились задачи морских сил Рижского залива против задачи, изложенной в вышеприведенной директиве Высшего командования.

Несомненно, лучшим решением задачи обеспечения правого, упирающегося в Рижский залив, фланга нашей армии было бы удержание в наших руках Ирбенского входа в этот залив. Такая постановка операционной цели морским силам Рижского залива была необходима в тот период войны, когда Рига и весь прилегающий к ней район были в наших руках; когда, по совокупности всей обстановки войны, русское командование могло задумывать широкие наступательные операции вообще на австро-германском фронте и, в частности на Северном его участке. В нашем «Введении» к книге Н. А. Данилова: «Смешанная операция в Рижском заливе в 1916 г.»—мы уже разобрали такую задачу и пришли к выводам, что в решении ее должен был принимать участие весь Балтийский флот: главные его силы должны были выдвигаться вперед, к Передовой позиции, а если возможно, то и еще дальше к юго-западу, в бухту Тагалахт, для занятия флангового угрожающего положения по отношению к германским морским силам, идущим форсировать Ирбенский пролив; для непосредственной защиты последнего, в Рижском заливе следовало заблаговременно сосредоточить всю вторую дивизию линкоров, т. е. и корабли «Павел» и «Андрей Первозванный»,—для которой, также заблаговременно, необходимо было оборудовать маневренную базу в южной части Моонзунда. Прорытие через Моонзунд фарватера для прохода им всех линкоров 2-ой дивизии было желательно, но не обязательно, для выполнения такой основной идеи плана обеспечения Рижского залива от проникновения в него неприятельских крупных сил. Само собой разумеется, что такой план мог быть реален только при существовавшем уже оборудовании позиций Ирбенской и Моонзундской, причем, однако, следовало все-таки предусмотреть, при всех этих условиях, возможность успеха прорыва германских сил через Ирбенский пролив и вынужденного отступления наших морских сил Рижского залива в свою маневренную базу в южной части Моонзунда. Подходы к последней нужно было, в этих видах, соответственно оборудовать артиллерийско-минными позициями, обеспечивающими маневренную свободу нашим морским силам, затрудняющими противнику их заблокирование и препятствующими ему бомбардировать наши морские силы, стоящие в маневренной базе. Мы, при этом, указывали, что такое обеспечение входа в Рижский залив можно было признать достаточным — даже для производства на занятой германцами части рижского побережья дессантной операции,—только при существовшей в начале лета 1916 г. стратегической обстановке на северных морских театрах, характеризующейся производившимся крупным аварийным ремонтом значительной части германского флота после Ютландского боя; мы отмечали также, что, при всех этих условиях, усиление активной деятельности британского флота в Северном море также должно было явиться одним из желательных условий обеспечения защиты входа в Рижский залив.

Уже из краткого перечисления этих условий видно, что обеспечить вход в Рижский залив, при исключительно благоприятной обстановке

начала лета 1916 г., можно было только на определенный, в общем, довольно короткий срок, необходимый, например, для производства замышлявшейся русским командованием в 1916 году дессантной операции в Рижском заливе. Задачу же полного обеспечения владения (хотя бы условного) Рижским заливом на неопределенный срок,—русский флот во все время мировой войны ставить себе не мог, вследствие огромного общего превосходства над ним сил германского флота, который нельзя было считать прочно привязанным к Северному морю. Германское командование могло выбрать подходящий, сравнительно не слишком длительный, промежуток времени, на который, без большого риска оголения северно-морского театра, могло бы послать в Балтийское море, для выполнения определенной, имеющей для него серьезное значение, операции, часть своего флота, достаточно превосходящую силами наш Балтийский флот, чтобы обеспечить успешное выполнение такой операции,—например, операции прорыва через Ирбенский пролив, для последующей борьбы с нашими морскими силами за овладение Рижским заливом.

Из вышеизложенного видно также, какое большое напряжение всех сил нашего Балтийского флота требовалось, чтобы при исключительно благоприятной обстановке июня—июля 1916 года (после Ютландского боя), на сравнительно ограниченный срок, обеспечить владение Рижским заливом в степени, необходимой для производства дессантной операции довольно крупного размера на занятое германскими войсками побережье этого залива. Из книги Н. А. Данилова мы знаем, что морское командование наше тогда не прибегло к такому полному напряжению всех сил Балтийского флота для обеспечения замышлявшейся дессантной операции, а ограничилось лишь сосредоточением в водах Рижского залива двух совершенно устарелых линкоров («Слава» и «Цесаревич»), минной дивизии и канлодок. Право было поэтому морское командование тогда, во время переписки его с Высшим командованием по вопросу о подготовке и обеспечении дессантной операции, когда оно сообщало, что форсирование германским флотом Ирбенского пролива есть вопрос жертв, которые оно согласится для этого понести и, сравнительно, очень короткого времени.

В 1917 г. осенью в Рижском заливе были сосредоточены те же слабые морские силы, усиленные, ко времени начала германских операций против Моонзунда (после падения Риги, когда—и по обстановке, и по разведочным данным,—выяснилась почти несомненная близость германских активных операций в Рижском заливе и против Моонзунда), несколькими старыми крейсерами. Признак проходимости судов через Моонзундский фарватер, по прежнему, служил руководящим для русского морского командования, при определении состава сил Рижского залива. Положение русских морских сил в Рижском заливе в 1917 году усилилось против 1916 года лишь готовностью 12" Церельской батареи, оперативное значение которой мы уже рассмотрели. К осени 1917 года, как мы уже отметили, выяснилась неспособность русской армии к ведению широких наступательных операций; падение Риги отодвинуло правый фланг нашего Северного фронта за реку северная Аа.

Мы выше говорили также о том, что лучшим способом обеспечения со стороны моря правого фланга Северного фронта нашего было-бы владение наше водами Рижского залива, что достигалось бы обеспечением Ирбенского пролива от прорыва его германским флотом. Мы, однако, пришли к заключению, что даже при полном напряжении сил Балтийского флота это обеспечение можно было достигнуть лишь на некоторый, не слишком длинный, промежуток времени, при условии связанности, на это время, большей части германского флота (что и имело место в июне

1916 года, когда, после Ютландского боя, значительная часть германского флота ремонтировалась в своей базе). Очевидно, когда инициатива в операциях находится в руках противника,—как это имело место осенью 1917 года, когда на нашу долю приходилось лишь отражать неприятельские удары,—мы не можем заранее определить, с нужной нам точностью, сроки этих ударов, почему и вся организация подготовки к отражению их должна быть расчитана—либо на долгие сроки полной уже готовности отражать неприятельский удар в любой момент, либо на весьма короткие сроки подготовки к их отражению. Понятно, что в отношении стратегического развертывания всего Балтийского флота, необходимого для противодействия прорыву германских морских сил в Рижский залив,—развертывания, выше нами рассмотренного (выдвижение главных сил к западу от Передовой позиции и сосредоточение всей второй бригады линкоров в Рижском заливе,)—ни долгие сроки полной законченности этого развертывания, ни весьма короткие сроки его выполнения—были бы неосуществимы: первые, вследствие неподготовленности длительного базирования флота на местах того развертывания; вторые—физически были невыполнимы, так как измерялись бы теми немногими часами, которые в лучшем случае оставались бы в распоряжении русского морского командования от времени получения известия о выходе германского флота в операцию—до его появления перед Ирбенским проливом или перед западными берегами Эзеля или Даго (не говоря уже о том, что это появление ввиду наших позиций германского флота могло еще и не означать начала его активных операций, но могло иметь лишь демонстративное значение).

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что обеспечение осенью 1917 года правого, упирающегося в воды Рижского залива, фланга Северного фронта от ударов с моря—путем обеспечения за нашим флотом владения Рижским заливом,—было невозможно. Условия внутреннего—политического порядка, создавшиеся в наших вооруженных силах к концу сентября, которые также должно было учитывать наше командование с должной трезвостью (чего, однако, на самом деле не было),—делали еще более невозможной постановку такой задачи Балтийскому флоту. Из дошедших до нас документов мы не видим, однако, чтобы возложенная на Балтийский флот «планом кампании на 1917 г.» задача—«всеми силами, могущими быть сосредоточенными в Моонзунде и Рижском заливе, оказывать упорное сопротивление проникновению в залив противника»—была отменена.

Существовал другой способ обеспечить приморский фланг Северного фронта от вражеских нападений с моря, каковые могли выразиться—либо в обстреле флангового расположения нашей армии огнем флота, с целью облегчить германским войскам его атаку и обход по береговой полосе, либо в высадке, с той же целью, германского десанта во фланг, или в ближайший тыл нашего северного фронта (например, в район Пернова). Этим способом могли быть активные действия наших морских сил, опирающихся на южную часть Моонзунда, оборудованную, для этого, в маневренную базу. Вышеотмеченная директива Балтийскому флоту, указанная в «плане кампании» на 1917 год,—предусматривала такие операции наших морских сил второй частью пункта В: «а в случае прихода его туда (т. е. прорыва германского флота в Рижский залив),—всеми мерами затруднить его операции в Рижском заливе». Надо всячески осуждать такую неопределенную формулировку директив; ясно, ведь, что, в зависимости от вполне конкретного назначения и характера неприятельской операции, должен быть выбран и соответствующий способ помехи ей. Существует только один универсальный способ

помехи всяким операциям противника на данном морском театре,—это «абсолютно» завладеть морем,—что, в данном случае, для русских морских сил было неосуществимой задачей. Уже условное владение морем, достигаемое блокадой неприятельского флота, требует постановки конкретной стратегической цели, для которой это условное владение морем осуществляется, так как от существа этой цели зависит выбор формы блокады (узкая, широкая, выбор места блокадной линии в последнем случае и пр.). Еще в большей степени требуется конкретность постановки стратегической цели для спорного владения морем: для чего именно нужно оспаривать владение морем у сильнейшего противника, каким именно его операциям надо оказывать помеху этим оспариванием: его морским коммуникациям, торговым сообщениям, десантным операциям, бомбардировке наших побережий и портов и пр. Методы и средства оспаривания владения морем значительно будут меняться, в зависимости от того, какая именно стратегическая цель будет преследоваться этим оспариванием. Вполне, наконец, очевидно, в какой тесной зависимости от поставленной стратегической цели находится позиционная борьба на море: месторасположение, форма, размеры и характер оборудования позиции, равно как и примыкающих к ней маневренных пространств,—всецело зависят от тех вполне конкретных задач, которые поставлены позиции. Помеху операциям более сильного неприятельского флота на таких ограниченных и мелководных морских театрах, каковым является Рижский залив,—бывает весьма выгодно производить комбинированным методом оспаривания владения морем и позиционной борьбы,—каковой метод, собственно говоря, и следовало бы принять русскому командованию в рассматриваемом случае: но, тогда, совершенно необходимо было указать конкретную стратегическую цель: каким именно операциям германского флота в Рижском заливе должны были мешать наши морские силы. Ни в «плане кампании на 1917 г.», ни осенью этого года, после падения Риги и отхода за р. Аа правого фланга нашего Северного фронта,—такой конкретной стратегической цели Балтийскому флоту и его части, сосредоточенной в Рижском заливе,—поставлено не было. А, между тем, создавшаяся на Северном фронте и в Рижском заливе, к сентябрю 1917 года, обстановка вполне ясно намечала такие стратегические цели: во-первых, обеспечение упертого в залив правого фланга армий и их ближайшего тыла, т. е. Перновского района, от угрозы с моря; во-вторых, защита Моонзундского укрепленного района и, в частности, оборона подходов из Рижского залива к южному входу в Моонзунд.

В последнее время часто приходится встречать мнения, что постановка одному и тому-же соединению вооруженных сил двух разных, но одинаково важных стратегических задач является неправильной, противоречащей основному стратегическому правилу—сосредоточению сил и усилий на важнейшее операционное направление. Мы бы считали ошибочным принять такую формулу безотносительно, равно обязательной во всех случаях. В рассматриваемом случае, исходя из анализа обстановки, создавшейся в Рижском заливе осенью 1917 г.,—мы, как раз, и пришли к заключению о необходимости постановки морским силам Рижского залива, в тот период, двух стратегических задач, важность которых для стратегического положения всего Северного фронта была одинакова: успешное выполнение первой задачи непосредственно обеспечивало правый фланг Северного фронта от угрозы с моря и, таким образом, его устойчивость; неуспех в выполнении второй задачи, т. е. переход Моонзундского укрепленного района в руки противника создавал весьма серьезную угрозу высадки значительных германских сил на материковом

побережьи Моонзунда (между Вердером и Гапсалем), с последующими действиями его против Ревеля и в тылу Северного фронта. Сам Моонзундский укрепленный район, в этом случае, оказался-бы для германской десантной флотилии отличной маневренной базой, надежно охраняющей весь район высадки от покушений наших морских сил. В морском отношении переход Моонзундской позиции в руки противника сводил на нет значение Передовой позиции и предоставлял германскому флоту отличную маневренную базу для действий против наших главных сил, отошедших в Финский залив, за Центральную позицию; наконец, с падением Ревеля (непосредственную и серьезную угрозу которому представлял германский десант в Моонзунде),—ликвидировалась и сама Центральная позиция..

Таким образом, обе стратегические задачи, постановка которых морским силам Рижского залива осенью 1917 года вытекала из создавшейся на Северном фронте обстановки после падения Риги, т. е. обеспечение упертого в море его правого фланга и защита Моонзундского укрепленного района,—мы считаем одинаково важными. Противоречит-ли такая постановка двух, одинаково важных, стратегических задач морским силам Рижского залива, правилу сосредоточения сил на одном, важнейшем операционном направлении? Мы считаем, что вообще о таком противоречии можно было бы говорить в следующих случаях:

1) если обе, поставленные данной вооруженной силе, задачи, разные по месту их выполнения, приходится решать одновременно;

2) если решение одной задачи в порядке последовательности, хотя и раньше другой, но связано с риском гибели значительной части сил и средств, необходимых для решения другой задачи. В этих случаях, безусловно, следует выбрать из двух важных задач одну, важнейшую, и на ее выполнение сосредоточить наши силы и усилия, выделяя для другой задачи лишь такую часть наших сил, потеря которой не ослабит нас чувствительно при решении важнейшей задачи. Было бы, однако, неправильным такой выбор важнейшей задачи делать закостенелым на долгий срок; изменение обстановки на данном театре должно соответственно отзываться не только на удельном весе поставленных нами на нем стратегических задач нашим вооруженным силам, но и, быть может, на существенном их изменении.

В рассматриваемом случае задача обеспечения с моря правого фланга Северного фронта должна была представляться, в силу просто географических причин, первой по времени: пока наши морские силы Рижского залива будут в состоянии мешать активным операциям Германского флота против правого фланга нашей армии,—до тех пор, одновременно, они будут обеспечивать от таковых-же операций противника и южный выход из Моонзунда, а также и омываемое Рижским заливом побережье о. Эзеля. Нельзя было, опять-таки и прежде всего в силу географических причин, возлагать на морские силы Рижского залива защиту Балтийского побережья островов Эзеля и Даго,—каковая задача должна была быть возложенной, как мы выше говорили, на главные силы Балтийского флота и на средства береговой обороны и гарнизона этих островов. Выше мы также указывали, что Соэло-зунд надо было надежно закупорить еще до начала операций германцев против Моонзундской позиции; следовательно, оборона Соэло-зунда и Кассарского плесса также не должна была входить в задачи морских сил Рижского залива. Мы приходим, таким образом, к заключению, что помеха активным операциям германского флота против упертого в Рижский залив правого фланга нашего Северного фронта и должна была составлять первую по времени своего выполнения стратегическую задачу

морских сил Рижского залива, так как успешное ее выполнение, в то же время, разрешало и другую задачу этих морских сил—защиту Моонзундского плацдарма—в тех пределах, в которых вообще эта последняя задача могла быть возложенной на морские силы Рижского залива.

Только тогда, когда активные действия превосходных сил противника лишили бы наши морские силы возможности противодействовать его активным морским операциям против правого фланга нашего Северного фронта—задача обороны Моонзундского плацдарма явилась бы единственной для наших морских сил Рижского залива.

Такова, как нам представляется, должна была-бы быть последовательность в постановке, осенью 1917 года, стратегических задач нашим морским силам Рижского залива.

Как показывает ход событий и распоряжения русского командования (от верховного до местного) во время Моонзундской операции, — все его помыслы и заботы фактически были сосредоточены только на защите Моонзундского архипелага. Задача обеспечения правого фланга Северного фронта от угрозы активных операций против него германского флота вовсе, повидимому, не ставилась морским силам Рижского залива. Подходы к южному входу в Моонзунд со стороны Рижского залива были весьма слабо подготовлены к обороне,—почему и защита их выразилась в арьергардной, вполне безнадежной для наших устарелых линкоров и беззащитных крейсеров, перестрелке их с неприятельскими сверхдредноутами, подошедшими к южному входу в Моонзунд и почти беспрепятственно прошедшими поставленные на подходах к нему минные заграждения. Сама-же защита Моонзундского архипелага нашими морскими силами Рижского залива выразилась только в попытках парировать неприятельские удары. Борьба с германскими эсминцами, прорывавшимися на Кассарский плесс, преимущественно заполнившая собой борьбу на море во время Моонзундской операции, — носила именно такой пассивный характер. Эта оценка стратегического характера борьбы русских морских сил за Моонзунд, конечно, ни в какой мере не отрицает доблести, проявленной во время этих операций отдельными русскими кораблями, — что, наоборот, является еще одним доказательством нашего утверждения, что не разложение русских вооруженных сил в процессе развития революции явилось основной причиной столь легкого успеха германцев в операциях их против Моонзунда, но весьма серьезные недочеты в организации и деятельности русского командования.

Отмеченную пассивность, проявленную русским морским командованием во время Моонзундской операции, сказавшуюся также и в преждевременном очищении всего Моонзунда русскими морскими силами и в бездействии, во время операции, главных сил Балтийского флота,—в первую очередь и следует об'яснить отсутствием постановки конкретных стратегических целей и соответственно им разработанного, столь же конкретного, плана операций морских сил Балтийского моря после падения Риги.

Характерно отметить здесь, что идея выдвинуть главные силы Балтийского флота на помощь сражавшимся в Моонзунде морским силам Рижского залива явилась у командования не тогда, когда эти главные силы, одним своим появлением к юго-западу от передовой позиции, могли бы оказать весьма существенную помеху германским операциям против Моонзундского укрепленного района и, в первую очередь, их дессантной операции в бухте Тагалахт,—но тогда, когда, по мнению русского морского командования, создалась угроза благополучному уходу из Моонзунда в базы Финского залива морских сил Рижского залива. Если принять во внимание, что эта угроза не могла быть слишком действительной для ноч-

ного прорыва из Моонзунда эсминцев, то, выходит, что командующий Балтийским флотом, не находя возможным рисковать главными силами флота ради защиты всего Моонзундского укрепленного района (потеря которого весьма существенно меняла всю стратегическую обстановку на Северном фронте, в Эстляндии и на морском театре, где теряла свое значение Передовая позиция, а в дальнейшем, с падением Ревеля, судьба которого предрешалась падением Моонзундского плацдарма, и Центральная позиция),—считал это возможным ради спасения устарелых, фактически утративших боевую ценность, двух линкоров, нескольких крейсеров и канонерских лодок, находившихся в Моонзунде.

Мы не останавливаемся на многих других, весьма существенных, недочетах оперативного и организационного порядков в деятельности нашего командования, отчетливо выявленных автором книги, а также частично указанных в наших редакционных примечаниях. Мы считаем, что в изучении этих недочетов именно и лежит ценность исследования Моонзундской операции. Недостаток материалов, рисующих деятельность германского командования во время Моонзундской операции,—не позволяет нам сейчас подойти к этой деятельности с должным критическим анализом, которого в высшей степени, конечно, заслуживает успешно проведенная германцами эта сложная, смешанная операция. Этот дефект, независящий от воли автора и редакции настоящей книги, должен быть восполнен нами при первой возможности.

Б. Жерве.

Моонзундская позиция.

Значение Рижского залива и Моонзунда.

Рижский залив, сообщающийся Ирбенским проливом с Балтийским морем и Моонзундом— с Финским заливом, приобрел особенное значение во время наступления немецкой армии на Северном фронте, так как в него упирался правый фланг наших сухопутных сил. Владение Моонзундом обеспечивало за нашим флотом свободное и беспрепятственное сообщение с Рижским заливом, давая этим ему возможность оборонять Ирбенский пролив и помогать армии, действуя против левого фланга немецких войск; оно сохраняло за ним также возможность посылки миноносцев и подводных лодок в Балтийское море через Соэлозунд и Ирбен и в обход Передовой позиции Финского залива и, благодаря этому, оперировать на подступах к Передовой и Ирбенской позициям.

Сохранение за нами островов Моонзундской позиции позволяло при помощи батарей, построенных на полуострове Сворбе (мыс Церель), оказывать содействие флоту в обороне Ирбенской позиции; батареи на северном берегу о. Даго (мыс Тахкона) помогали своим огнем обороне южного фланга Передовой позиции Финского залива; владея о-вами Эзель и Даго, мы сохраняли в своих руках Соэлозунд, а при обладании о-вом Моон—могли пользоваться Большим Зундом, ведущим в Рижский залив.

С захватом же Моонзундской позиции немцами они становились полными хозяевами в Рижском заливе, приобретали отличную базу для своего флота в самом устье Финского залива, охватывающую южный фланг нашей Передовой позиции; кроме того подвергалось непосредственной угрозе западное побережье Эстляндии, с путями на Ревель, Пернов и в глубокий тыл нашей армии.

Сказанного вполне достаточно, чтобы оценить всю ответственность задачи, возложенной на флот по обороне Моонзундской позиции, почему этой операции и следует отвести одно из первых мест в ряду боевых действий Балтийского флота в минувшую войну.

Значение Моонзунда ясно сознавалось еще до войны,—особенно с тех пор, как наш флот, ослабленный Японской войной и в связи с лихорадочным ростом Германского флота, потерял господствующее положение на Балтийском море и принужден был отказаться от наступательных планов.

Задачи, возлагавшиеся на Балтийский флот первоначальными планами операций.

Но эта же слабость наших сил Балтийского флота заставила нас в первоначальных наших планах совершенно отказаться от защиты Моонзунда, предоставляя пользование им на полное усмотрение германцев, и, предполагая немедленное развитие активных действий их флота, стать за солидной преградой Центральной позиции, прикрывая этим доступ вглубь Финского залива, к столице и в глубокий тыл нашего сухопутного расположения.

„План операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны на 1914 год“ [1]) следующим образом определял задачи нашего флота:

„Принятые при выработке планов операций в 1912 году важнейшие операционные направления вероятного противника сохраняют свое значение и в 1914 году.

„Их может быть два: 1) направление в Финский залив с конечной целью развития операций против столицы, и 2) в Рижский залив с целью развития операций против правого фланга нашей армии, развертываемой на западном фронте.

„С располагаемым наличием сил и средств мы можем говорить только о первом операционном направлении противника; второе, несмотря на всю его важность, не может в настоящее время быть принятым во вннмание при разработке плана операций на море.

„Поэтому основное задание плана операций для Балтийского моря сохраняет уже принятую формулировку—воспрепятствовать противнику проникнуть в восточную часть Финского залива, за меридиан о-ва Нарген, хотя бы временно обеспечив мобилизацию сухопутных войск Петербургского военного Округа, имеющих ближайшей задачей защиту столицы.

„Положенная в основание оперативного плана 1912—1913 г.г. идея постановки минного поля между Кальбоденгрундом и N-ой оконечностью о-ва Нарген, защищаемого всеми наличными силами нашего флота, развертываемого на центральной и фланговой шхерной позициях, сохраняется и на 1914 год.

„Ввиду совершенной невозможности учета тех сил, которые может выделить Германский флот для операций на Балтийском театре, следует рассчитывать на силы, подавляющие наш Балтийский флот, и признать невозможность в текущем году каких-либо операций в открытом море.

„Состав наших сил определяет ограниченную оперативную зону в Финском заливе между меридианами Свеаборга и о-ва Оденсхольм, приблизительно ограничивающего с запада район флангово-шхерной позиции.

„В силу таковой обстановки исключаются операции в Моонзунде и в Або-Оландском шхерном районе, кроме ограниченного частного минирования и заграждения некоторых фарватеров и уничтожения навигационных знаков“.

И раньше, при выработке плана операций Балтийского флота в 1911 году, была положена в основание та же безнадежность по отношению к Моонзунду:

„Моонзундская позиция, как неимеющая обеспеченной связи с Центральной, легко может быть отрезана неприятельскими силами. Кроме того, необходимо предусмотреть возможность использования неприятелем Моонзундского района со стороны Ирбенского пролива, весьма опасного при завесе, выдвинутой далее на запад.

„Поэтому необходимо обеспечить себя от таковой операции путем надежного заграждения этого пролива...

„Рижский залив и побережье Курляндии с портами Виндава и Либава выходят из сферы контроля наличных сил нашего флота...

„Весьма вероятной явится попытка со стороны Германского флота произвести разведочную операцию через Ирбенский пролив

[1]) План № 19. Архив Морской Исторической Комиссии. Дело № 11489, стр. 4—5.

и Моонзунд отрядом минных судов и легких крейсеров, который может таким образом зайти в тыл разведочных судов, выдвинутых на линию Дагерорт—Богшер, проникнуть к Центральной позиции и помешать постановке заграждения.

„Впоследствии, при блокаде устья Финского залива, неприятель может использовать Моонзунд, как оперативную базу для минных судов, а потому необходимо, одновременно с выходом заградителей на Центральную позицию, 1-й минной дивизии или ее части идти в Моонзунд, для заграждения его минами и затопления судов на фарватерах“ [1]).

Начало войны. Пассивность Германского флота.

Согласно принятому плану операций, Моонзунд и был покинут нами с началом военных действий, и хотя он не был загражден, но вехи и часть знаков в нем были сняты, чем несколько затруднялось плавание по нему. Флот же готовился отразить нападение противника на Центральной позиции.

Однако, в первые дни войны немецкий флот совсем не показывался в Финском заливе и только недели через две появились в его устье отдельные немецкие суда, причем ими было поставлено минное заграждение между о-вом Даго и Ганге. Это заграждение, как оказалось, было поставлено командующим немецким отрядом к.-адм. Мишке, ввиду встречи с нашими дозорными крейсерами, вопреки полученного им приказания заградить проход для русских судов к югу от о. Наргена и вызвало со стороны Главного Командования полное порицание и замену адм. Мишке к.-адмиралом Берингом [2]). В то время, однако, можно было предполагать, что немцы, создавая барьер на пути наших судов из залива и этим стесняя и для себя вход в него, отказываются, по крайней мере на первое время, от активных действий в Финском заливе.

Естественным следствием этого явилось вынесение нашей линии обороны значительно вперед и устройство в дальнейшем так называемой „Передовой позиции“, представляющей из себя широкое минное поле на линии Дагерорт-Эрэ (Абосские шхеры), прикрывающее со стороны Балтийского моря, как Моонзунд, так и значительную часть Финляндских шхер к западу от Центральной позиции.

Непосредственным следствием постановки германского заграждения явилось выдвижение нами дозоров к Дагерорту, причем базою для них явился Моонзунд, а также пользование последним для сообщения с Рижским заливом и, через Ирбенский пролив, с Балтийским морем. Фарватеры Моонзунда были снова обставлены, и наши суда чувствовали себя в нем, как дома.

Создание Моонзундской укрепленной позиции.

В следующем 1915-м году взгляд на Моонзунд, как на естественную и необходимую базу для наших минных судов, настолько установился, что приступлено было к постройке специального порта-базы для них в Рогекюле.

Для обеспечения безопасности со стороны Балтийского моря, как Моонзунда, так и Рижского залива, было положено начало минированию Ирбенского пролива. Последнее в том же году уже сыграло некокорую роль, когда, вслед за занятием немцами Либавы и Виндавы, их флот проник в Рижский залив, вероятно, с целью

---

[1]) Архив Мор. Ист. Ком., дело № 188, стр. 141, 142 и 144.
[2]) Руд. Фирле. Война на Балтийском море. Т. I.

помочь наступлению их армии на Рижском фронте, при чем ими предполагалось, повидимому, произвести серьезное заграждение Моонзунда[1]).

Ввиду мелководности Моонзундских фарватеров, мы принуждены были держать там мелкосидящие суда, так как проход туда судов крупных, линейных кораблей и крейсеров, через Ирбенский пролив, хоть и удавался в отдельных случаях (так, осенью 1915-го года был введен туда лин. кор. „Слава“, а в 1916-м году его сменил „Цесаревич“), но каждый раз такой поход был сопряжен с огромным риском и грозил отрезанием кораблей в случае наступления немецких морских сил со стороны Балтийского моря. Поэтому решено было прорыть канал от о-ва Вормса к о. Шильдау глубиной до 30 фут, чтобы крупные суда могли беспрепятственно проходить в Моонзунд и Рижский залив непосредственно из Финского залива. Кроме того, большие преимущества использования Соэлозунда для прохода в Балтийское море минных судов привели к мысли, вместо прежнего фарватера в этом проливе, пользование которым было очень затруднительно, отыскать, очистить и обставить новый 16-ти футовый фарватер.

Прорыв немецкого флота в Августе 1915 года в Рижский залив дал ценные указания на слабые места наших заграждений, которые и были вслед затем усилены; в дальнейшем же заграждения в Ирбенском проливе, — особенно минные, — получили чрезвычайное развитие, представляя из себя сплошную сеть перекрещивающихся по всем направлениям минных банок, часто без системы нагроможденных одна на другую, и образующих, в своей совокупности, обширное минное поле. Это минное поле совершенно перекрывало Ирбенский пролив, оставляя лишь на своей северной стороне так называемый „маневренный мешок“, в котором наши суда могли действовать, как для защиты самого поля от траления, так и для боя с подходящим к нему неприятелем. Отдельные заграждения выставлялись и вне самого района, — на подступах к нему и на предполагаемых путях германских судов, а также и внутри его в особо важных местах, как например, у подхода с юга к Большому Зунду — на случай прорыва неприятельского флота через главные заграждения и против его подводных лодок.

Поддержание и усиление заграждения, ввиду постоянного траления его немцами, непрерывно почти производилось нашими заградителями, миноносцами и другими судами; особенно ценными при этом оказались мелкосидящие теплоходы, углубление которых позволяло им, с меньшим риском, проходить над уже поставленными минами.

Защита выставленных заграждений возлагалась, главным образом, на флот, но, сверх того, потребовала установки, в соответствующих местах, береговых батарей.

Последние являлись, кроме того, необходимыми и для отражения неприятельских попыток высадить десант для овладения островами Моонзундского архипелага; установленная же на северном берегу о. Даго, на мысе Тахкона, батарея из 12″ орудий покрывала своим огнем на значительном протяжении левый фланг Передовой позиции, тем значительно усиливая ее.

---

[1]) Bastian: Der Ostsee Krieg p. 16.

Как для прикрытия батарей, так и для отражения десанта, и для обороны самих островов, явилась надобность в содержании на них гарнизона.

Таким образом, создалась Моонзундская укрепленная позиция, оборона которой приобрела, в виду ее важности, чрезвычайно существенное значение в общем ходе военных действий и заняла соответствующее место в плане кампании Балтийского флота на 1917 г.

План кампании 1917 года в отношении к Рижскому заливу и Моонзунду.

Основной задачей Балтийскому флоту на этот год попрежнему ставилось—всеми силами не допускать проникновения противника к востоку от главной Нарген-Поркалауддской позиции, но, в развитие этой главной задачи, в целях удержания подступов к Центральной позиции с моря, директивой Главного Командования указывалось:

а) Прочно удерживать Або-Оландскую укрепленную позицию, препятствуя вместе с тем проникновению противника в Ботнический залив и к юго-западному побережью Финляндии.

б) Прочно удерживать Моонзундскую укрепленную позицию.

в) Всеми силами, могущими быть сосредоточенными в Моонзунде и Рижском заливе, оказывать упорное сопротивление проникновению в залив противника, а в случае прохода его туда, всеми мерами затруднить его операции в Рижском заливе.

2) Возможно длительно удерживать Передовую Морскую позицию Финского залива [1].

Силы и средства для защиты позиции.

Средства обороны.

Средства обороны Моонзундской позиции состояли из Морских сил Рижского залива, минных заграждений, батарей, сухопутного гарнизона, инженерной подготовки островов, морской авиации и постов Службы Связи.

Командующим морскими силами Рижского залива во время операци 1917 года состоял адмирал Бахирев; в предписании ему Командовавшего флотом, от $\frac{\text{20 июля}}{\text{2 августа}}$ 1917 г., за № 1004 оп., указывалось: „В случае начала операции германского флота на Рижский залив, поручаю Вам принять на себя общее командование Морскими Силами Рижского залива и Моонзундской позиции для об'единения их действий, как то ранее было предположено“ [2]).

Свое назначение адм. Бахирев об'ясняет так: „Обстоятельства могли потребовать усиления сил Рижского залива другими частями флота и возможны были трения между вновь пришедшими флагманами и постоянно находившимся в заливе начальником Минной

---

[1]) План кампании на 1917 г. А. План обороны. Ч. I. Архив М. И. К., дело № 74, стр. 80.

[2]) Архив М. И. К. «Отчет о действиях Морских Сил Рижского залива в 1917 г.», стр. 1.

Дивизии, который все время был младшим во флоте адмиралом (сначала был адм. Разводов, затем. адм. Старк).

Между тем, при появлении врага всем руководить должно было лицо, уже ознакомившееся с положением дел в заливе. Я был старшим из флагманов в действующем флоте, и потому, полагаю, выбор начальства остановился на мне".

Командующему Морскими Силами, кроме находившихся в заливе судов, в оперативном отношении были подчинены база Рогекюль и Церельские батареи, Начальник же Моонзундской позиции, несмотря на приведенное выше предписание, повидимому, оставался в непосредственном подчинении Командующему Флотом. Ввиду затруднительности, вследствие недостатка командного состава, сформировать специальный штаб для Командующего Морскими Силами, ему, во время пребывания его в заливе, был непосредственно подчинен штаб Минной дивизии, помещавшийся на транспорте „Либава", стоявшем на рейде в Куйвасте на бочке, соединенной телефоном с юзом и берегом [1]).

Морские силы Рижского залива. (*Приложение I*).

В состав Морских сил Рижского залива входили линейные корабли „Гражданин" и „Слава". Усилить их другими линейными кораблями не представлялось возможным, так как работы по углублению Моонзундского канала были прекращены в 1917 году, в предыдущем же году глубина в нем была доведена только до $26^1/_2$ фут, хотя предполагалась значительно больше; между тем, лин. кораблям „Андрей Первозванный" и „Республика" не считалось возможным уменьшить осадку для прохода этим каналом.

Опыт разгрузки этих кораблей производился в Августе 1916 г. и не дал положительного результата. Ценность их в Моонзунде была бы огромна, так как дальность их 12" артиллерии, при тяжелых снарядах, достигала 135 кабельтовых [2]), в то время, как на „Славе" дальность была доведена только до 115 кабельтовых, а на „Гражданине" оставалась старая—всего 88 кабельтовых [3]).

Из крейсеров, к началу операции, в Моонзунде находился один „Баян". Уже во время наступления немцев, пришли „Адмирал Макаров" (14 Октября) и „Диана" (16 Окт.). Адмирал Бахирев, предполагая, что неприятель имеет протраленный фарватер вдоль южного берега Ирбенского пролива, и ввиду возможности прорыва через пролив легких крейсеров и миноносцев, усиленно хлопотал о присылке в Рижский залив сравнительно быстроходных и с сильною

---

[1]) Командующий крупным соединением разнообразных сил, на которого возложена ответственная и сложная боевая задача, — без Штаба и пользующийся Штабом одного из подчиненных ему соединений, — явление, совершенно недопустимое в организационном отношении. Как дальше увидим, это отсутствие Штаба у Начальника морских сил Рижского залива в значительной степени отразилось на ходе событий Моонзундской операции. Ред.

[2]) Около 25 километров.

[3]) Мы не можем согласиться с автором в отношении невозможности усиления морских сил Рижского залива лин. кораблями «Андрей Первозванный» и «Павел»; их следовало еще в 1916 году, когда предполагалась десантная операция в Рижском заливе, выделить из состава главных сил на этот театр. В совокупности с 12" Церельскими батареями,—они представляли-бы грозную силу для обороны Ирбенского пролива. В крайнем случае, когда германский флот все-таки прорвался-бы в Рижский залив, они могли укрываться в Куйвасте, базируясь на который они могли-бы продолжать борьбу с противником в Рижском заливе, за владение им. Ред.

скорострельной артиллерией крейсеров „Богатырь“ и „Олег“, но ему было в этом отказано [1]).

Минная дивизия, во главе с ее начальником, все навигационное время, начиная с 1915 года, проводила в Моонзунде, но часть миноносцев постоянно отрывалась для выполнения разных поручений в Финском и Ботническом заливах; кроме того, постоянная служба в море вызывала необходимость переборки машин, различных исправлений, а иногда и более крупного ремонта, что также отвлекало часть миноносцев в Ревель и Гельсингфорс; более мелкие работы исполнялись в Рогекюле. К началу операции в Моонзунде, находились, под командою начальника Минной дивизии, адм. Старка, до десяти „Новиков“ (XI, XII и XIII дивизионы) и одиннадцать эскадренных миноносцев старого угольного типа. (IV, V и VI дивизионы). В ближайшие затем дни подошли еще два „Новика“ („Гавриил“ и „Капитан Изылметев“) и два старых миноносца. Кроме того, было несколько небольших миноносцев Дивизии сторожевых судов.

Подводных лодок к началу операции было всего три—английские „С 26“, „С 27“ и „С 32“. Перед тем были еще недавно вступившие в строй наши лодки типа „А Г“, но „благодаря малой опытности личного состава и, вероятно, несовершенству механизмов, они часто выходили из строя“ [2]). Относительно же английских подводных лодок, командовавший Морскими силами залива говорит: „Самою исправною частью были английские подводные лодки „С“, о которых могу отозваться лишь с величайшею похвалою: все поручения исполнялись ими точно, не только безропотно, но и с полным желанием принести военную пользу“ [3]). По просьбе адм. Бахирева, неисправные лодки, когда была возможность, заменялись другими. Так, однажды был прислан „Леопард“, который, несмотря на свою большую величину, блестяще выполнил данное ему поручение по наблюдению за входом в Западную Двину. Присланный же в другой раз „Кугуар“ 7-го Сентября, вследствие неисправности, отказался выйти на данную ему работу.

В Рижском заливе находились также канонерские лодки: „Хивинец“, „Храбрый“ и „Грозящий“; заградители: „Амур“, „Волга“ и „Припять“; тральщики, сторожевые суда, теплоходы, дозорные катера, транспорты и различные вспомогательные суда.

Дивизии траления и сторожевых судов, у которых зимний ремонт сильно задержался, ввиду большой работы в Балтийском море, Финском и Ботническом заливах могли уделить только незначительную свою часть в Рижский залив; между тем, надобность в этих судах, особенно после появления в заливе неприятельских подводных лодок и падения Риги, очень увеличилась. Транспорты к Менто, в Аренсбург и Пернов уже нельзя было посылать без конвоя, и потому наличные сторожевые суда только и заняты были этим делом и отвлекались от своих прямых обязанностей. Адмирал Бахирев несколько раз просил Командующего флотом об увеличении числа мелких судов, причем в юзограмме от $\frac{\text{22 сентября}}{\text{5 октября}}$ указывал, что для надобностей залива остаются всего два сторожевых судна.

---

[1]) Отчет о действиях М. С. Р. З. стр. 6.
[2]) Там же, стр. 7.
[3]) Там же.

С такими же просьбами он обращался и относительно тральщиков; даже $\frac{28 \text{ сентября}}{11 \text{ октября}}$, накануне появления немцев, он доносил, что у него остался только один тральщик „Минреп“ и последняя русская подводная лодка вышла из строя.

Что касается состояния, в каком находились наши суда, то на больших кораблях состояние машин было, относительно, удовлетворительное; миноносцы же и мелкие суда были в такой мере издерганы, что, за весьма малым исключением, требовали постоянных переборок и исправлений в Рогекюле и даже в Ревеле и Гельсингфорсе, после небольших походов и даже стоянок в Аренсбурге и Куйвасте.

Вообще, в смысле техническом, суда Рижского залива, как и весь русский флот в 1917 году,—благодаря плохо законченным ремонтам и почти отсутствию постоянного, правильного наблюдения командного состава за материальной частью, были в значительно худшем состоянии, чем в предыдущие годы. Адмирал Бахирев приводит несколько примеров, характеризующих состояние материальной части. Так, 8 сентября миноносцы, дважды атакованные гидропланами, не могли открыть огня из своих аэропушек; миноносец сторожевой дивизии, поставленный ночью к вехе для указания места ее, не мог открыть прожектора. Когда 17 октября, для окончательного уничтожения лин. корабля „Слава“, по ней было выпущено несколько мин Уайтхеда, взорвалась только одна. Расследование показало, что взрыва остальных не произошло вследствие небрежного хранения мин и отсутствия ухода за ними.

Канонерская лодка „Хивинец“, все время стоявшая в Гельсингфорсе и никем не беспокоимая, пришла в Рижский залив с таким числом часов (до 800) работы котлов, что сразу начала просить о временном выводе ее из строя. Много подобных случаев было с механизмами и котлами. Часто работы, которые раньше производились судовыми средствами и продолжительность которых определялась часами, теперь передавались мастерским и тратилось время на переход из Куйваста в Рогекюль и обратно. „Кадры опытных кондукторов и сверхсрочно-служащих были уничтожены, и вообще молодежь старалась вытеснить стариков с кораблей“.

„Корабли, с весны базировавшиеся на Моонзунд, благодаря стараниям бывшего начальника дивизии контр-адм. Развозова, в смысле военном, т. е. стрельбе, артиллерийской и минной, постановке мин заграждения и т. п., можно сказать были обучены удовлетворительно; к сожалению того же нельзя сказать про суда, пришедшие в конце лета“ [1]).

В качестве необходимой базы для судов Рижского залива, строился порт в Рогекюле. Он был соединен железной дорогой через Гапсаль с Ревелем; в нем произведены были дноуглубительные работы, возводились молы, защищавшие гавань и образовавшие большую причальную линию; имелись кое-какие мастерские и склады.

Минные заграждения. Наиболее существенным средством для защиты позиции, как от прорыва, так и против различных действий неприятельского флота, являлись минные заграждения, выставленные, как в проливах, так и на подходах к ним

[1]) Отчет о действиях М. С. Р. зал., стр. 15.

и во внутренних водах самой позиции, ежегодно возобновляемые, начиная с весны, и усиливаемые в течении всего лета.

Самым важным из заграждений считалось заграждение Ирбенского пролива, на которое употреблено огромное количество средств и усилий.

Это заграждение включало в себя две позиции: Ирбенскую и Домеснесскую. Северный предел первой ограничивал собой маневренное пространство, так называемый „маневренный мешок". Домеснесская позиция, состоявшая из четырех линий заграждения на направлении Доменес—банка Вост. Калькгрунд, общей глубиной в пять миль, замыкала его с востока. Обе позиции, в большой своей части, покрывались дальностью 12″ орудий Церельской батареи.

По поводу этого заграждения адмирал Бахирев пишет в своем отчете: „В самом Ирбенском проливе давно уже было поставлено и поддерживалось минное поле, которое отнюдь нельзя было считать минною позициею: 1) южный берег пролива принадлежал неприятелю и сильно укреплен; 2) большая площадь поля давала возможность неприятелю все время производить тральные работы, и мы не могли уловить момента, когда он действительно намерен форсировать проход; к тому же, благодаря этому полю, мы лишены были возможности постоянного наблюдения за неприятельскими тральщиками; 3) эти тральные работы неприятель мог производить совершенно без поддержки своего флота; 4) при прорыве неприятель, благодаря устройству нашей позиции, все время гарантирован от наших атак миноносцами и подводными лодками, так как его защищали наши заграждения, поставленные параллельно берегу (это была, мое мнение, громадная ошибка); 5) неприятель имел возможность сделать вдоль самого своего берега протраленный фарватер и следить за его исправным состоянием; 6) мы не имели возможности высылать из Рижского залива неожиданно для неприятеля наши миноносцы и подводные лодки к W-ту в море и, следовательно; 7) это поле лишало нас возможности производить разведки в Балтийском море из Рижского залива.

„Таким образом в Ирбенском проходе минной позиции у нас не было, было лишь минное поле, засыпанное и засыпаемое минами: неприятель тралил, мы подбавляли мин. Тем не менее обстановка заставляла продолжать такую позиционную борьбу" [1]).

На прилагаемой карте можно видеть характер заграждения Ирбенского прохода (приложение V).

Перед входом в Моонзунд с юга было также поставлено минное заграждение, как для защиты от прорыва неприятеля к Куйвасту, так и для того, чтобы затруднить маневрирование его флота в случае боя с нашими батареями и судами, отступившими к Куйвасту. По сторонам этого заграждения был оставлен проход для наших судов.

Также было выставлено заграждение со стороны моря у подходов к Соэлозунду; самый же пролив оставался незагражденным, чтобы дать возможность беспрепятственного выхода в море нашим миноносцам. Его предполагалось заградить, как минами, так и

---

[1]) Отчет о действиях М. С. Р. зал., стр. 3—4.

затоплением в нем парохода, лишь при непосредственной угрозе со стороны неприятеля [1]).

Батареи. Из батарей, сооруженных на островах позиции, первое место по своему значению занимала батарея на мысе Церель (№ 43) из четырех 12″ орудий в 50 калибров, на унитарных башенных установках, за бетонными брустверами. На нее возлагалась защита Ирбенского прохода и его заграждений от неприятельского траления, а также содействие нашим судам в борьбе их с прорывающимся флотом противника. Немного севернее ее, на том же полуострове Сворбе, у деревни Каруст, находилась батарея (№ 40) из четырех 120 m/m пушек в 50 кал., снятых с броненосных канонерок Амурской флотилии, и у мыса Менто—батарея (№ 41) из четырех 130 m/m орудий в 50 кал.

Подход к Соэлозунду со стороны моря защищали батареи: на северо-восточном берегу о. Эзеля, на мысах Хундва и Нинnаст (№ 45 и 46),—каждая из четырех 6″ орудий в 45 кал., и на юго-западной оконечности о. Даго, у деревни Серро (№ 34) из четырех 120 m/m орудий в 50 калибров. На первые возлагалось, повидимому, также и воспрепятствование десанту в наиболее удобном для него, а потому и угрожаемом месте, именно в бухте Таггалахт; однако, вынесенные на наружные мысы, они первыми подвергались огню судовой артиллерии, почему выполнить эту роль не смогли бы. Вероятно, они выполнили бы ее удачнее, если бы были расположены в глубине бухт Таггалахт и Мустельгам.

Далее к северу, на северо-восточной и северной стороне о. Даго, для обороны подступов к Передовой позиции и защиты левого фланга ее, а также для помощи флоту в случае боя, были батареи: на Дагерорте, у дер. Гермуст (№ 47, из четырех 6″ в 45 кал.), на полуостр. Симпернесс (№ 39 из четырех 12″ в 52 кал.) у маяка Тахкона, и немного восточнее (№ 38 из четырех 6″ в 50 кал.). Последние, вместе с тем, прикрывали подход с севера к Моонзунду, для чего служила также батарея № 30 на сев.-зап. оконечности о. Вормс из четырех 6″ в 45 кал. и к северо-востоку, перед входом в Нукке-Вормский пролив, на мысе Диргамн—№ 37, из четырех 6″ в 50 кал.

Южный вход в Моонзунд защищался 2-мя батареями на юго-вост. оконечности о. Моон у дер. Вой: № 36 из пяти 10″ орудий в 45 кал и № 32 из четырех 6″ в 45 кал., и батареей на мысе Вердер № 33 из четырех 6″ в 45 кал.

Для борьбы с воздушными судами противника, в наиболее ответственных и составлявших для них приманку местах на берегу были установлены аэробатареи; помимо большинства батарей с крупными орудиями, защищались ими аэростанции в Кильконде и Аренсбурге, а также база Рогекюль.

Все постоянные батареи комплектовались морскими командами. Кроме того, на вооружении Моонзундской позиции имелось несколько батарей и сухопутной полевой артиллерии.

Не вдаваясь в подробности о состоянии батарей, мы сошлемся на отзыв сухопутного исследователя Моонзундской операции. „Инженерные работы на всех батареях не были вполне закончены.

---

[1]) Опыт Моонзундской операции показал, насколько был неправилен такой расчет. Противник появился у западного входа в Соэло-Зунд с рассветом и, держа под своим огнем пролив, обеспечил его от заграждения. (Ред.).

бруствера остались недоделанными, батареи не имели маскировки, дальномеры не оборудованы“ [1]). На батарее № 36 (10″ на о. Моон) только два орудия были установлены на бетонных основаниях, остальные три—на деревянных.

В частности, относительно Церельской батареи, адм. Бахирев пишет:

„Для защиты собственно Церельского прохода, была поставлена 12″ Церельская батарея, которую, из-за отсутствия прикрытия (работы начались только осенью), нельзя было считать законченною, и для защиты ее и отчасти подступов к Аренсбургу — несколько мелких и потивуаэропланных батарей на полуострове Сворбе.

„Предположенное капитаном 1-го ранга Кнюпфером оборудование новых батарей на Сворбе не было исполнено, вследствие неимения средств и чрезмерных требований, пред'явленных командами за выполнение работ. После нападения 17-го (30) сентября неприятельских аэропланов и происшедшего взрыва 12″ погреба, выбыло из строя 7 офицеров и 114 матросов разной специальности. Не все специалисты (и то поздно) были заменены, а из офицеров никто: их заменить было некем“ [2]).

Список и расположение батарей приложены в конце (Приложение III и карта—Прилож. IV).

Задания сухопутным силам позиции. По плану кампании на 1917 год, на сухопутные силы возлагалась защита островов в согласии со следующими руководящими указаниями начальнику Моонзундской позиции:

1. Не допустить прохождения неприятельских кораблей, пользующихся фарватерами, лежащими в пределах огня батарей позиции, во внутренние воды Моонзунда.

2. Безусловно обеспечить находящиеся на внешних берегах островов позиции батареи, гидростанции, посты связи и другие, имеющие военное значение сооружения от возможных попыток противника высадкой небольшого десанта или каким-либо иным образом разрушить или захватить их.

3. Своевременно обнаружить приближение неприятельского флота к позиции, принять предупредительные меры против возможной высадки, и если таковая началась, ликвидировать ее всеми имеющимися в распоряжении силами и средствами.

В то же время, признавая за островом Эзель наибольшее стратегическое значение для позиции, начальнику последней поставлено задачами:

1. Недопущение производства противником десанта на островах Эзель и Даго.

2. Самое упорное удержание полуострова Сворбе,

3. Энергичная оборона островов Эзель и Даго с целью удержания в наших руках Моонзундского островного района.

4. В случае потери островов Эзель и Даго — самая упорная оборона островов Вормса и Моона и недопущение десанта на материк в пределах границ Моонзундского района.

---

[1]) Военно-Историческая Комиссия. Ф. Н. Васильев. «Моонзундская операция 1917 г.».

[2]) Отчет о действиях М. С. Р. зал., стр. 3.

В частности, полуостров Сворбе должен обороняться особенно упорно, имея в виду, что с его удержанием связан вопрос о воспрепятствовании противнику прорваться через Ирбенский пролив. Поэтому, даже в случае отхода частей, обороняющих другие участки побережья, Сворбский укрепленный район должен удерживаться. В этом случае подвоз всего необходимого для гарнизона должен быть организован морем и обороне его будет оказана поддержка нашими морскими силами [1]).

Начальник укрепленной позиции.

Управление всеми сухопутными силами и средствами позиции сосредоточивалось в руках начальника ее (каким в описываемое время состоял контр-адмирал Д. А. Свешников), подчиненного непосредственно Командующему Флотом. Начальником его штаба, находившегося в Аренсбурге, состоял офицер сухопутного Генерального Штаба.

Нахождение во главе сухопутной обороны адмирала, в подчинении которого ни одного судна действующего флота не состояло, а были почти исключительно сухопутные войска и береговые батареи, укомплектованные моряками, признавалось некоторыми из сухопутных нецелесообразным. Командированный в апреле 1917 года на Моонзундскую укрепленную позицию подполковник Ген. Штаба Шербаков в своем докладе писал:

„Ввиду того, что адмиралу приходится командовать исключительно сухопутными войсками, полагал бы назначить начальником Моонзиции сухопутного начальника. Это не только мое личное мнение, но и голос всех войсковых начальников, с которыми мне приходилось говорить. Зачастую задавали вопрос: „Неужели же у нас нет способных генералов, кои командовали бы сухопутными войсками, и явилась потребность назначить прямым начальником моряка, который не знает нашей службы и не понимает нас?“ [2]).

Далее, в том же докладе, высказывается нежелательность оставления существовавшего подчинения начальника позиции Командующему Флотом, которому „трудно руководить действиями на Моонзиции в то время, когда ему, быть может, придется выйти в море и вести бой“.

„Наиболее желательно подчинить начальника Моонзиции Командующему I армией и считать Моонзицию передовой позицией сухопутного фронта“.

По поводу приведенного мнения, начальник военно-морского управления штаба Северного фронта кап. I ранга Альтфатер высказывается в своем отзыве, что все задачи позиции вытекают из тех общих боевых заданий, которые возложены на флот, и следовательно, все стратегическое значение Моонзундской укрепленной позиции является целиком чисто морским; выполнение всех общих и частных задач, возложенных на Моонзундскую позицию, находится в непосредственной связи с операциями Флота, всецело от них завися.

---

[1]) План Кампании на 1917 г. А. План обороны. Часть IV. Архив М. И. К., дело № 7498, стр. 95.

[2]) Архив М. И. К. дело № 8047 стр. 101.

„Исходя из изложенного, является совершенно понятным, почему во главе позиции стоит, а по существу дела и должен всегда находиться, морской офицер“.

Кап. I ранга Альтфатер не соглашается также с выводом подполк. Шербакова, что начальник позиции должен быть подчинен Командующему I армией.

„Из указанного выше стратегического значения Моонзундской позиции, нужной только флоту для успешного выполнения поставленных ему боевых задач, явствует, что Моонзундская позиция есть составная и неотделимая от флота часть, связанная с ним общностью операций и целей и имеющая с Командующим I-й армией связь не многим больше, чем с Главным Начальником Двинского военного округа.

„Вопрос правильного и рационального управления Моонзундской позицией, по моему мнению, сводится к тому, чтобы на острове Эзель, где сосредоточены почти все сухопутные войска, находился сухопутный начальник, подчиненный Начальнику Моонзундской позиции, причем последний должен находиться не на острове Эзель (в Аренсбурге), как то имеется сейчас, а в Гапсале, являющемся естественной базой всей позиции.

„При этом условии, войска будут подчинены непосредственно сухопутному начальнику, находящемуся на Эзеле, оборона коего от десанта является задачей сухопутной, но задачей не общей в отношении всех задач, возложенных на Моонзундскую позицию, а частной, почему в свою очередь этот начальник должен быть подчинен начальнику Моонзундской позиции—морскому офицеру, находящемуся в Гапсале и *управляющему позицией, а не командующему войсками острова Эзеля*, как то невольно происходит при условии нахождения его на этом острове.

„Сухопутным начальником на острове Эзель должен быть начальник 107 пех. дивизии, которая составляет гарнизон Эзеля.

„Считаю необходимым добавить, что такое именно решение этого вопроса принято уже Командующим Флотом Балтийского моря и в настоящее время происходит переселение Начальника Моонзундской позиции с его Штабом в г. Гапсаль, а на острове Эзель—Начальником его гарнизона и обороны—остается Начальник 107 пех. дивизии с его Штабом“ [1]).

Последнее, однако, не подтвердилось, так как адмирал Свешников и его штаб продолжали находиться в Аренсбурге и спешно перебрались в Гапсаль уже в разгар самой операции (отзыв Альтфатера датирован 25 мая), когда уже начальником обороны был экстренно назначен из Гельсингфорса ген. Генрихсон.

Я остановился на этой полемике несколько подробнее, так как она является характерным примером традиционного спора за власть между сухопутными и моряками.

Но, как на руководство боевыми действиями, так и на подготовку к ним, помимо профессии начальника оказывают не меньшее влияние его личные качества. Имеемые материалы не дают доста-

---

[1]) Там же, стр. 93.

точно данных для оценки деятельности начальника позиции адм. Свешникова ни в той, ни в другой области. Есть, правда, весьма отрицательная, но односторонняя характеристика его в частном письме бывшего его начальника штаба полковника Васильева [1]), утверждающего, что позиция, доколе во главе ее стоит адм. Свешников, не представляет собой какую-либо силу сопротивления. Это письмо (от 10/23 августа 1917 г.), написанное с большой страстностью и в резких выражениях, во всяком случае указывает на существование распри между начальником позиции и начальником его штаба, распри, повлекшей за собой замену последнего незадолго до начала операции.

Внезапное назначение в самом начале операции генерала Генрихсона для руководства боевыми действиями на Моонзундской позиции, с подчинением ему адм. Свешникова, свидетельствует, однако, о недостатке доверия со стороны высшего начальства к способности последнего руководить обороной позиции.

Сухопутный гарнизон островов.

Гарнизон островов позиции состоял из частей 107 и впоследствии 118 пехотных дивизий, небольшого количества конницы, полевой артиллерии и инженерных войск. По боевому росписанию, к 23 сентября (6 октября) состояло всего в районе Моонзундской укрепленной позиции: 15 батальонов, 5 эскадронов, 140 пулеметов и 60 мелких орудий.

Так как главной задачей сухопутных войск являлось воспрепятствование десанту противника и, в случае его высадки, распространению его вглубь берега, то на о. Эзель, как наиболее угрожаемом, была сосредоточена бо́льшая часть гарнизона, распределенного по участкам побережья с резервом в Аренсбурге: пехотные полки—425 Каргопольский, 426 Повенецкий и 472 Масальский, 3 роты Гвардейского Экипажа, 3 сотни пограничников, несколько батарей и около 2-х рот сапер. На о. Даго был один 427 пех. Пудожский полк, одна полевая батарея, одна сотня пограничников и взвод сапер. Гапсаль являлся базой всей позиции. На побережьи всего района находился еще один пехотный полк—470 Данковский и одна сотня пограничников.

Адм. Бахирев указывает, что „гарнизон на островах также нельзя было считать достаточно сильным, и Командующий Флотом на приказание Главнокомандующего Северным фронтом усилить гарнизон Пернова и его района, выделив части из крепости Петра Великого и Моонзундской позиции, ответил ему юзограммою 30-го августа (12 сентября), что выделение частей невозможно, так как крепость и позиция требуют не только оставления всех частей, но и укрепления их, что, помимо этого, части не укомплектованы, а некоторые не окончили формирование“ [2]).

Усиление гарнизона, притом лихорадочным темпом, началось уже в разгар боевых действий и почти не принесло уже пользы.

Инженерная подготовка.

Что касается до сухопутных позиций на островах, то к весне 1917 года „инженерная подготовка состояла в том, что на некоторых участках побережья были построены окопы“. В то же время была спроектирована целая сеть узлов сопротивления, как непосредственно

---

[1]) Там же, стр. 337.
[2]) Отчет о действиях МСР зал., стр. 5.

в районах возможного десанта, так и в тылу. Но весной к постройкам спроектированных позиций еще приступлено не было. По отзыву вышеупомянутого доклада подп. Щербакова: „В общем инженерная подготовка Моонзиции сводится к нулю, так как даже законченные окопы пригодны лишь для стрельбы с колена и не имеют ни блиндажей, ни убежищ“ [1]).

И в дальнейшем постройка позиций производилась, повидимому, недостаточно интенсивно, судя по упомянутому выше письму начальника штаба позиции от 10/23 августа: „строющиеся позиции почти не подвигаются. Ведь стыдно сказать, что за все лето вырыто на Сворбе 5 — 6 окопов“. И к началу операции „все вообще работы на Эзеле и Даго не были закончены даже на половину. Большая часть окопов была доведена до профили „с колена“, проволочных заграждений во многих местах не поставлено, обстрелы не расчищены“ [2]).

Морская авиация. Морская авиация располагала на Эзеле четырьмя авиостанциями: у Кильконда — 2 отряда, 12 аппаратов; на м. Церель — 2 отряда. 12 аппаратов; в Аренсбурге—1 отряд, 6 аппаратов и на пол. Вердер — 1 отряд, 6 аппаратов [3]). Базой для всех служил Кильконд. Выдвинутое вперед положение базы, впереди линии сухопутной обороны, делало ее совершенно беззащитной в случае высадки неприятеля в б. Таггалахт, и в действительности ее пришлось бросить со всеми мастерскими и большими запасами бензина в самом начале операции.

На Даго авиостанции имелись у Тахконы и в Гогенхольме на Дагерорте; база для них находилась в Гапсале.

Командовавший Морскими силами Рижского залива по поводу авиации в своем отчете говорит: „воздушные аппараты, несмотря на имение у нас нескольких отличных летчиков, по техническим качествам уступали немецким, которые брали верх также и своим количеством. Число истребителей было недостаточно. Аппараты часто портились, и исправление их задерживалось. За несколько дней до высадки немцев на Эзеле, именно 26-го сентября (9 окт.), мне пришлось юзограммою № 188 донести Командующему Флотом, что, вследствие неисправности гидропланов, летчики на Сворбе не могут вылетать, чтобы распознать появившиеся неприятельские корабли, и просить о присылке исправных, взяв их с мест, где они менее нужны. Бухта, выбранная кем то для гидропланов на рейде Куйваст, оказалась годною для под'ема их только в тихую погоду и, когда нет зыби. В самом начале существования базы (поста ?), один аппарат из имеемых двух, пробуя летать, сломался“.

Служба связи. Переходя к службе связи, я ограничусь также отзывом адм. Бахирева.

„Посты службы связи, одной из наиболее исправных и сохранивших порядок частей Рижского залива, были расположены в Аренсбурге и от Цереля по западным пунктам островов Эзель и Даго. На южном же берегу Эзеля их не было, и когда в Рижском заливе появились неприятельские подводные лодки, нам самим пришлось установить пост на Кюбосаре, для чего были назначены сигнальщики с больших кораблей [мое распоряжение 26-го августа (9 сент.)]

---

[1]) Архив МИК. Дело № 8047, стр. 107.
[2]) О. Н. Васильев. Моонзундская операция 1917 года.
[3]) Там же.

и 7-го (20) сентября пост открыл свои действия. Около этого же времени служба связи оборудовала пост Вейланд.

„Начальник службы связи кап. 1-го ранга Новопашенный шел навстречу нашим нуждам, и просьбы наши им исполнялись, если к тому представлялась возможность. Разведок фактически мы производить не могли, но все же достаточно осведомлены были о движении и возможных намерениях противника, из его телеграмм.

„Жаль только, что последние по причинам, изложенным ниже, не всегда своевременно получались".

Моральное состояние защитников Моонзунда.

Перечислив в беглом обзоре средства, имевшиеся для обороны Моонзундской позиции, я не коснулся в их характеристике главного фактора при ведении всяких военных действий, именно морального состояния войск. Я считал нужным выделить его особо, как ввиду исключительно важного значения его, так и для того, чтобы исследовать его одновременно для разных родов службы, как на кораблях, так и на сухом пути, так как действия и моряков и сухопутных были чрезвычайно тесно связаны и в равной мере влияли на исход всей операции; кроме того и главнейшие причины, влиявшие на дух войск, были для них общими.

Моральное состояние русских вооруженных сил, переживавших в 1917 году, на вооруженных фронтах длившейся уже три года войны революцию, охватившую огромную империю, — неизбежно подвергалось глубочайшим потрясениям. В частности, в отношении Моонзундской операции, для об'ективной оценки морального состояния вооруженных сил, защищавших позицию, — необходимо помнить, что эта операция происходила на седьмом месяце революции, когда авторитет временного правительства у населения и в войсках совершенно уже упал; когда коллективная воля трудящихся требовала от Советов захвата власти; когда обострившиеся классовые и национальные противоречия в населении бывшей Российской Империи,—местами переходившие уже в гражданскую войну,— неизбежно выявляли такие-же непримиримые противоречия и в составе русских вооруженных сил,—в первую очередь,—между командным и некомандным их составами. До Моонзундской операции Россия и ее вооруженные силы болезненно пережили уже такие события, как неудачное июльское наступление на юго-западном фронте, как выступление Корнилова, падение Риги...

Нижеприводимые отзывы начальников, руководивших действиями наших вооруженных сил во время Моонзундской операции, следует рассматривать — не только, как рисующие фактическую картину морального состояния подчиненных им частей, но и как отражающие в себе настроение и отношения к событиям их самих и главной массы командного состава. Среди этих отзывов, несомненно, наибольший интерес представляет отзыв главного руководителя морской обороной Моонзундской позиции, во время операции, адм. Бахирева, который мы и помещаем в первую очередь.

Отзыв адм. Бахирева. Команда.

„Что самое тяжелое, при разработке планов операций и при выполнении их — нам приходилось принимать в расчет и *моральный элемент*, который нельзя было считать равной силы с противником: уже опыт с нашей армией показал, насколько в этом смысле мы мало надежны.

„*Команда*, под влиянием агитации, *не доверяла офицерам*; при постоянной близости к неприятелю результатом этого явилась излишняя нервность, в опасные минуты переходящая в растерянность, а в трудные превращавшаяся даже в панику (случай с „Громом“ 1 (14) окт., со „Славой“ 4 (17) окт.). Чего раньше не замечалось, на походах в теплую и ясную погоду, вдали от неприятеля и в местах, где присутствие заграждений трудно предполагать, весьма многие одевали капковые жилеты. Во время стоянки в Аренсбурге мало кто ложился спать. Забота о своей безопасности доходила до того, что XI-й дивизион эск. миноносцев при стоянке на Аренсбургском рейде, где, кажется, бояться мало чего было, для своей охраны требовал катера и даже нарядил делегацию для поиска подходящих барказов. Главнейшею заботою „Славы“, по приходе ее на Куйвастский рейд, были постоянные запросы о глубине в Моонзундском канале.

„*Дисциплина*, можно сказать, отсутствовала, и в команде было сознание полной безответственности и уверенность, что она все может сделать со своими начальниками.

„Судовые комитеты желали вмешиваться во все, в чисто военную часть, и даже требовали своего присутствия при наборе и разборе оперативных телеграмм. На некоторых кораблях такой контроль даже был осуществлен и даже вскрывались секретные пакеты. Когда немцы обратили свое внимание на Рижский залив, неприятельские агенты и их приспешники, конечно, повели более усиленную пропаганду среди команд. Распускались невероятные слухи о положении внутри страны, на фронтах, указывали точную сумму, за которую генералами была продана Рига. Если стать на точку зрения команды, верившей этим вздорным слухам, требование контроля делается легко об'яснимым. Но все дело в том, что при осуществлении его секрет уже переставал оставаться секретом и, главное, к этому делу примазались бы темные силы с нечистыми от немецких денег руками. На этом же основании я уже раньше докладывал Командующему Флотом о недопустимости передаваемых шифром приветственных и подбадривающих радиотелеграмм, посылаемых кораблями друг другу. (Замечательно, что в этих телеграммах более всего желали лечь костьми в Рижском заливе корабли, немогшие пройти Моонзундом). Против оперативного контроля я боролся всеми возможными мерами и, наконец, добился, чтобы он был уничтожен на тех кораблях, где уже существовал.

„*Политиканство* распространилось во всю: чуть не ежедневные сборы делегатов с кораблей, вечные переговоры по семафору и клотиковыми лампочками, частые митинги на берегу, общие собрания на кораблях — только отвлекали людей от дела, которое и так-то не особенно спорилось, и держали и без того нервничающие команды в еще более напряженном состоянии.

„Некоторые командиры миноносцев, чтобы хоть немного направить умы людей к настоящему военному делу, просились на несколько дней перейти ближе к неприятелю, к Сворбе или в Аренсбург, где чаще были налеты неприятельских аэропланов.

„Юзограммы и телефонограммы политического и распорядительного (от разных комитетов) характера передавались в первую очередь; чисто оперативные задерживались, так что мне несколько раз, и словесно и по юзу, пришлось просить распоряжения Командующего Флотом о прекращении этого беспорядка“.

„30-го августа (12 сент.) общее собрание доверенных делегатов морских и крепостных сил Рижского залива потребовало от меня учреждения оперативного контроля и, когда я на это не согласился, оно по телефону обратилось с этим требованием к Командующему Флотом, при чем в разговоре указало, что общее собрание команд находит обоснованным не доверять мне до принятия выборного контроля (к сожалению, о выраженном мне недоверии я узнал много позже). Командующий Флотом имел после этого разговор с ними и со мною, просил дело уладить“.

По поводу домогательств учреждения оперативного контроля имеются указания и других источников. 26 сент. в Штабе Командующего Флотом была получена резолюция команд Морских сил Рижского залива, в которой было выражено требование образования особого комитета при командующем Морскими силами залива, для контроля по всем частям, борьбы со шпионажем и пр.

Резолюцию привезла делегация, которая заявила Центральному Комитету Балтийского флота (Центробалту), что, если ей не дадут удовлетворительного ответа, то она уедет ни с чем, а контроль будет введен во всяком случае и противодействия могут повести к эксцессам. По словам приводимого источника: „Ц. К. Б. Ф. понимает, что контроль над оперативной частью весьма опасен с военной точки зрения, но бессилен настоять на этом. Кажется обратится к Центрофлоту в Петроград“.

Далее там же:

„Командир „Грозящего“ пишет, что отказывается от ответственности за корабль, ибо над ним учинен полный контроль“ [1]).

Возвращаюсь к отчету адм. Бахирева.

„3-го (16) сентября на „Славе“ в судовом карцере командою был арестован старший инж. механик капитан 2 ранга Джелепов за отказ дать подписку на резолюции ее относительно происходивших в то время событий. На следующий день мне пришлось его на миноносце отправить в Гельсингфорс на „Кречет“, в распоряжение Штаба Командующего Флотом. Командир „Славы“ кап. 1-го ранга Антонов незадолго до боя докладывал мне, что он вообще в своей команде не уверен и что во время какой-либо операции возможен случай, что команда решит не идти в назначенное место и в случае неисполнения ее желания перевяжет его и офицеров.

„20-го сентября (3 окт.) возвращавшийся с дежурства из Аренсбурга „Победитель“, под брейд-вымпелом начальника XI-го дивизиона эск. миноносцев кап. 2 го ранга Пилсудского, вошел на рейд Куйваст большим ходом, раскачал транспорт „Либаву“ со стоявшим у его борта „Новиком“ и оборвал швартовы у некоторых тральщиков и дозорных судов, бывших у пристани. По просьбе к.-а. Старка, не раз требовавшего уменьшения хода на рейдах, я об‘явил свое неудовольствие „Победителю“ за большой ход. На это „Победитель“ поднял сигнал: „флот извещается, начальник минной дивизии страдает от качки“. Большая часть судов на рейде этот сигнал отрепетовала. Мною была послана юзограмма 21-го сент. (4 окт.) № 157 р. Командующему Флотом с мотивированною просьбою об отчислении меня от должности командующего Морскими силами Рижского залива. С нарочным мною был отправлен более подробный рапорт об этом, также представлен подробный рапорт к.-а. Старка.

---

[1]) Архив М. И. К. Ренгартен И. И. Дневник мировой войны. Стр. 463 и 464.

Дело затянулось до высадки немцев на Эзель 29-го сент. (12 окт.), когда, конечно, было уже не до решения этих споров".

„Падение дисциплины среди команд выразилась и во многих кажущихся мелочах, в жизни кораблей имеющих громадное значение: вахтенная служба упала, уезжали в отпуск и в бесчисленные политические и хозяйственные командировки нужные для боя люди и т. п.

„Несмотря на все это, я был уверен и, теперь мне кажется, я был тогда прав, что добрая половина *судовых* команд, пробывших с ранней весны в Рижском заливе, искренно желала дать отпор врагу и отстоять залив от овладения неприятелем. На морских батареях люди очень заботились о возможности своевременного отступления, и прислуга Моонских батарей для этой цели даже требовала в свое исключительное распоряжение буксиры. С сухопутными войсками, расположенными на островах, дело обстояло, повидимому, хуже".

Офицеры. „Общее положение дел, конечно, не могло не отразиться и на офицерах: вечные недоразумения и трения с командою, взаимное недоверие породило *нервность*; частые ослушания, малое желание что-либо делать и безнадежность на улучшение — *отнимали энергию* у офицеров.

„Редко, правда, но все же были разговоры среди офицеров, что все равно с такою командою ничего не поделаешь и нет никакой надежды на военный успех. Некоторые офицеры и даже командиры из-за нервного расстройства должны были покинуть свои корабли. Командир „Славы", в политическом отношении самого беспокойного корабля, кап. 1-го ранга Антонов, за стоянку в Моондзунде, изнервничался, часто прихварывал; по моему докладу Командующему флотом и по совместному обсуждению с ним, все таки решено было не сменять его, так как трудно было найти охотника командовать „Славой", да и команда корабля не всякого командира приняла бы.

„В количественном отношении боевые корабли офицерским составом были укомплектованы сносно; но на судах, особенно больших, был значительный процент совсем неопытных молодых мичманов, которые к тому же в училище или гардемаринских классах проходили сокращенный курс. Были и мичманы военного времени. Были случаи, что продвигались вверх офицеры, в мирное время не по своей воле ушедшие со службы и во время войны вновь принятые на нее.

„На „Хивинце", перед самым началом немецкой операции, не было ни командира, ни старшего офицера, и в командование вступил совсем молодой лейтенант Афанасьев. С „Храброго" командиру, из-за его родства с генералом Корниловым, пришлось уйти (Правда, его заместил достойнейший старший офицер старший лейтенант Ренненкампф). На некоторых кораблях были командиры, выбранные командами. Опыт с выборными начальниками во флоте оказался неудачным: выбирались большею частью не лучшие кандидаты, а часто из-за покладистого характера; да и сами выборы происходили не всегда без инициативы и помощи самих избираемых. В защиту некоторых известных мне выбранных командиров судов Рижского залива („Охотник", „Гром" и некоторых других) должен сказать, на своих прежних должностях это были прекрасные офицеры, из некоторых выработались бы отличные капитаны, но их большой недостаток—непрохождение всех необходимых сту-

пеней службы и малая для командования опытность в военно-морском деле, что и сказалось в особенно трудные минуты"[1]).

Такое положение вещей, конечно, не могло не отразиться и на самом высшем командовании в Рижском заливе. В этом отношении очень показательна юзограмма адм. Бахирева, посланная им Командующему флотом после приведенного выше случая с „Победителем"; в этой юзограмме адмирал доносит:

„Случаи неисполнения приказаний имели место уже не раз за мое кратковременное пребывание в Рижском заливе. Адмирал Старк доложил мне, что более уже не в силах оставаться в должности наминдива, просит об отчислении его и теперь подал рапорт. Со своей стороны я также прошу освободить меня от командования Рижскими силами, так как, несмотря на крепкие нервы, постоянные трения и тщетные старания поддержать порядок мешают мне отдать все способности на оборону залива, заставляют напрасно растрачивать силы, и я начинаю терять надежду на успех.

Поэтому считаю себя мало пригодным к ответственной должности командующего Рижскими силами в такое важное время и считаю нравственным долгом просить заменить меня более подходящим и популярным среди команды флагманом, которого можно назначить на это время из другой части флота. Предвидя Ваши возражения, доношу, что благодаря указанному выше, в нужный момент я могу оказаться не на высоте, и тогда запоздавшая замена может не поправить дела. Эту юзограмму я прочитал адмиралу Старку, и он сказал, что причины, побуждающие его просить об отчислении, одинаковы с моими"[2]).

О настроении части команд, отправляемых на защиту Рижского залива, можно судить также по нижеследующей резолюции команды лин. кор. „Слава", вынесенной ею по получении известия о назначении их корабля в состав Морских сил залива:

„Весь личный состав команды линейного корабля „Слава" признает назначение нашего славного корабля, с нами вместе, в Рижский залив несправедливым, ввиду того, что „Слава" и вся команда защищала Рижские воды 16 месяцев, о чем знает не только Балтийский флот, а вся Свободная Россия, и теперь находит справедливым, чтобы пошли в Рижский залив исполнить святой долг перед Свободной Родиной один из кораблей „Республика" или „Андрей Первозванный", так как они также могут пройти по каналу.

„К тому же, вся команда „Славы" никогда не отказывается, хотя бы в любой момент пришло назначение, идти в бой, который и выполнит, насколько хватит сил и насколько способна боевая мощь нашего славного корабля, но лишь только вне Рижского залива...

„А также вся команда „Славы" готова идти и в Рижский залив, но лишь тогда, когда будет там защищать один из выше названных кораблей, и если ему будет нужна боевая помощь, тогда наш доблестный корабль пойдет и проявит свою боеспособность, как уже и проявлял во время 16-ти месячного защищения Рижского

---

[1]) Отчет о действиях М. С. Р. зал., стр. 16—21.
[2]) Там-же, приложение III.

побережья, хотя и считают наш корабль вооруженным слабее других и ввиду этого посылают нас вторично в Рижский залив. Нет! мы не допустим этого, чтобы мы и наш корабль был слабее других; мы уверены, что и здесь сумеем проявить доблесть нашего корабля, и будем стоять, а если будет нужно, то и помрем за свободу России".

Протест „Славы", однако, успеха не имел, и ей пришлось подчиниться, но при этом она ставила свои условия:

„Мы, вся команда лин. кор. „Слава", хотя и считаем назначение нас в Рижский залив несправедливым, но, считаясь с положением настоящего момента, мы идем исполнить наш святой долг перед Свободной Родиной и повинуемся воле Центрального Комитета и Командующего флотом Балтийского моря, а также и своих товарищей, которые видя несправедливое решение, подтверждают, что должна идти в Рижский залив „Слава" и не отдают себе отчета, что они идут против совести и даже насильствуют.

„Но мы исполняя Ваше постановление, также в свою очередь требуем:

„1) В Рижский залив мы идем лишь до окончания навигации 1917 года, но не на зимнюю стоянку.

„2) Всех больных нашей команды, находящихся в продолжительных отпусках на поправке здоровья, исключить из списков состава команды и срочно заменить здоровыми.

„3) Немедленно произвести медицинский осмотр всей Славской команде и всех признанных неспособными нести корабельную службу также заменить здоровыми

„4) Немедленно пополнить боевой комплект команды.

„5) Отпуск остается на усмотрение команды и требуем для проезда белые бланки литера А.

„6) А также требуем, чтобы жалованием месячным и всем нужным довольствием, которым пользуются наши товарищи от Гельсингфорсского порта, не были бы и мы умалены, а должны получать по курсу 266 марок за 100 рублей и платить финскими марками.

„7) Просим по мере возможности доставлять пресную воду для питания котлов".

На эту резолюцию последовал ответ Командующего флотом:

„Командиру „Славы„.

„Передайте команде благодарность за сознательное отношение к долгу. Зимовка не предполагается. Приготовиться к походу к 1 июля.

Вердеревский" [1]).

Разложение в сухопутных войсках.

Невеселую картину представлял и сухопутный гарнизон. Те же условия, которые уничтожили боевую сопротивляемость нашей армии на всех фронтах, действовали и на войска, предназначавшиеся для защиты Моонзундской позиции. Везде, в отзывах войсковых начальников, мы встречаемся с самой безнадежной оценкой морального состояния частей,—еще более безнадежной, чем во флоте, где корабли все же об'единяли до некоторой степени свой личный состав, еще сохранявший хотя бы привычку к прежней организации.

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 12801, стр. 142, 143 и 108.

Характерную картину рисует приводимое ниже описание путешествия одного из полков, отправленного еще весной из Ревеля на усиление Эзельского гарнизона.

472-й пехотный Мосальский полк отправлялся по железной дороге пятью эшелонами. Еще в Ревеле, по словам офицеров, перед посадкой полка в вагоны, в казармы проникали частные лица, видимо, раздававшие спирт. Поэтому, уже при посадке в поезда было много пьяных и „порядка при посадке не было". Несколько солдат заняли места в офицерских вагонах, на пути некоторые стреляли из окон вверх боевыми патронами.

По прибытии на мызу Шлосс - Лоде, принадлежавшую графу Буксгевдену, головной эшелон был расположен в главном доме, в котором оказалось три запертых комнаты. Кто-то сказал, что в этих комнатах хранится оружие, бомбы, медь и пр. предметы, заготовленные для немцев, и что то же самое имеет место во всех баронских имениях. Солдаты выломали двери и, действительно, в одной из комнат нашли 2—3 винтовки Арисака и много боевых патронов. Весть об этом немедленно распространилась по всему эшелону, вызвала всеобщий взрыв озлобления к немцам, и солдаты стали громить имение, уничтожая и портя мебель, предметы хозяйства и живность. Озверение дошло до того, что, например, куриц не резали, а разрывали на части, свиней не кололи и не стреляли, а исполосовывали штыками, ножами и т. п. Правда, многие из солдат возмущались буйством своих товарищей, но боялись трогать пьяных, а увещания ни к чему не вели, кроме озлобления и угроз. Старания офицеров успокоить солдат также ни к чему не повели, их совершенно не слушали. хотя „случаев умышленного оскорбления, или вообще чего-нибудь, направленного против офицеров, не было, за исключением единичных случаев на почве соревнования (?) частей полка".

Следующие эшелоны, узнав о бесчинствах головного, продолжали его работу; первый эшелон по местечку Леаль прошел благополучно, второй его разгромил. Солдаты громили не только баронскую мызу, но врывались в дома эстонцев, отбирали имущество, которое тут же продавали местным жителям, забирали лошадей или меняли худших на лучшие. Захватили несколько лошадей и часть продуктов, принадлежавших крейсеру „Адмирал Макиров". С крейсера была выслана команда для охранения от разгрома имущества и обуздания страстей.

Увещаниями и угрозами расстрела пулеметами, матросы повлияли на солдат, и к Вердеру эшелоны подходили уже „относительно в порядке".

Осматривавший полк на походе бригадный командир ген. Мартынов приводит данные об его составе. В 10 ротах и во всех командах состояло 50 офицеров и 2086 солдат, из них штыков 1200. Командный состав он считал неудовлетворительным, потому что кадровых офицеров имелся только один, временно командовавший полком. Батальонами и ротами командовали офицеры из прапорщиков. Отдавая им должную дань „в полном сердечном желании и большом старании принести пользу", ген. Мартынов, в то же время, не мог не признать отсутствия у них положительных знаний, жизненного, служебного и боевого опыта, каковые обстоятельства не могли не влиять на общее положение.

В августе сообщали из Гапсаля: „Гарнизон в большом возбуждении, собирается грабить город. Комендант собирает на экстренное собрание комитеты“ [1]).

С отправкой войск на усиление гарнизона Моонзиции вообще выходило неладно, даже во время уже самой операции, когда деморализованные части на Эзеле, почти не оказывая сопротивления высадившимся немцам, неудержимо отступали перед ними. Даже казачий 25-й полк с конной батареей отказался ехать из Гельсингфорса в Ревель на транспортах, вероятно, не доверяя ни морю, ни морякам, и его пришлось отправить по железной дороге через Петроград. С пехотными же полками было еще хуже.

Первый эшелон 471 пех. Козельского полка, прибыв в Гапсаль, отказался выходить из вагонов, а третий его эшелон, уже посаженный в поезд в Кегеле, совсем не пожелал ехать в Гапсаль и „безобразничал“. Батальон 470 пех. Данковского полка, посаженный в Гапсале на транспорты, отказался идти и разошелся по домам. К прекращению безобразия были приняты меры: были привлечены все местные демократические организации для раз'яснения войскам недопустимости и преступности подобных поступков; комиссар фронта послал телеграммы, как в полк, так и в Ревельский Совет о высылке депутатов в Кегель; главнокомандующий Северным фронтом приказал об'явить частям, что неисполнение боевых приказов поведет к расформированию их и преданию зачинщиков военно-революционному суду. Кроме телеграмм, был специально командирован в Гапсаль уполномоченный комиссара фронта Фридман, доносивший: „отправка подкреплений на Моон идет не совсем гладко: вчера возился с эшелонами Козельского полка, сейчас осложнение с батальоном Данковского полка.

„Хоть удержаться бы с такими войсками на Мооне“.

В результате представителям Центрофлота, Центробалта и пр. удалось повлиять на полковой комитет, который поручился за выполнение полком боевых приказаний начальников беспрекословно; представители полка просили заверить Командующего Флотом о полной готовности умереть за Родину и выручить товарищей. Эшелонам была послана телеграмма: „предлагаем немедленно выступить на выручку наших революционных войск на Эзеле и подчиниться боевым приказам, которые контролируются представителями Центрофлота и Центробалта“.

Таков был моральный элемент в войсках, защищавших Моонзундскую позицию.

Обстановка перед началом операции.

Указания на готовящуюся операцию. Начавшийся еще в 1915 году нажим немцев на правом фланге нашего сухопутного фронта происходил очень медленно, благодаря сопротивлению нашей армии. Подступы к Риге, при некотором содействии морских сил Рижского залива, упорно оборонялись ею. В 1917-м году обстановка изменилась, и неприятель не преминул использовать эту перемену в свою пользу.

[1]) Ренгартен. Дневник мировой войны, стр. 436.

24 августа немцы произвели прорыв у Икскюля, на фронте XII армии, и заставили ее 3 сентября оставить Ригу. Если и раньше немцами делались попытки захватить господство в Рижском заливе, то теперь владение им, для использования такого важного порта и для более прочного удержания его в своих руках, приобретало особенное значение. Владение Рижским заливом обусловливалось тем, в чьих руках находятся проливы в него и острова, закрывающие его со стороны Балтийского моря. Уже одно это обстоятельство заставляло предполагать близкую попытку немцев завладеть этими островами и закрепиться, как на них, так и в Моонзунде. Об этом же красноречиво говорили агентские телеграммы, сообщавшие об усиленной перевозке войск и военных грузов и стягивании транспортов и пароходов к Либаве и Виндаве. и даже о намерениях немцев произвести высадку на Эзеле. Кроме того, усилилась деятельность немцев по тралению в Ирбенском проливе, забрасыванию нас минами; участились налеты цеппелинов и гидропланов, которые, помимо засыпания различных пунктов и судов бомбами, имели, видимо, главною целью разведку.

Немецкое шпионство.

Усилилось и немецкое шпионство, на которое адм. Бахирев специально указывает, как на крупнейшее зло, с которым, по его словам, при создавшихся в то время обстоятельствах, бороться совершенно было невозможно. Кто угодно, под видом солдат, мог свободно проезжать по Моонзунду и Рижскому заливу, узнавать наши безопасные фарватеры и быть на островах: никакого осмотра не было ни в Рогекюле, ни в Аренсбурге. „Несколько раз, говорит адм. Бахирев,—об этом указывалось мною начальнику охраны Моонзунда и к.-а. Свешникову, доносилось и докладывалось начальству, но их приказания просто не исполнялись. На местных жителей тоже положиться нельзя было,—тем более, что не везде обращение наших команд с ними было вполне человеческое. Немудрено, что немцы знали о наших силах, наших порядках, наших секретах много более, чем можно было предполагать. Как потом уже, после занятия немцами Моонзундских островов, выяснилось, была целая неприятельская организация, которая входила во многие учреждения, обо всем имела сведения, агенты ее служили даже на железной дороге Гапсаль — Ревель. Наблюдалось замечательное явление— в важных случаях и при ожидании крупных событий, телеграфные и телефонные провода не были исправны. Так как суда, приходившие в Рижский залив, делались мне подчиненными и все необходимые для них сведения должны были получать из штаба Минной дивизии, для избежания лишней огласки о некоторых заграждениях, ставимых нами, с разрешения Командующего Флотом я не извещал его штаба, так что сведения о них были известны весьма небольшому числу лиц. Этим только я и об'ясняю взрывы нескольких неприятельских судов за период конец сентября—начало октября“ [1]).

Политические мотивы операции.

Агентурные сведения сообщали о настойчивых требованиях в рейхстаге наступления в Прибалтийском крае, использования развала в России и принуждения ее к сепаратному миру и о готовящихся морских операциях на севере [2]).

---

[1]) Отчет о действиях М. С. Р. Зал., стр. 6.
[2]) Архив М. И. К. дело № 7358.

Генерал Людендорф в своих записках говорит по поводу Моонзундской операции:

„Удар был направлен в сторону Петрограда и, так как массы не обладали правильной оценкой времени и пространства, должен был произвести там внушительное впечатление. Я испытывал чувство удовлетворения, что флот получит таким образом возможность действовать активно. Длительный период покоя создал обстоятельства, по которым можно было судить о подпольной работе независимой социал-демократической партии в отдельных частях флота, влиявшей кроме того и на состояние умов Германского народа и вместе с тем на нашу способность продолжать войну. То, чего добивался маленький осколок народа, нашло выражение во флоте. Внешние условия, в которых флот жил, и длительное соприкосновение его с родиной,—благоприятствовали распространению в нем революционных идей. Многочисленные откомандирования с флота Открытого моря зачастую лучших активных офицеров среднего служебного возраста и инженер-механиков для службы на подводных лодках отразились неблагоприятно на дисциплине.

„Новые военные занятия должны были поднять и укрепить дух флота“ [1]).

Что в Германском флоте не все благополучно, мы также до некоторой степени были осведомлены. Так, в конце сентября, нами была разобрана посланная начальником Немецких морских сил в Западной части Балтийского моря, зашифрованная особым, редким шифром радио: „В связи с революционным движением в командах в пользу скорейшего заключения мира предписывается в октябре особая бдительность“ [2]).

Из агентских сообщений мы узнали о заявлении, сделанном в рейхстаге морским министром адмиралом фон Капелле, что „русская революцяя вскружила головы некоторым лицам из состава нашего (Германского) флота и способствовала распространению среди них революционных идей“. Он намекал на какие-то „события“, на случай „забвения долга и чести“ и понесения за это наказания; жаловался, что социал-демократы, члены рейхстага, беседовали с главным агитатором матросом и поощряли его [3]).

Конечно, активные действия должны были повлиять на состояние умов; для успешности же их естественно было направить их в сторону наименьшего сопротивления.

Обстановка после занятия немцами Риги. С падением Риги обстановка в Рижском заливе значительно ухудшилась для нас: мы потеряли вторую базу для подводных лодок и мелких судов; в то же время, неприятель, до сих пор не имевший в Рижском заливе удобного места для стоянки своих судов и порта для ремонта их, сразу приобрел таковые. Защита правого фланга нашей армии, упирающегося в море, стала гораздо затруднительнее. Неприятельские подводные лодки начали свободно ходить по заливу, ставить мины и обстреливать наши берега.

Главнейшей задачей, поставленной флоту, было — содействие армии в обороне Рижского побережья и в частности Перновского

---

[1]) E. Ludendorff. «Meine Kriegserinnenrungen 1914—1918».
[2]) Ренгартен. Дневник мировой войны. Стр. 469.
[3]) Там же. стр. 430.

района. Прежде всего это содействие должно было выразиться в воспрепятствовании неприятелю форсировать Ирбенский пролив.

Использование Морских сил Рижского залива сообразно обстоятельствам было предоставлено усмотрению Командующего ими, но при этом ему напоминалось, что суда, особенно минная дивизия, будут нужны при обороне Финского залива и, самое важное, Центральной позиции.

Несмотря на неблагоприятно сложившиеся обстоятельства, командующий Морскими силами залива, адм. Бахирев, все же считал, что „при обыкновенных условиях могла быть надежда задержаться в заливе до появления льда, в расчете, что к весне многое изменится к лучшему“ [1]).

Наши мероприятия в Рижском заливе.

Было предпринято усиление минного поля в Ирбенском проливе и на подходе к нему от веста, со стороны Балтийского моря. Когда позволяли погода и обстоятельства, в местах, где работали немецкие тральщики и предполагался делаемый ими фарватер, по ночам ставились минные банки с теплоходов и дозорных катеров; к весту работала преимущественно „Припять“ с ее энергичным и смелым, по отзыву адмирала, командиром ст. лейт. Медведевым 2-м. Была усилена Домеснесская позиция. Для защиты 12″ Церельской батареи от обстрела ее неприятельскими кораблями, в направлении от веста до норд-веста от нее был поставлен ряд банок.

Когда началось движение немецких судов в Балтийском море у Либавы и Виндавы, адм. Бахирев докладывал Командующему Флотом о желательности иметь подводные лодки на внешней позиции, снаружи Ирбенского прохода. На это ему сначала обещали их выслать, но затем, на запрос о точном месте, где они находятся, неожиданно последовал ответ, что подводные лодки к Ирбену высланы не будут.

Предположено было поставить с „Новиков“ минные банки вдоль берега Балтийского моря в районе Либава—Виндава—Люзерорт, но Командующий Флотом приказал эту операцию отменить, „так как возможная при этом потеря одного или нескольких миноносцев сильно повлияет на моральное состояние команд“.

Для наблюдения за Ирбенским минным полем и для противодействия работе на нем неприятельских тральщиков, сначала у Сворбе, а с появлением в заливе неприятельских подводных лодок—в Аренсбурге—держались дежурные отряды, в состав которых входили миноносцы типа „Новик“, угольные миноносцы, канонерская лодка и, когда позволяли обстоятельства, сторожевые суда. На обязанности старшего из командиров в отряде лежала постоянная поддержка связи с командующим Морскими силами залива и с начальником боевого участка на Сворбе кап. 1 р. Кнюпфером: в пасмурную погоду или при появлении неприятельских тральщиков, — посылка в маневренный мешок сторожевых судов и миноносцев, или миноносцев с канонеркой, смотря по обстоятельствам. Этому отряду давались и другие поручения. Когда позволяла погода, наблюдение за минным полем производилось гидропланами и сторожевыми катерами капитана 2 р. Кира-Динжана. На позицию у Доменесса посылалась подводная лодка.

---

[1]) Отчет о действиях М.С.Р. Зал., стр. 9.

Несмотря на необходимость постоянно тралить маневренное пространство у Ирбенской позиции, выполнить это не представлялось возможным, так как вследствие большого спроса на тральщики в разных частях Балтийского моря, как уже было выше указано, в Рижский залив не могло быть уделено значительное количество их. Поэтому, тральные работы здесь производились редко и преимущественно только контрольными галсами. С появлением в Рижском заливе неприятельских подводных заградителей, исправным тральщикам приходилось постоянно работать в южных выходах из Моонзунда и в местах, где были обнаружены немецкие подводные лодки.

Доменесскую позицию, чтобы не обнаружить неприятелю границ ее, совсем не тралили, тем более, что в районе ее почти постоянно находилась наша подводная лодка.

На случай форсирования неприятелем Ирбенского прохода были составлены инструкции для действия батарей и судов в маневренном пространстве и на Доменесской позиции. Специально для Рижского залива был разработан маневренный код. Для подводных лодок были назначены места, на случай прорыва неприятеля и отхода наших кораблей в Моонзунд.

После отступления от Риги нашей армии, для защиты правого фланга ее, 9 сентября нашими миноносцами было поставлено против Петерскапелле минное заграждение, с расчетом, чтобы наши корабли могли свободно маневрировать между ним и берегом и, вместе с тем, оно служило бы защитой от неприятельских подводных лодок. В штаб стоявшего на этом фланге VI Сибирского корпуса был отправлен офицер с несколькими матросами, для устройства сообщения сигналами при подходе наших кораблей. Для защиты мелких судов, на берегу была установлена аэробатарея и станция беспроволочного телеграфа. Были составлены карты квадратов и восстановлены сожженные при отступлении армии шифры.

При оставлении Риги, нам не удалось закрыть вход в реку заготовленными для этого пароходами и снять заграждение входа в Западную Двину. Между тем, в Риге оставались лоцмана и, по имевшимся сведениям, были спрятаны до 50 паровых и моторных барказов и катеров. Предполагалось вначале перекрыть вход в Двину минными заграждениями, но затем решено было установить, для наблюдения за входом в реку, дежурство подводных лодок. Лодки подходили через заграждение к Усть-Двинску вплотную и ходили вдоль самого берега. Действительно, оказалось, что фарватер был немцами огражден и, повидимому, протрален, и на берегу ими поставлен был ряд прожекторов.

Опыт показал, что при наличии в Рижском заливе малого числа приметных мест для определения, особенно ночью, плавание в нем для подводных лодок в навигационном отношении не было легким, и поэтому решено было ставить заграждения лишь в случаях крайней необходимости.

Для наблюдения за западным берегом Рижского залива временами посылались вдоль него миноносцы и подводные лодки. Для охраны восточного берега и Перновского водного района был установлен ряд наблюдательных постов, и в ведение начальника охраны кап. 2 р. Нелидова, были отданы: речная флотилия, плавучие средства Усть-Двинской крепости и катера Морской охраны.

Когда начали получаться тревожные сведения о движении неприятеля в Балтийском море, 11 октября с заградителей и миноносцев были поставлены минные заграждения против Гайнаша и при входе в Перновский залив.

Гибель эск. мин. «Охотник».

26 сентября, в пасмурную погоду, в маневренном мешке взорвался на мине заграждения или был взорван торпедой, — что осталось неустановленным, посланный из Аренсбурга на разведку эск. миноносец „Охотник". Командир старш. лейт. Фок, все офицеры и боевая смена команды не оставили корабля, вследствии недостатка шлюпок, и пошли вместе с ним ко дну.

Налеты немцев. Взрыв погреба на Цереле.

В ночь на 1 октября бомбами, сброшенными с неприятельских гидропланов, был произведен пожар в 12″ погребе на Церельской батарее. Благодаря самоотверженной работе личного состава, огонь удалось затушить настолько, что он был еле виден, когда неожиданно произошел громадный взрыв. При этом погиб полковник корпуса гидрографов Ломан, трое других офицеров и семьдесят матросов; 3 офицера и 44 матроса были ранены. Взрыв произвел на команду удручающее впечатление. Многие стали просить о замене их людьми с тыловых батарей, говоря, что они за лето устали. Несмотря на настойчивые просьбы командующего Морскими силами Рижского залива, ввиду исключительно важного значения Церельской батареи, о замене выбывших из строя людей, только небольшая часть специалистов матросов была заменена, притом поздно; офицеров же заменить было некем.

Налеты и сбрасывание бомб с гидропланов производилось немцами постоянно на Церель и в других местах. 6 окт., вблизи Цереля, были ранены бомбой несколько солдат. 7-го — семь неприятельских аппаратов сбросили на Гайнаш пятнадцать бомб, причем было убито две женщины и одна ранена, поврежден железнодорожный путь и морская телефонная линия. Утром 9 октября восемь неприятельских бомбовозов сбросили безрезультатно до двадцати бомб на батареи Цереля, один же аппарат бросил три бомбы на стоявший у Менто пароход „Генерал Циммерман"; одна бомба попала в пароход, причем было несколько человек убитых и раненых.

Разведки сторожевых катеров в Ирбене.

8 октября вышедший от Цереля на разведку к неприятельским берегам с четырьмя катерами начальник II дивизиона сторожевых катеров кап. 2 р. Кира-Динжан, будучи сначала обстрелян с гидропланов, вступил в перестрелку с десятью неприятельскими тральщиками — катерами, из которых один загорелся и направился к берегу; остальные тральщики ушли, и наш отряд, израсходовав весь боевой запас, прекратил преследование.

12 октября, во время разведки, два катера из того же отряда снова заставили рассеяться девять неприятельских тральщиков и, возвращаясь, израсходовав боевой запас, были обстреляны тяжелой батареей у Михайловского маяка. Наконец, уже 14 октября они снова во время разведки попали под огонь неприятельской береговой батареи.

Разумеется, разведки производились главным образом с гидропланов, вылетавших ежедневно по нескольку раз, но кроме постоянной работы тральщиков, неприятельских боевых судов, до самой высадки немцев на Эзеле, обнаруживаемо не было.

Получение нами сведений о готовящейся операции.

Еще 14 августа наш агент в Лондоне телеграфировал, что Английское Адмиралтейство получило верные сведения, что „наступление на севере должно начаться в самом ближайшем времени и будет поддержано атакой флота. Состояние русского флота и наличность у неприятеля точной карты минных полей даст Германии возможность атаковать с моря Ригу и другие еще более важные пункты“. По агентурным сведениям к 17 августа: „Ближайшей задачей Германского флота будет занятие острова Эзеля и группы Оландских островов для обеспечения входа в Рижский, Финский и Ботнический заливы и для облегчения дальнейших операций на Ригу и через Финляндию на Петроград“ [1]).

Рига была занята немцами без помощи их флота, но в Либаву продолжали направляться большое количество транспортов с войсками и военными грузами и сосредоточиваться большие морские силы, в состав которых входили новейшие немецкие корабли, что уже само по себе указывало на близость готовящейся морской операции.

19 Сентября Морской Генеральный Штаб известил командующего Балтийским флотом, что, по сведениям Английского Адмиралтейства, предстоит операция неприятельского флота в Балтийском море, при чем состав назначенных для нее сил следующий: лин. крейс. „Гинденбург“, II, III и IV эскадры, II отряд крейсеров и три флотилии миноносцев.

23 Сентября было получено сообщение, что Английское Адмиралтейство вновь подтверждает сведения о предстоящей „в течение наступающей недели“ крупной операции на море, в которой примет участие значительная часть флота противника.

По непроверенным сведениям, 18 Сентября в Либаве находились 4 линейных корабля типа „Нассау“, один линейный крейсер, 5 кораблей типа „Дейчланд“, 4 „Веттина“, крейсеры „Роон“, „Принц Генрих“, 2—типа „Ганза“, 8 легких крейсеров, 20 миноносцев, 20 подводных лодок, 4 заградителя, 3 матки гидро, 2 матки подводных лодок, 5 вспомогательных крейсеров, 24 траулера и до 40 транспортов и отряд тральщиков. 23 Сентября утром из Киля ушли в Балтийское море: один „Байерн“, 2—типа „Кайзер“, 2—типа „Гельголанд“, 2 линейных и 2 легких крейсера. Те же сведения указывали, ввиду непропуска из Германии в Голландию с 24 Сентября газет, на возможность предположения о предпринятии немцами какой-либо крупной операции [2]).

По получении этих сведений, морским командованием были приняты следующие меры: в Лапвике были сосредоточены I бригада крейсеров, лин. корабли „Андрей Первозванный“ и „Республика“; I-ой бригаде линейных кораблей (дредноуты) приказано было быть в четырехчасовой готовности; подводные лодки — частью были высланы в море на позиции, а остающиеся собраны в Ганге; сосредоточены дивизии сторожевых судов и траления. В Рижском заливе была об'явлена полная боевая готовность.

3 Октября XII армия сообщила командующему Морскими силами Рижского залива, что ночью ожидается нападение и высадка неприятеля на Эзель. 9-го кап. I ранга Новопашенный телеграфир:-

---

[1]) Архив М.И.К. Дело № 10725.
[2]) Архив М. И. К. Дело № 7407.

вал, что на параллели о. Фильзанд находится один отряд неприятельских миноносцев, а вообще в море—имеются две их флотилии. Наконец, 10 Октября в Штабе Флота получено было от Англичан содержание разобранной ими радио начальника „Отряда особого назначения", адресованной IV эскадре (и III-ей, вероятно) и начальнику Разведочного отряда (Либавского), что „операция начинается в четверг 28 Сентября (11 Октября)" [1]).

С появлением тревожных известий о Германском флоте, в Рижском заливе были задержаны некоторые суда, которые должны были идти на отдых.

В это время Германский флот уже находился в пути к нашим берегам.

Немецкий план операции.

„Решение Высшего Командования выполнить операцию овладения прибалтийскими островами, вскоре после занятия в Сентябре 1917 года Риги", говорит в своих воспоминаниях командовавший Германским Флотом Открытого моря адмирал фон-Шеер, — „прервало для Германского флота однообразие морской войны на Балтийском море.

„Морские силы получили задание перевести морем и высадить на о. Эзель десантный корпус, в составе одной усиленной пехотной дивизии". Нужно было оборудовать транспортный флот для перевозки 23.000 человек, 5.000 лошадей и весьма многочисленного боевого снабжения.

„В намеченной операции на флот ложилась задача обеспечить правый фланг десантного корпуса и содействовать овладению тет-де-поном у м. Ориссар на о. Эзель, занятие коего было необходимо для перехода войск на о. Моон".

Местом высадки была избрана бухта Таггалахт. „Морские силы должны были очистить подходы с моря от мин, дабы избежать потерь в транспортах. Предварительно потребовалась усиленная воздушная разведка, в целях выяснения наивыгоднейшей обстановки для высадки, которая должна была быть внезапной" [2]).

Высадка в самом Рижском заливе была невозможна, пока существовала 12" Церельская батарея, орудия которой обстреливали весь Ирбенский пролив; поэтому Германское командование и наметило для высадки бухту Таггалахт, расположенную на северном берегу Эзеля. Бухта эта по своим размерам, удовлетворяла всем требованиям высадки. Немцы знали, благодаря фотографическим снимкам своих летчиков, что у входа в бухту с запада и с востока, на мысах Хундва и Ниннаст, — установлены 6" батареи и что побережье бухты укреплено окопами. Поэтому, высадку решено было произвести либо ночью, либо на рассвете.

Все море западнее острова Эзель считалось покрытым обширными минными полями, через которые следовало протралить безопасные фарватеры. Для отвлечения внимания русских, предполагалось одновременно с высадкой в б. Таггалахт произвести обстрел южной части о. Эзель и аэродрома в бухте Папенхольм.

Перед высадкой нужно было, незаметно для русских, не только протралить фарватеры, но и обставить их вехами и плавучими маяками.

---

[1]) Ренгартен. Дневник мировой войны. Стр. 479.

[2]) «Морской Сборник» 1920 г. № 10—11. «Операция овладения островами Моонзунда в Октябре 1917 г.».

Первый бросок должен был состоять из 4.500 человек, которые предполагалось перевести преимущественно на больших судах.

На входившие в состав морских сил линейные корабли III эскадры и лин. крейсер „Мольтке“ была возложена задача разрушить батареи, защищавшие вход в бухту Таггалахт (на мысах Хундва и Ниннаст) и в Соэлозунд (у деревни Серро на Даго), чтобы дать возможность малым судам проникнуть на Кассарский плес. Овладению последним придавалось важное значение, чтобы обеспечить войскам переход на о. Моон и отрезать русским морским силам отступление из Рижского залива на север. IV эскадра должна была заняться уничтожением батарей на Сворбе.

В дальнейшем предполагалось нападение на Моонзунд с севера, чтобы запереть в нем русские морские силы. Последняя операция, однако, впоследствии была отменена [1]).

Состав германских морских сил. (*Приложение II*).

Командовал морскими силами, назначенными для операции, вице-адмирал Эргард Шмидт, державший флаг на лин. крейсере „Мольтке“. В состав морских сил входили: 10 дредноутов во главе с „Байерном“, составлявших III и IV эскадры Флота открытого моря; 9 легких крейсеров, 47 эскадренных миноносцев нескольких флотилий, флотилия из 6 подводных лодок, 2 дивизиона искателей мин, 4 дивизиона тральщиков и один транспорт с минами. Кроме того, при них состояли: одна авиобаза, 2 блокшива, отряд сетевых заградителей Балтийского моря, 4 госпитальных судна и большое количество угольщиков, нефтеналивных пароходов, буксиров, морских лихтеров и спасательных пароходов.

Исключительно большой состав флота об'ясняется тем, что морское командование должно было считаться с угрозой от подводных лодок и мин заграждения и с вероятностью боя с сильными береговыми батареями. Кроме того, морское командование считало возможным появление в Балтийском море главных сил Русского флота, в числе которых находились четыре дредноута.

Транспортный флот для перевозки десанта состоял из 19 транспортов, общим водоизмещением в 153.664 тонны.

Организация немецкого командования.

Высшее руководство всей операцией было возложено на главнокомандующего VIII армией, генерала от инфантерии Гутиера, который оставался на материке, причем для связи при нем состоял морской офицер.

Начальником десанта, т. е. непосредственным начальником высадившейся на о. Эзеле 42 пехотной дивизии, подкрепленной специальными войсками, являлся генерал-лейтенант Эсторф. Чтобы освободить его от непосредственных забот об организации снабжения, дальнейшей высадки подкреплений и тому подобных вопросов, которые надлежало решать в согласии с морским начальником, генерал Эсторф был подчинен командующему XXIII резервным корпусом генералу от инфантерии Катену, который находился на флагманском крейсере „Мольтке“ и, таким образом, пребывал в постоянной связи с начальником морских сил.

---

[1]) За отсутствием ко времени составления настоящего труда оффициального немецкого описания Моонзундской операции, сведения для этой и последующих глав почерпнуты, как из упомянутых выше воспоминаний адм. фон-Шеера («Deutschlands Hochseeflotte im Weltkrieg»), так и из популярных трудов: «Bastian. Der Ostseekrieg и Rösing Nachschuswesen der Marine (Schwartz, Der grosse Krieg. том IX и IV).

Немцы, видимо, считают, что вопрос командования был разрешен ими удовлетворительно, ибо тотчас после высадки, когда сухопутный начальник на берегу был всецело занят развитием сухопутных операций, пришлось решать ряд весьма серьезных вопросов, касавшихся тактической поддержки высаженных войск судовым огнем, перенесении баз высадки и частичных высадок на различных местах побережья, которые и решались генералом Катеном совместно с вице-адмиралом Шмидтом.

Подготовка немцами операции.

8 сентября отделение морского транспорта при Германском морском министерстве получило приказание в течение двух-трех недель подготовить транспорты для перевозки 15500 людей, 4500 лошадей, 100 повозок, 40 орудий, 225 пулеметов и 85 минометов, с соответствующими запасами, инженерным снабжением, провиантом и т. п.

Прежде всего предполагалось использовать эмигрантские пароходы, стоявшие с начала войны без употребления. Машины этих пароходов были разобраны, медные части вынуты, так как металл оказался нужен для целей войны. Подводные части пароходов настолько обросли, что их пришлось ввести в док. Команды пароходов либо были призваны на военную службу, либо перешли на пароходы, занимавшиеся перевозкой руды. Германия имела готовыми для перевозки войск лишь 5 малых английских пароходов, которые, после об'явления войны, были оборудованы всем необходимым. Они стояли в Нейфарвассере с кадровой командой, готовые к переброске воинских частей по первому требованию командования наступавших в Восточной Пруссии и в Курляндии войск. В Либаву была вытребована десантная рота одного из саперных баталионов, стоявших в Гарбурге, с осени 1915 года посланная на Дунай в распоряжение армии Макензена. Плавучие средства этой десантной роты были сильно увеличены против штатов мирного времени.

Изготовление к плаванию 12-ти самых больших транспортов (эмигрантских пароходов) заняло около двух недель усиленной работы днем и ночью. Особенно много времени требовало устройство нар для людей и стойл для лошадей. Повидимому, материалы для них не были заранее подготовлены. На каждом транспорте устанавливались кроме того прожектора, сигнальные средства и налаживались шлюпбалки для под'ема паровых катеров и десантных ботов. На транспорты было погружено все необходимое для постройки в месте высадки пристаней. Комплектование транспортов представило не малые затруднения, ибо весь личный состав их, как сказано, был использован по другим назначениям.

Центр тяжести всей операции находился во флоте. Наиболее трудным вопросом являлась организация снабжения через море, усеянное минами. Вместе с тем, нужно было подготовить прорыв в Рижский залив. Здесь, в Ирбенском проливе, как уже известно, со второго года войны развилась упорная борьба. Пролив был прегражден русскими минными заграждениями. Когда южный берег пролива был занят немцами, они пытались протралить безопасный фарватер вдоль этого берега. Русские этому препятствовали во-первых, установкой упомянутых выше батарей на Цереле и во-вторых, посылкой почти каждую ночь моторных катеров с минами через поставленные ранее заграждения; на фарватере, который немцы протралили днем, в одну из ближайших ночей русские вновь

ставили мины. Ввиду темных осенних ночей обеспечение безопасного фарватера было делом весьма нелегким.

В течение всего Сентября стояли настолько свежие погоды, что операцию пришлось отложить. Благодаря этому успели прибыть в Либаву одна бригада стрелков-велосипедистов и десантная рота с Дуная.

Транспортный флот был разделен на группы по 4—5 пароходов, под начальством штаб-офицера флота. На каждую группу транспортов были посажены войска всех родов оружия (например: один пехотный полк, один эскадрон, несколько полевых батарей, одна саперная часть). Такое распределение войск оказалось весьма полезным, так как несколько раз встречалась надобность менять места высадки. Повозки и запасы были так размещены, что все грузы первой очереди находились наверху.

Лошади и повозки перевозились на специальных десантных ботах, часть которых была доставлена вместе с десантной ротой. Это были четырехугольные, плоскодонные боты с двойным дном и двойными бортами, передние и задние борта могли опрокидываться. При посадке бота на мель, передняя стенка откидывалась и служила сходней. Боты буксировались паровыми катерами до последней возможности и затем, когда становилось слишком мелко, направлялись к берегу либо при помощи шестов, либо подтягивались системой талей, заведенных на берегу за дерево, крупный камень и т. под. Строились эти боты по английскому образцу, несколько усовершенствованному. Размеры их должны были быть небольшие, чтобы их можно было поднимать на палубу на барказных шлюпбалках и перевозить по железным дорогам. Поэтому, длина их была не более 10,5 метров, ширина — не более 3,4 метра, осадка в полном грузу — не более 0,6 метра. Грузопод'емность этих ботов была незначительна: на них можно было перевозить либо 6—8 лошадей, либо 2 полевых орудия с передками, либо 1 шестидюймовую гаубицу, либо 1 грузовой автомобиль. Обводы ботов не давали возможности буксировать их с достаточной скоростью.

О количестве людей и лошадей, погруженных на отдельные транспорты, пока не имеется данных. Первый бросок войск—2 пехотных полка—были погружены на малых пароходах, линейных кораблях и миноносцах.

Вследствие неблагоприятной погоды, траление подходов к русским берегам сильно затянулось. Эта задержка была использована транспортным флотом для практики в посадке и высадке войск. Высшее Командование с нетерпением ждало начала операции.

Адмирал Шеер утверждает, что вся обширная предварительная работа по оборудованию транспортного флота, выполнению посадки войск и разработке плана операции совместных действий армии и флота была произведена при исключительном единении сухопутных и морских начальников, чему он и приписывает блестящий успех увенчавший операцию.

Переход от Либавы к бухте Таггалахт.

9 Октября состоялась посадка войск на транспорты в Либаве. На другой день погрузка всего необходимого была закончена, и утром 11 Октября транспортный флот, под конвоем линейных кораблей и крейсеров, вышел в море. Предварительно в бухту Таггалахт была послана подводная лодка на разведку. Каждую группу транспортов

вел легкий крейсер, ответственный за безопасность своей группы в навигационном и военном отношении.

„Около полуночи",—пишет адм. Шеер,—„головные части флота и тральщики попали в густой туман и должны были уменьшить ход; ввиду этого произошла задержка, угрожавшая поставить всю операцию в критическое положение.

„В первую минуту и главные силы были вынуждены уменьшить ход, но, когда выяснилось, что вследствие этого задержится своевременная высадка авангарда и тем будет нарушен положенный в основу принцип внезапности, адмирал Шмидт приказал убрать тралы и дать место флоту. Он решил рискнуть пройти остаток пути без тральщиков, из опасения, чтобы задержка в движении не отразилась вредно на успехе дела.

„Решение это сопровождалось полной удачей: флоту удалось придти в исходное для операции положение без каких-либо потерь и помех, причем, как то выяснилось позже, флот прошел между минными заграждениями, поставленными перед бухтой Тагталахт".

Начались страдные дни Моонзунда.

Начало операции. Высадка десанта на острове Эзель.

Появление Германских судов перед бухтой Тагталахт и высадка ими десанта.

12 Октября, с рассветом, с наших постов службы связи было обнаружено приближение к бухте Тагталахт большого числа неприятельских судов, среди которых, кроме многочисленных миноносцев, были видны также и линейные корабли, транспорты, тральщики и проч.

Погода была туманная, шла изморозь, видимость была ничтожная. Ветер—слабый S—SO, состояние моря 1—2 балла.

С батареи № 45 (на мысе Хундва) был тотчас открыт огонь по миноносцам, приблизившимся к берегу, но неприятельские суда, после первого же ее выстрела, начали стрельбу из больших орудий крупного калибра, причем сразу пристрелялись и дали накрытие В то же время миноносцы, успевшие зайти в бухту Тагталахт, открыли огонь по батарее с тыла. После двух-трех выстрелов, батарея принуждена была замолчать, прислуга укрылась за блиндажами. Неприятель стал обстреливать все побережье, после чего приступил к высадке десанта.

Еще при занятии намеченной для бомбардировки батарей позиции, линейные корабли „Байерн" и „Гроссер Курфюрст" подорвались на наших минах, что однако не помешало им участвовать в дальнейшем выполнении их задачи.

По словам адм. Шеера, первая высадка была произведена совершенно внезапно и встретила лишь незначительное сопротивление, которое было сломлено огнем миноносцев. Авангард, доставленный судами III эскадры, был высажен на берег на моторных барказах и трех малых пароходах; впереди шла II флотилия миноносцев. При входе в бухту один из этих пароходов („Корсика") взорвался и был

вынужден выброситься на берег; находившиеся на нем войска перешли на подошедшие миноносцы, которыми и были высажены. Затем и транспортному флоту было дано приказание войти в бухту.

Высадкой руководил начальник транспортного флота. Вместе с головными частями с'ехали на берег начальники районов высадки, которые тут же обследовали побережье и установили на берегу крупные плакаты с номерами, по которым должны были ориентироваться подходящие шлюпки. Через четверть часа после постановки судов на якорь отвалили от них первые шлюпки с пехотой на буксире паровых катеров; еще через 20 минут они были на берегу.

Несмотря на недостаточное, по мнению самих немцев, количество выгрузочных средств, за первый же день было высажено, кроме всей пехоты с велосипедами и пулеметами (11 пехотн. батальонов и 3 батальона самокатчиков), — 3 полевых батареи, 530 лошадей и 100 повозок. Саперы в первый же день выстроили пристань, при помощи которой, несмотря на ухудшившуюся погоду, к 8 час. утра четвертого дня удалось выгрузить: 20 орудий, 4.474 лошади, 1.026 повозок, 14.700 патронов для полевых орудий, 13.000—6-ти дюймовых патронов, 40.000 ручных гранат, 162 тонны ружейных патронов, 19.200 литров бензину и горючего и 390 тонн разного груза.

Не встретив сопротивления в бухте Таггалахт, часть неприятельских судов перешла к востоку и, подойдя к берегу у деревни Лигала, после недолгого обстрела побережья, приступила и здесь к высадке войск, среди которых было много мотоциклистов, направившихся в тыл нашим отступавшим уже войскам.

Как только на нашей авиостанции в Кильконде было получено сообщение о приближении неприятельского флота, оттуда вылетел к бухте Таггалахт подпоручик Телепнев, который обнаружил во мгле, вдоль западного берега бухты, шесть судов, а у восточного— четыре, на норд от м. Хундва держались в кильватере три дредноута.

Во время вторичной разведки, немного позже (9 ч. 20 м. утра), он видел стоявших поперек Соэлозунда 10—12 миноносцев, повидимому, охранявших доступ к большим кораблям; перед бухтой же Таггалахт — расположенных полукругом до 40 мелких судов, вероятно, сторожевых, для охраны высадки от атак русских подводных лодок.

Отступление наших сухопутных частей.

Батарея на мысе Ниннаст, повидимому, участия в отражении неприятеля совсем не принимала. Сухопутные наши части, охранявшие побережье, серьезного противодействия высадке не оказали и быстро отступали при приближении противника. Когда отходившая с поста Хундва команда службы связи пришла в деревню Хундва, бывшую под обстрелом, из состава бывшей в ней 5 роты 426 Повенецкого полка оставалось всего человек 25.

Тесня наши отступавшие войска, противник вскоре окружил и взял III-ю легкую батарею 107 артиллерийского дивизиона, а затем и II-ую. Быстрота распространения немцев по острову была необычайная. Особенное впечатление повсюду производили их мотоциклисты. Наши войска отступали неудержимо и к вечеру уже отошли к Аренсбургу. Ночью немцами был занят Ориссар, находящийся у дамбы, соединяющей Эзель с Мооном; заняла его небольшая, человек в 20—30, партия мотоциклистов, переколов всех бывших там телефонистов, кроме одного.

Уничтожение авиостанции в Кильконде.

В то время, когда неприятель высаживался в бухте Таггалахт, три миноносца вошли в бухту Папенхольм и открыли огонь по нашей авиостанции. Два наших аппарата поднялись для сбрасывания бомб над ними, но подверглись сами нападению большого числа неприятельских аппаратов и вступили с ними в бой, продолжая его и по спуске на воду. Стрельба миноносцев, сначала неудачная, благодаря корректировке посредством световых ракет с подлетевших гидропланов, стала весьма действительной. Обстреляв сначала фальшивые ангары, выстроенные саженях в двухстах от станции, неприятель перенес огонь на спуски и ангары, засыпая их снарядами. Миноносцам отвечали наши аэробатареи и „Свеаборгские полевые“ I-ая и II-ая батареи, но их снаряды ложились в стороне и перелетами, и вообще батареи стреляли неумело. Но и они вскоре замолчали, за недостатком снарядов. Над станцией, в то же время, летали неприятельские гидропланы, расстреливая из пулеметов наши аппараты.

В 13 ч. 15 м. миноносцы прекратили стрельбу и отошли к державшемуся на вест отряду из 2 дредноутов, 8 миноносцев и 2 транспортов. Незадолго перед тем с одного из больших кораблей был обстрелян из орудий крупного калибра западный берег Эзеля к югу от Папенхольма.

Наша станция была сильно разрушена, часть крыш на зданиях снесена, трубы сбиты, стены ангаров и зданий пробиты, телефонные провода оборваны. Вскоре после ухода миноносцев совершенно неожиданно выяснилось, что Кильконд уже занят неприятелем; наши передовые части отошли, не предупредив об этом станцию. Начальник ее, подполковник Вавилов, приказал тогда уходить всем кроме подрывной партии и начал взрывать станцию. Здания были зажжены, ангары же, склады бомб и бензина и катера взорвать не удалось, ввиду неожиданного появления неприятельских разведчиков—мотоциклистов, ворвавшихся на станцию; за ними, по дороге на Папенхольм, шел неприятельский отряд.

Часть подрывной партии, работавшей у ангаров, бросилась прямо в воду и перебралась на другую сторону залива; другая же часть, уже когда немецкие мотоциклисты в'ехали на станцию, под обстрелом их убежала в лес. Последним из Кильконда выехал санитарный автомобиль. При встрече с немцами шоффер не потерялся, дал полный ход и, при переезде через мост, сам на полном ходу спрыгнул с автомобиля в реку, куда свалился и автомобиль.

По единодушному показанию команды, начальник станции, подполк. Вавилов, проявил за это время высокую доблесть. Он один после всех оставался на станции; предполагают, что последние взрывы там около 19-ти часов—дело его рук.

Все исправные аппараты были переведены в Аренсбург. Под вечер произвел воздушную разведку в районе Папенхольма мичман Зайцевский. Станция была вся в огне, ярким костром выделялся горевший бензин. Будучи атакован четырьмя немецкими истребителями и не имея запаса высоты для маневрирования, мичман Зайцевский вынужден был спланировать в одну из бухточек, где вышел на берег, взяв с собой пулемет, и засев за каменной оградой, принялся отражать неприятеля. Не выдержав пулеметного огня, аппа-

раты скрылись; вслед за ними прилетали еще несколько других и обстреливали наших летчиков, но все были отражены.

Обстрел батареи и высадка у Серро.

Одновременно с появлением неприятельского флота перед бухтой Таггалахт, часть их сил: крейсер „Эмден“, 15 миноносцев, затем линейный корабль типа „Кайзер“ с тральщиками—подошли к южному берегу о. Даго, перед входом в Соэлозунд. Батарея № 34 (у дер. Серро) открыла огонь по миноносцу, находившемуся в 25 кабельтовых от нее. Почти одновременно немецкие корабли открыли огонь по ней и со второго залпа дали накрытие. Неприятельскими снарядами были разрушены провода и переговорные трубы, почему батарея перешла на одиночный огонь.

Было попадание в первое орудие. Бой продолжался около 10 минут, наибольшее число выстрелов на орудие было 25. Предполагают, что два неприятельских миноносца были повреждены. Когда командир батареи, мичман Лесгафт, сошел с вышки, у орудий никого из прислуги уже не было.

Сразу же после боя на берег высадилась подрывная партия, которая сняла замки с орудий и привела в негодность самые орудия. В 13 ч. немцы высадили у Серро человек 30, которые вскоре вернулись на свои суда, забрав с батареи пулемет и захватив у крестьян две свиньи, в чем выдали реквизиционные росписки [1]).

Прорыв немецких миноносцев на Кассарский плесс и бой с ними кан. лодки «Грозящий».

По получении первых известий о появлении неприятеля перед б. Таггалахт, командующий Морскими силами Рижского залива приказал всем судам перейти на получасовую готовность и срочно пополнить запасы угля и нефти. Большая часть миноносцев накануне участвовала в постановке заграждений в Перновском заливе и против Гайнаша. На Кассарский плес, для наблюдения за противником и для поддержки батареи у Соэлозунда, были посланы находившиеся в готовности дежурные миноносцы „Генерал Кондратенко“ и „Пограничник“, под командой начальника IV-го дивизиона кап. 1 р. Постельникова. Туда же было приказано идти в распоряжение последнего, канонерской лодке „Грозящий“, стоявшей в Рогекюле для мелкого ремонта.

Начальник Минной дивизии к.-адм. Старк для того, чтобы определить на месте, какие из судов, производивших ремонт в Рогекюле, могут немедленно вступить в строй, сам пошел туда на эск. миноносце „Десна“.

В 11 ч. 30 м. один из неприятельских миноносцев прошел Соэлозундом на Кассарский плес: в самом Соэлозунде в это время находился тральщик. Будучи замечены с наших судов, они были обстреляны „Генералом Кондратенко“ и быстро отошли к Серро. В то же время несколько миноносцев и тральщиков от Серро пошли в Соэлозунд, но затем вернулись обратно к Серро. По западную сторону Соэлозунда держались лин. кор. типа „Кайзер“ (или „Байерн“) и крейсер „Эмден“; повидимому последний сделал по „Кондратенко“ один выстрел, давший небольшой перелет, почему наши миноносцы, чтобы выйти из сферы огня, отошли немного на ост. В это время неприятельские суда были заняты обстреливанием батареи у Серро, которая им отвечала.

---

[1]) Архив М.И.К. Дело № 10738.

Около 13 часов дня от берега поднялся аппарат и летел так низко над водой, что был принят нашими за свой, почему и не был обстрелян ими. Аппарат, оказавшийся немецким, также принял наши миноносцы за свои и у борта „Кондратенки“ сбросил холщевой мешок с германским флагом, в котором оказалась карта разведки, очень хорошо изданная и, повидимому, представлявшая собой фотографический снимок с другой карты. На ней был обозначен красной чертой, видимо, путь легчика, красными квадратами — места, где должны были быть сброшены бомбы. Карандашем были сделаны надписи—результат разведки о движении наших войск.

Получив в пути радио начальника IV дивизиона о появлении на Кассарском плесе неприятельских судов, адм. Старк на „Десне“ вернулся и подошел к нему. Выяснив положение на плесе, он пошел в Куйваст доложить о нем адмиралу Бахиреву.

Около 16 час. к IV дивизиону, находившемуся в четырех милях к осту от Соэлозунда, подошла вызванная из Рогекюля канон. лодка „Грозящий“, которой начальник дивизиона и приказал обстрелять находившиеся у Серро суда. В это время, после светового сигнала с большого корабля, 7 немецких миноносцев отделились от отряда и направились в Соэлозунд.

Командир „Грозящего“ кап. 2 р. Ордовский-Танаевский решил использовать невыгоду неприятельского маневрирования на узком и извилистом фарватере и в 16 ч. 26 м. открыл по ним огонь правым бортом с дистанции 70 кабельтовых. Миноносцы, поддерживаемые огнем своего крейсера, ему отвечали недолетами.

Неприятель средним ходом, в строе кильватера, входил в Соэлозунд. После четвертого, пятого залпа „Грозящего“, повидимому, давших накрытие, миноносец, по которому велась пристрелка, уклонился в сторону и выпустил дымовую завесу; одновременно была пущена завеса и на следующем за ним, а затем и остальными, так что весь отряд был совершенно скрыт. По выходе из дымовой завесы, пять миноносцев оказались значительно впереди, а два настолько отстали, что скрывались во мгле и в бою больше участия не принимали. Повидимому, они были выведены из строя.

„Грозящий“ не был поддержан нашими миноносцами; наоборот, в 16 ч. 40 м. ему было приказано сигналом начальника дивизиона возвратиться, а когда он развернулся, продолжая стрелять из кормового орудия,—„больше ход“.

По проходе противником Соэлозунда, выгоды оказались уже на его стороне,—тем более, что, отходя, наши суда могли стрелять только из кормовых орудий. Неприятель стрелял сначала и по нашим миноносцам, к которым присоединился присланный из Куйвайста за сброшенным с гидроплана пакетом „Разящий“, но затем весь огонь сосредоточил на „Грозящем“, держа его все время в накрытии.

Неприятельские миноносцы, выйдя из пролива на плес, дали полный ход и перестроились в строй неправильного пеленга, догоняя наш отряд и ведя пристрелку преимущественно с головного. Подойдя на дистанцию своего действительного огня, они разворачивались все вдруг бортом к нашим судам и открывали частый огонь. После увеличения дистанции, снова повторяли тот же маневр, что было проделано ими четыре раза. Дистанции менялись от 40—45 до 60—65 кабельтовых. Пристрелка их и стрельба велись трехору-

дийными залпами, причем падения снарядов, очень кучные, были прекрасно выправлены по целику.

Чтобы сбить пристрелку, „Грозящий“ шел переменными курсами, уклоняясь от попаданий; тем не менее в 17 ч. 17 м., когда неприятель проделывал свой маневр в третий раз, „Грозящий“ получил первое попадание в корму с левой стороны, немного ниже верхней палубы; больших повреждений при этом не было, начавшийся пожар от загоревшейся деревянной обшивки был без труда потушен палубным дивизионом.

Почти тотчас после первого попадания, был сильный подводный удар под мостиком, встряхнувший весь корабль. Повидимому, снаряд разорвался о броню под водой. так как впоследствии была обнаружена в этом месте незначительная течь. Вскоре затем третий снаряд, пройдя через ростры, разорвался на шкафуте; осколками его разбило часть дымового кожуха и вентилятор, убило двух и ранило и контузило пять человек на верхней палубе. Кроме того, были сбиты телеграфная сеть и гафель, откуда кормовой флаг перенесли на стеньгу; разбит моторный катер и головною частью снаряда пробита верхняя палуба и наружный борт над ватерлинией. Действие разрывов вообще очень слабое—ни броневая, ни верхняя палубы, ни переборки, даже у самых мест разрыва, почти не были повреждены.

К концу боя на „Грозящем“ лопнул штуртрос в румпельном отделении, и пришлось перейти на управление машинами. Повреждение было быстро исправлено.

Уже в самом конце боя, в 17 ч. 50 м., с „Грозящего“ было замечено его попадание в один из неприятельских миноносцев. В это время к нашему отряду подошел на „Десне“ и начальник Минной дивизии, снова вернувшийся с пути, как только услышал стрельбу на Кассарском плесе. Ввиду малой глубины и узости фарватера, застопорив машины, „Десна“ развернулась бортом к неприятелю и открыла огонь по нему через наши суда. Первые два залпа были даны по миноносцам на правом фланге неприятеля; когда же наши суда прошли, огонь был перенесен на ближайшие два миноносца на левом его фланге. Первые же залпы с установкой 64 кабельтова дали накрытие, после чего эти миноносцы закрылись дымовой завесой и отошли на вест. Завесу ветром отнесло, и стрельба по ним продолжалась до предельной дистанции. Всего с „Десны“ было выпущено 57 фугасных снарядов. Неприятелем был сделан по ней один залп, давший большой недолет.

Неприятельские миноносцы уходили некоторое время строем, а затем сосредоточились к крайнему левому, что дало было адмиралу Старку мысль, что они ставили мины. В это время к нему подошли присланные адм. Бахиревым на поддержку IV-го дивизиона: „Новик“, „Изяслав“, „Забияка“ и „Гром“; однако, ввиду наступавшей темноты и малого горизонта, он не преследовал скрывавшегося неприятеля, а, оставив в дозоре у Раугенского буя „Забияку“ и „Гром“, с остальными судами ушел в Куйваст.

Воздушные налеты. Днем неприятельские аэропланы летали над различными участками островов. Несколько раз появлялись они у Куйваста, причем на миноносец „Деятельный“, находившийся в дозоре у бона, были сброшены бомбы.

В Ирбенском проливе, как и обычно, наблюдались тральщики.

Пожар в Рогекюле. В Рогекюле, в первом часу дня, вследствие крушения поезда с минами, произошел на одном из молов пожар, начавший принимать стихийные размеры; часть мин накалилась до красна. Стоявшая у стенки „Припять“ обгорела снаружи; исправные суда стали выходить из гавани. Среди общей паники, лейтенанту Штернбергу с несколькими матросами и мастеровыми удалось потушить пожар, который мог бы произвести громадные разрушения в базе. Адмирал Бахирев полагает, что крушение поезда произошло не без участия немецких агентов.

Совещание у адмирала Бахирева. Для подробного выяснения состояния миноносцев и для выработки плана вытеснения неприятеля с Кассарского плеса, что имело громадное значение для безопасного сообщения Моонзундом и для обороны о. Моона, вечером адмиралом Бахиревым были приглашены начальники дивизионов миноносцев, находившихся на рейде Куйваст.

Состояние бывших в Моонзунде миноносцев было в общем удовлетворительно. На совещании было решено во что бы то ни стало постараться на следующее утро очистить Кассарский плес от неприятельских миноносцев, для чего предназначались все эскадренные миноносцы типа „Новик“, а также вызванные из Аренсбурга канонерские лодки „Храбрый“ и „Хивинец“, которых артиллерия и малое углубление могли быть с большим успехом использованы на Кассарском плесе, где, кроме того, не нужен был большой ход, который мог бы понадобиться в случае действий в Ирбенском проливе. После этого ночью в Соэлозунде решено было затопить пароход и заградить проход минами. В Рогекюль было передано приказание изготовить для этой цели пароход „Латвию“, а заградителю „Припять“ принять 60 мин и идти на Моонский створ. Выполнение операции было поручено адм. Бахиревым начальнику Минной дивизии контр-адмиралу Старку.

С наступлением темноты были потушены створные огни, маяк Папилайд и некоторые буи.

За неимением у нас мелкосидящих судов (теплоходы находились у Цереля, а дозорные катера были почти все неисправны), поставить минное заграждение в районе высадки неприятеля нельзя было, да это вряд ли бы удалось, вследствие бдительной охраны неприятелем Соэлозунда.

Получено было известие о поставленном противником минном заграждении на северном выходе из Моонзунда, у Штапельботенского буя. На случай выхода наших судов в Рижский залив командующий Морскими силами приказал ежедневно, если есть хоть малейшая возможность, обследовать тралами южный выход из Моонзунда.

Распоряжения Высшего Командования. Появление неприятеля перед Эзелем и высадка его войск, конечно, живейшим образом встревожило Высшее Командование. Командующий флотом сделал немедленно распоряжение о развертывании Балтийского флота перед Передовой позицией, выслав в море подводные лодки в район нахождения неприятеля, и принял срочные меры для усиления наших войск на Эзеле.

При этом из разобранной нами немецкой радио обнаружилось, что немцы понимают наш радиокод: из Либавы было донесено начальнику Отряда особого назначения о выходе в 13 час. наших

подводных лодок из Ганге на вест, о чем было передано у нас по радиокоду.

Начальнику Моонзундской позиции Командующий флотом телеграфировал: „Подтверждаю обязательному исполнению во что бы то ни стало держать Своробе и Церель, так как считаю безусловно необходимым перейти к решительным, активным операциям против высадившихся на Эзеле войск противника. Для этой цели прошу Главкосева об усилении Эзельской группы войск. Сам высылаю Батальон Смерти и в дальнейшем 173 пехотный полк. № 1605 оп. Развозов".

На донесение об этом и просьбу об усилении войск, Главнокомандующий Северным фронтом тотчас ответил Командующему флотом:

„Ваши предположения одобряю. Приказываю принять все меры к ликвидации высадки на Эзель. 173 полк разрешаю использовать по Вашему усмотрению. Для усиления войск Моонзиции направляются железной дорогою в Гапсаль бригада 45 дивизии с дивизионом артиллерии и Эстонский полк. В случае надобности, может быть отправлена и вторая бригада 45 дивизии. Потребуйте от всех начальствующих лиц и войск полного проявления энергии и спокойствия, примите все меры против проявления какой бы то ни было паники и преувеличения значения происходящих событий. № 3038, мор. Черемисов".

Несколько часов спустя, он снова нашел нужным послать телеграмму Командующему флотом:

„Пассивное выжидание наших войск, сосредоточенных на Эзеле, приведет к тому, что противник, высадив десантные силы, опрокинет эти войска и овладеет островом. Предлагаю Вам приказать начдиву 107 немедленно стянуть к пункту высадки возможно больше сил и перейти с ними в решительное наступление против высадившихся уже частей противника. Перед наступлением комитеты и строевые начальники должны раз'яснить людям, к каким пагубным последствиям приведет инертность и нежелание решительно действовать против неприятеля. Прошу Вас потребовать от подчиненных Вам морских начальников самых решительных действий на море против неприятельских боевых судов и транспортов № 37099, мор Черемисов" [1]).

Привожу эти образчики военного красноречия, как характерные. Верил ли Главнокомандующий Северным фронтом в чудодейственную силу красноречия, как своего, так и комитетов и строевых начальников, или это просто был прием сваливать на других: потребовать решительных действий, принять все меры против проявления паники, — какие именно меры мог принять Командующий Флотом, представить себе трудно, — только это не помогло делу обороны Эзеля и не воодушевило никого.

Не мог, конечно, не отозваться на такое событие и Верховный Главнокомандующий, отправивший следующую телеграмму, для прочтения на всех судах и крепостях:

„Передайте Балтийскому Флоту, что для него наступил грозный час испытания. Россия ждет от него доблестной работы во ее спасение, и я, как Верховный Главнокомандующий, требую от флота самоотверженных и дружных усилий всего командного состава и

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7396.

матросов. Настает час, когда Балтийский Флот получает возможность постоять за честь Родины и великие заветы свободы и революции и доказать, что он достоин их. Пора опомниться и нужно перестать вольно и невольно играть в руку врагу. Кронштадтцы уже добились того, что в критический час не все средства обороны на месте; пусть помнят все, что не простит Родина, которая будет жить не только сегодняшний день, преступного легкомыслия или умышленного предательства. Пусть будет искуплено отвратительное преступление „Петропавловска“ и пусть флот дружно отразит врага под командой своего офицерского состава, беззаветную любовь которого знает вся Россия. № 7202. Керенский“.

Переезд начальника укрепленной позиции в Гапсаль.

Начальник Моонзундской укрепленной позиции, контр-адмирал Свешников, находившийся в Аренсбурге, ввиду угрожаемого положения этого города, созвал на совещание секцию обороны Исполнительного комитета, для обсуждения вопроса: переезжать ли ему со штабом ночью в Гапсаль для руководства общей обороной позиции, для более тесной связи с тылом и для своевременного истребования и переброски на острова резервов, или же оставаться в Аренсбурге и, не имея никаких войск для ликвидации наступления противника, ожидать на посту возможного пленения, бросив управление операциями на остальных островах.

Оборонительная секция единогласно вынесла резолюцию о немедленном выезде в Гапсаль.

Выяснив затем из доклада прибывшего к нему поздно вечером начальника 107 дивизии невозможность „при малочисленности гарнизона, потере артиллерии, полном отсутствии резервов, неустойчивости некоторых рот и отсутствии помощи флота“ ликвидировать высадку противника, адм. Свешников приказал: „частям гарнизона, за исключением полуострова Сворбе, как выполняющего особую задачу, пробиваться на подготовленную Ориссаарскую позицию, поставив задачей упорное удержание в наших руках Ориссарского тет-де-пона, прикрывающего дамбу на Моон, дабы подошедшими резервами затем перейти в решительное наступление“.

После этого, начальник позиции отправился на Ромассар, где предполагал сесть на транспорт „Эльба“, но переговорив с находившимся там начальником V дивизиона миноносцев, отбыл на уходившей в Куйваст канон. лодке „Храбрый“.

Узнав о решении адмирала Свешникова перебраться в Гапсаль, адм. Бахирев не согласился с этим и, запросив Командующего Флотом, получил от последнего приказание передать к.-адм. Свешникову, что ему со штабом надлежит оставаться на острове Моон и поддерживать прочную связь с войсками.

Такое решение вопроса адм. Бахирев считал наилучшим, так как в таком случае он все время имел бы непосредственное общение с ним.

Однако, прибыв в Куйваст и переговорив по юзу с Командующим Флотом, адм. Свешников получил его разрешение на переезд в Гапсаль, куда и отправился в тот же день на миноносце.

Второй день операции (13 Октября).

Перестрелка между нашими и неприятельскими судами у Соэлозунда.

Тихая, туманная погода, стоявшая первый день операции, сменилась на следующий день свежим зюйдом (7—9 баллов), что однако не мешало немцам продолжать высадку на северном побережьи Эзеля, укрытом от ветра.

В 7 ч. утра, как решено было накануне, адм. Старк на „Новике" с миноносцами вышел из Куйваста на Кассарский плес.

План его действий был таков: все миноносцы типа „Новик", снявшись с якоря, идут ему в кильватер на Кассарский плес, где разделяются попарно, и каждая пара маневрирует по способности, не мешая стрельбе другой пары. При этом он рассчитывал, что хоть одна из канонерских лодок, вызванных из Аренсбурга, придет также на плес и поддержит миноносцы. Для поддержки, в случае надобности, последних—было, кроме того, приказано „Гражданину" перейти к о. Шильдау, где стать таким образом, чтобы иметь возможность обстреливать, как Кассарский плес, так и Малый Зунд. Миноносцы были разбиты на пары следующим образом: 1) „Новик" и „Гром", 2) „Изяслав" и „Константин", 3) „Победитель" и „Забияка" и 4) „Десна" и „Самсон". На самом деле „Десна", приставая к нефтеналивному пароходу, намотала стальной перлинь себе на винт, для очистки которого из-за свежей погоды должна была пойти в Рогекюль, а „Константин" задержался некоторое время из-за неисправности в машине, почему „Самсон" был назначен в пару к „Изяславу". Для улучшения связи, к „Новику" был прикомандирован „Разящий".

На плесе неприятельских судов не было; только у западного выхода из Соэлозунда находился тральщик или другое судно с одной высокой и тонкой трубой и одной мачтой. Далее на вест и зюйд-вест были видны еще суда такого же типа. Вероятно, это были входившие в состав немецких сил рыболовные суда флотилии кап. 2 ранга Розенберга.

Подойдя к восточному входу в Соэлозунд, „Новик" с „Громом" легли на курс N и в 9 ч. 50 м., с расстояния около 55 кабельтовых, открыли сосредоточенный огонь по ближайшему тральщику. Самым малым ходом и стопоря машину, первая пара медленно подвигалась на норд, причем постепенно открывалась часть моря, скрываемая мысом Памерорт, и, наконец, из-за мыса показался трехтрубный крейсер типа „Грауденц", повидимому, стоявший на якоре. Дальше на вест и зюйд-вест от мыса Памерорт вскоре показались миноносцы.

В 9 ч. 56 м. крейсер открыл огонь (калибр его снарядов, судя по падению, был около 6", что и подтвердилось затем при осмотре осколка) и до 10 ч. 2 м. держал „Новик" и „Гром" под накрытием своих залпов, почему, увеличив ход до пятнадцати узлов, они отошли на ост. Тральщик тем временем отошел к весту.

Вторая пара миноносцев, „Изяслав" и „Самсон" не поддержала своим огнем первую, так как подходя с юга, была в таком же положении, как перед тем предыдущая, и не могла видеть из-за мыса стрелявший крейсер. Последний затем снялся с якоря и перешел к западному выходу из Соэлозунда, где и держался в течение всего дня.

Во время перестрелки, на „Громе" была сбита радиосеть и на обоих миноносцах первой пары были осколки неприятельских снарядов, других повреждений на них не было.

Около 10 ч. подошел эск. миноносец „Константин", исправивший свое повреждение, и тотчас же вступил в кратковременную перестрелку с крейсером. Начальник Минной дивизии со всеми миноносцами отошел на меридиан мыса Павастерорт, где стал на якорь по способности. Начальнику XIII дивизиона на „Изяславе" с „Константином" он приказал держаться на ходу у восточного входа в Соэлозунд по возможности вне выстрелов неприятельского крейсера и наблюдать за проливом.

В 11 ч. 30 м. „Изяслав" и „Константин" снова вступили в перестрелку с крейсером и затем отошли. Погода к этому времени изменилась к худшему: пошел мелкий дождь, иногда усиливавшийся, ветер засвежел и горизонт значительно уменьшился.

В 14 ч. 20 м., когда стало немного яснее, адм. Старк приказал пришедшей перед тем к нему каконерской лодке „Хивинец" идти к „Изяславу" и „Константину" и, пользуясь дальностью своей артиллерии, отогнать неприятельский крейсер, стараясь оставаться вне досягаемости его огня. Дальность артиллерии „Хивинца"—93 кабельтова, в то время как дальность орудий неприятельского крейсера адмирал считал около 85 кабельтовых.

„Хивинец" подошел к восточному входу в Соэлозунд и, в то время, как он начал поворачиваться влево на курс S, неприятель открыл огонь, покрыв его со второго залпа. Кончив циркуляцию, лодка также открыла огонь, но мгла делала наблюдение за падениями ее снарядов почти невозможным. Невыгода ее положения усиливалась тем, что она находилась на ясной стороне горизонта; и хотя попаданий в нее не было, но она все время находилась в частом накрытии. Увеличить дальность боя не позволяла недостаточная дальность горизонта; при таких условиях силы были весьма неравны, так как крейсер превосходил „Хивинца" количеством орудий залпа и, вероятно, был бронирован, почему „Хивинец" и принужден был прекратить бой.

Около 14 ч., на смену „Изяслава" и „Константина", для наблюдения за Соэлозундом были посланы „Победитель" (Начальник XI дивизиона эск. мин.) и „Забияка".

Неудача намерения заградить Соэлозунд.

Согласно приказания Командующего Морскими силами залива, около 13 час. из Рогекюля вышел, на буксире катера „Черноморский № 2", под конвоем эск. мин. „Амурец" предназначенный для затопления в Соэлозунде пароход „Латвия", при очень свежем зюйде. Не доходя до островов Руке-Рага, буксиры лопнули, и „Латвию", не имевшую паров, выбросило на мель у этого острова. Снять ее с мели не могли, и так как адмирал Старк стремился во что бы то ни стало заградить Соэлозунд в эту же ночь, то он решил ограничиться лишь постановкой мин с „Припяти", пришедшей к 17 час. из Рогекюля на Кассарский плес.

Оставив миноносцы и „Хивинец" на ночь на меридиане Сеанинского буя, адм. Старк дал командиру „Припяти" задание постановки мин у восточного входа в Соэлозунд и приказал „Разящему" довести „Припять" до места постановки, после чего вернуться с ней к Кассарскому бую, куда он отошел затем сам с „Новиком" и „Самсоном".

Отказ „Припяти“ от постановки заграждения.

Ждать ему пришлось недолго. Когда „Припять“ с „Разящим“ остались вдвоем на меридиане мыса Павастерорт, матросы „Припяти“ категорически отказались итти на постановку, мотивируя свой отказ тем, что вследствие дождя будто бы нельзя изготовить мины, а также и тем, что все миноносцы отошли на ост.

Ни просьбы командира, ни указания его на чрезвычайную важность операции и наредкость сложившиеся благоприятно обстоятельства (плохая видимость и узкий, извилистый фарватер, отделяющий их от неприятеля), ни уговаривания нескольких старых матросов,—ничто не могло побудить команду „Припяти“ исполнить возложенную на нее задачу.

Командиру „Припяти“ ст. лейтенанту С. И. Медведеву 2-му, столько потрудившемуся при постановках мин в Ирбене и к весту от Цереля в условиях, неизмеримо более опасных и трудных, на этот раз ничего не оставалось делать, как вернуться к начальнику Минной дивизии, ожидавшему его у Кассарского буя.

Таким образом, Соэлозунд остался открытым для прохода неприятельских судов.

Значение неисполнения „Припятью“ этого поручения было очень велико. Трудность прохода Соэлозундом и при обычных условиях еще более увеличилась бы с заграждением его, что значительно облегчило бы нашим судам отражение попыток неприятеля к новому прорыву. Обеспечение же внутренних вод Моонзунда от проникновения на них неприятельских судов играло чрезвычайно важную роль во всей операции. Нам до крайности нужны были миноносцы в Рижском заливе, между тем их почти все, вместе с канонерскими лодками и частью мелких судов, приходилось держать на Кассарском плесе.

Оставление Аренсбурга и уход оттуда наших дежурных судов.

В Рижском заливе в этот день, с рассветом, вышли из Аренсбурга на разведку к Домеснессу и о. Руно эск. мин. „Автроил“ и „Лейтенант Ильин“. Они вернулись в Аренсбург в 11 ч. 15 м. утра, ничего в море не обнаружив; только с острова Руно на них вылетели два неприятельских аэроплана, которые были отогнаны их огнем. На „Лейтенанте Ильине“, от сильного ветра и качки, сломалась форстеньга, что вывело из строя радиотелеграф.

Аренсбург, в это утро, был покинут нашими войсками, часть которых направилась на север к Ориссару, часть—на юг на Сворбе.

Шесть наших аппаратов улетели на Куйваст. Часть команды службы связи и разных солдат прибыла на стоявший у пристани Ромассар пароход „Эльба“, который, вместе с катерами и теплоходами, под конвоем тральщика „№ 23“, был отправлен начальником дежурного отряда, начальником V дивизиона эск. миноносцев, кап. I ранга Зеленым 3-м, в Куйваст.

Остававшийся в городе с частью команды службы связи ст. лейт. Престин до 9-го часа утра имел телефонную связь со штабом 107 дивизии, находившимся в дер. Медель, в нескольких верстах севернее Аренсбурга. Из штаба ему сообщили о движении значительной колонны немцев по Килькондской дороге к Аренсбургу. После этого связь со штабом прекратилась. Ходивший на разведку один из охотников сообщил, что около 9 часов утра, в шести верстах от города, было замечено присутствие немецких самокатчиков.

Так как подрывной части в городе оставлено не было, то ст. лейт. Престин решил взять ее работу на себя и, после вылета наших аппаратов, зажег ангары, подорвал бомбовые погреба, затем взорвал электрическую станцию, автомобильную мастерскую, продовольственные склады и центральную станцию, после чего, соединив на прямую Церель с Куйвастом, отошел на пост Ромассар, откуда рассчитывал, при помощи разведчиков, иметь наблюдение за городом, донося о своих наблюдениях помощью радио миноносцев. Однако, по настоянию начальника V дивизиона миноносцев, он, уничтожив часть построек на пристани и зажегши бензиновый склад, перебрался на миноносцы, которые в 16 ч. снялись с якоря и пошли в Куйваст.

Уход миноносцев из Аренсбурга вызвал большое неудовольствие командующего Морскими силами Рижского залива, так как с ним: „1) прекратилось получение сведений о движении наших и неприятельских войск; 2) посылка новых миноносцев, которые не могли принять сдачи от своего предшественника, затруднялась тем, что им приходилось подходить ощупью, как бы в чужой порт и 3) уход миноносцев не мог не повлиять на дух оставшихся войск и особенно морских команд на полуострове Сворбе“ [1]).

Капитан I ранга Зеленой мотивировал свой уход тем, что на миноносцы были приняты команды: инженерная, интендантская и постов службы связи, всего около трехсот человек, которые должны были эвакуироваться на север; присутствие на каждом миноносце „лишних почти ста человек угрожало быстрым уничтожением запасов провизии, а также нарушало весьма существенно все боевые росписания и боеспособность кораблей“.

В Ирбенском проливе в этот день наблюдалось обычное траленье немцев.

Оборона дамбы между Эзелем и Мооном.

Как было упомянуто, еще ночью, около 3-х часов, наш пост в Ориссаре был занят неприятелем. В то же время было получено приказание Командующего Флотом организовать партию для охраны телефонных линий Ориссар-Моон из охотников с больших кораблей. Поэтому с последних был назначен десант из 86 человек под общим начальством мичмана Клести.

С получением известия о занятии Ориссара, с поста Куйваст были посланы пять человек матросов-охотников на разведку к дамбе, соединяющей о. Моон с Эзелем. У дамбы оказались два наших бронированных автомобиля, пришедшие с Эзеля, с пушками и пулеметами; один из них в'ехал в канаву, на другом не было ни бензина, ни масла; при них были только шофферы. Тут же оказалась легкая батарея из 4-х орудий с частью лошадей, прислуга ее вся разбежалась.

Когда на дамбе показалось человек 10 немецких разведчиков, наши матросы вступили с ними в перестрелку и заставили их уйти обратно. Затем удалось самим восстановить брошенную прислугой батарею, из которой в 15 час. было сделано несколько выстрелов по Ориссару.

Под вечер был доставлен к дамбе десант с больших кораблей. Наши перешли на Эзель, где было окопались, но ночью отошли на Моон. Моонские батареи (№ 32—6", № 36—10" и полевая) откры-

---

[1]) Отчет о действиях М. С. Р. зал., стр. 32.

вали огонь по дамбе и прилежащей части о. Эзеля, как для того чтобы пристреляться к ним, так и для подбодрения команды, а поздно вечером—чтобы отогнать появившихся у дамбы неприятельских конных разведчиков.

Мичман Клести с отрядом оставался у дамбы до 15 октября, когда передал защиту ее прибывшему из Ревеля „Батальону смерти". По его донесению, оборона дамбы „легла исключительно на матросов десанта, так как приходившие роты Данковского полка, при первых выстрелах со стороны противника, уходили обратно, оставляя все".

Отступление наших войск на Эзеле.

Отвлекаясь несколько от своей задачи, я приведу некоторые показания, рисующие картину отступления на Эзеле.

„Начиная от самого Аренсбурга, по обе стороны дороги почти беспрерывно тянулись толпы солдат с ружьями и без ружей и местами тянулись длинные обозы, которые мы обгоняли. По дороге валялась масса брошенных вещей, телеги, двуколки и лошади. Последние бродили по сторонам; другие, загнанные до последней степени, стояли, опустив голову, там, где их оставили. В одном месте валялась груда ящиков с вывалившимися из некоторых из них книгами и бумагой,—похоже, чья-то канцелярия. В другом месте об'ехали горевший среди дороги грузовик. Печальное это было зрелище, угнетающее, и было больно и обидно до слез. Недоезжая верст восьми до Ориссара, все движение остановилось. Впереди, оказывалось, были немцы, а надо сказать, что здесь уже вся дорога в несколько рядов была забита подводами, полными солдат, и около дороги последние шли уже густой толпой, в большинстве без винтовок. При малейшей, часто, кажется, ложной, тревоге впереди, поднималась беспорядочная стрельба; солдаты волной отваливали назад, повозки начинали поворачивать обратно и на дороге получалась невообразимая каша. Потом все успокаивалось и опять двигалось вперед, и опять повторялась та же история. Ездил по дороге какой-то офицер на лошади и уговаривал имеющих винтовки собраться впереди, чтобы прочистить дорогу обозу, но ничего не выходило. Я видел только, как группа матросов, человек 15—20, с винтовками, пошла в обход полем, рассыпавшись цепью. Видел раз, как при поднявшейся панике солдаты обстреливали бегущих полем от кирки к сараю женщину и мальчика, видел, как земля взлетала от пулек около них, но они все-таки до сарая добежали. Проездили мы по дороге взад и вперед до вечера, и я пришел к заключению, что толку из этого нисколько не получится, что-нибудь надо предпринять другое. В это время к нам в автомобиль сел член бригадного комитета Братчиков, уехавший из Аренсбурга вместе с канцелярией. Оказалось, что автомобиль попал к немцам, люди частью убиты, частью попали в плен, и Братчиков ушел из плена. По его убеждению, немцев тут было очень мало, только велосипедисты и мотоциклисты". (Показание писаря 1 ст. Якова Попова, находившегося в штабе 2-го Воздушного дивизиона в г. Аренсбурге) [1]).

Следующее показание также описывает отступление на Моон и что происходило на дамбе.

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 10738, стр. 29.

„Все соединились опять верстах в двух от имения Томмель, где, по имеемым сведениям, находился неприятель. Здесь же находился подпоручик Тимофеев с оставшейся командой батареи № 46 и дивизионный обоз 107 пехотной дивизии, две батареи полевой артиллерии и одна сотня пограничников. Слышались отдельные выстрелы. После совещания часть повозок, несколько легковых автомобилей и людей, боявшихся двигаться дальше, поехали обратно в Аренсбург. Другая часть, среди которых находился подпоручик Тимофеев и часть команды 46 батареи, тоже, боясь ехать дальше, осталась на месте, большая же часть решила прорваться и отправилась дальше. Впереди шла артиллерия, по сторонам кавалерия, а затем весь остальной обоз, занимавший в длину больше двух верст. Около кирки имения Томмель нас нагнала пулеметнал команда, приблизительно шесть пулеметов, и здесь же началась перестрелка. Полевая артиллерия открыла огонь по зданиям, занятым неприятелем, по мельнице и по имению Томмель. Началась оживленная ружейная и пулеметная перестрелка. Бой продолжался около получаса закончился атакой, которой неприятель был отбит и очищена дорога направо от кирки Томмель (об'ездная, проселочная), по которой мы направились. Во время этого боя, с нашей стороны было убито несколько матросов, бывших в разведке. Многие из обозных солдат в начале боя обнаружили желание выпрячь лошадей и удрать верхом в Аренсбург; приходилось их гнать вперед с револьвером в руках. Проехав кружным путем в такой темноте, что с трудом можно было видеть переднюю повозку (шел дождь), остановились, наконец, недалеко от дамбы, ведущей на остров Моон. Здесь опять разведчики обнаружили неприятеля, и завязалась перестрелка. Неприятель пускал ракеты, освещая обоз, и поджог сарай с сеном около дамбы, вследствие чего весь обоз был ярко освещен, и открыл по обозу пулеметный огонь.

„В это время началась сильная пальба из орудий по обозу, которая к счастью давала перелеты; выпускались светящиеся снаряды (Как потом оказалось, стреляла наша батарея № 36).

„Дамба все время освещалась прожекторами. Когда артиллерия и первая часть обоза в'ехали на дамбу, усиленным пулеметным огнем противника обоз был разрезан на две части. Вследствие того, что было убито около двадцати лошадей и несколько людей и много ранено, второй части обоза, в которой находился и я, пришлось ночевать в лесу около дамбы. В течение ночи прапорщик Доронин с оружием в руках заставил переправиться через дамбу еще часть обоза, которая, как и первая часть, благополучно перебралась на Моон в Куйваст. Третья часть обоза, в которой находился я, осталась до утра на Эзеле и пожелала сдаться в плен (вывесили уже три белых флага), и стоило не мало трудов найти человек 20 вооруженных людей и напасть на немцев, которые сидели около дамбы и которых было там человек двадцать. Здесь особенно отличился подпоручик Власов, который с большой энергией организовал это дело. В это же время немцы, в количестве ста человек, из имения Томмель подошли нам в тыл и открыли пулеметный огонь; немцы же, сидевшие перед дамбой, были нами сбиты, причем мы потерь не понесли. В то же время с острова Моон нам на встречу выехал бронированный автомобиль. Тогда только удалось убедить обоз двигаться дальше, и так как никто не хотел ехать первым, то я первый пустил повозку, на которой находился с женой. Около дамбы, среди груды

убитых людей и лошадей, мы взяли к себе на повозку около десяти ящиков с нерасстрелянными пулеметными лентами, а также, благодаря исключительной энергии одного солдата, были найдены лошади и вывезено одно оставшееся орудие. Когда мы в'ехали на дамбу, несколько человек противника стреляли по нам с маленького островка справа от дамбы, но вреда не причинили. На Мооне все время над нами кружились германские гидроаэропланы и наводили большую панику. Около 23-часов у дамбы обнаружено около двадцати неприятельских конных разведчиков, наши батареи № 36 и полевые открывали по ним огонь". (Из рапорта адьютанта 3 отдельного батальона артиллерии Приморского фронта Моонзундской укр. позиции прапорщика Бер).[1]).

На пристани Куйваст.

На пристани Куйваст скопилось значительное количество перебравшихся с Эзеля солдат, требовавших, под разными предлогами, отправки их на материк. Адм. Бахирев запретил судам, стоявшим у пристани, брать кого-либо. По его требованию, находившийся в это время на „Либаве" к.-адм. Свешников послал на берег состоявших при нем офицера и члена комитета позиции, которые отправили на пароме необходимые грузы на материк, очистили пристань и из людей, по их словам, образовали отряды в помощь малочисленному гарнизону Моона.

Приветствия.

Адмирал Бахирев снова сетует, что „несмотря на близость неприятеля, важность момента и приказание Командующего Флотом прекратить лишние разговоры по воздуху, многие не могли удержаться от приветственной и политической болтливости", при этом ссылается на радиотелеграмму, подписанную защитником передовой позиции „Андреем Первозванным" на имя комитетов „Либавы", „Гражданина" и „Победителя", с просьбою сообщить о происходящих событиях и заявлением, что он душою с ними [2]).

Первые тревоги Цереля.

Узнав, что наши войска оставили Аренсбург и отступили на Моон, команда Церельских батарей № 43 и 44 устроила общее собрание, чтобы обсудить создавшееся положение. Посланные на перешеек для выяснения, есть ли там войска и каково их настроение, делегаты сообщили, что на перешейке находится 4-ая рота Каргопольского полка, которая дала слово не пускать немцев к Церелю и будет биться до последней крайности, лишь бы батареи держались. Батареи вынесли резолюцию: „сопротивляться до последнего снаряда".

Однако, заботясь о своей дальнейшей участи, они послали начальнику Минной дивизии к.-адм. Старку телеграмму, полученную им поздно вечером: „Согласно решению всех батарей, гарнизон Цереля требует немедленно прислать несколько миноносцев и транспортов. Решение команды стоять до последнего снаряда, и когда придут пушки в негодность, придется спасаться при помощи вашей. Батарея Церель" [3]).

Видя, что состояние духа Церельских команд не особенное бодрое, адмиралы Бахирев и Старк послали им юзограмму, в которой, приветствуя доблестное решение батарей честно исполнять свой долг

---

[1]) Там же, стр. 32.
[2]) Отчет о действиях М. С. Р. З. стр. 33.
[3]) Архив М. И. К. Донесение к.-адм. Старка, № 9.

и держаться до последней крайности, обещали, при ухудшении обстановки, выслать миноносцы; извещали о приказании Командующего Флотом отправить войска на Эзель и просили сообщить обо всем этом командам батарей на Сворбе. Адм. Бахирев решил на другой день самому пойти к Сворбе на „Баяне". В то же время, от имени Морских сил Рижского залива дана была радио:

„Защитники Цереля, товарищи, будьте стойки до последнего, мы с вами. Надейтесь на нашу помощь"[1]).

Распоряжения Главнокомандующего. Главнокомандующий Северным фронтом телеграфировал в этот день Командующему Флотом:

„Из донесений о ходе событий на Эзеле и из проходящих телеграмм видно, что части 107 дивизии не проявляют никакой активности, ограничиваясь занятием растянутых позиций, с которых спешат отойти при первом появлении противника на фронте; судя по одной из проходящих телеграмм, войскам поставлена задача пробиваться в тыл к Ориссарской позиции; таким образом, все помыслы войск и их начальников, повидимому, направлены к собственному спасению и ни у кого не является ни мысли, ни желания решительно атаковать противника и опрокинуть его в море, пока он еще не успел высадиться в крупных силах. Приказываю: 1) сообщить подлежащим начальникам, что пассивность их в данной обстановке и отдача приказаний, направленных к благополучному выводу с острова подчиненных им войск, а не к поражению противника, представляет не оперативный промах, а преступное бездействие, за которое виновные подлежат преданию революционному суду,

„2) немедленно отрешить от должностей робких начальников, неспособных проявить в данной обстановке необходимой энергии и решительности, назначив на их место других, не стесняясь чином,

Назначение ген. Генрихсона. „3) общее руководство действиями сухопутных войск на Моонзундской позиции возложить на генерала Генрихсона, которому предложить немедленно переехать на место действий,

„4) полуостров Сворбе удерживать во что бы то ни стало, поставив генералу Генрихсону задачей очистить остров Эзель от противника самыми решительными действиями, хотя бы с риском потерять все войска,

„5) развить самые энергичные действия на море, для оказания полной поддержки сухопутным войскам при выполнении своей задачи. 30 сентября НР 3055/м. Черемисов"[2]).

Вновь назначенный руководить действиями сухопутных войск, генерал Генрихсон, в тот же день не замедлил приказом, в котором, извещая, что он будет находиться в Гапсале, приказывал 2-го (15) октября перейти в решительное наступление, для чего ген.-м. Иванову, сосредоточив 426 и 472 полки с полевой артиллерией, перейти в наступление, с целью сбросить противника в море и тем обеспечить связь с 425 полком, обороняющим полуостров Сворбе, а ген.-м. Мартынову с 470 и 471 полками, морским ударным батальоном и конной пограничной сотнею, обеспечив прочное удержание за собой Ориссарского тет-де-пона, очистить от противника местность к западу от него до линии Факкерорт-Путла, причем немед-

---

[1]) Ренгартен. Дневник мировой войны.
[2]) Архив М. И. К. Дело № 7358, стр. 132.

ленно приступить к восстановлению телефонной и телеграфной связи между Аренсбургом, мызой Ориссар и Куйвастом [1]).

Новый командующий сухопутными войсками Моонзундской позиции, видимо не знал о том, что Аренсбург оставлен нашими войсками, Ориссар занят немцами; не представлял он также себе и состояние 107 пехотной дивизии, о которой начальник Моонзундской укрепленной позиции уже в этот день сообщал: „части 107 дивизии, исключая находящихся на полуострове Сворбе, рассеяны и небоеспособны“ [2]).

Третий день операции 14 октября. Бой на Кассарском плесе. Бомбардировка Цереля.

Посылка дозора на Кассарский плес и судов в Рижский залив.

14 октября, с рассветом, начальник Минной дивизии, выслав в дозор к Соэлозунду начальника XI дивизиона с эск. миноносцами „Победитель“, „Забияка“, „Гром“ и „Константин“ и оставив в его распоряжении у Моонского буя канон. лодку „Хивинец“, сам. с остальными миноносцами, перешел в Куйваст. На Кассарский плес была отправлена затем пополнившая запас угля канон. лодка „Храбрый“; у о. Шильдау был оставлен лин. кор. „Гражданин“.

К Церелю утром же были отправлены эск. миноносцы „Украйна“ и „Войсковой“, чтобы узнать там положение и, в случае надобности, оказать поддержку батареям и войскам, особенно при наступлении неприятеля на перешеек. При этом им категорически было приказано никого на миноносцы не принимать.

Так как в Соэлозунде неприятельских судов не было обнаружено, то начальник XIII дивизиона эск. мин. с миноносцами „Изяслав“, „Автроил“ и „Гавриил“ был послан на разведку к Домеснесской позиции. Туда же затем была послана на позицию английская подводная лодка „С 32“. Позже в Рижский залив были посланы на различные позиции также и лодки „С 26“ и „С 27“, которым было приказано возвратиться в Куйваст утром 17-го октября, на случай же занятия Куйваста немцами или невозможности вернуться туда, им был указан фарватер в Ирбенском проливе для прохода через него в Балтийское море и следования затем в шхеры.

Прибытие в Моонзунд Командующего Флотом.

Свой поход на „Баяне“ к Сворбе командующему Морскими силами залива пришлось отложить, ввиду прибытия Командующего Флотом, который пришел на посланном за ним в Рогекюль эск. мин. „Финн“ в начале двенадцатого часа на рейд Куйваст. Вместе с ним прибыл и ген.-м. Генрихсон.

Доложив Командующему флотом о событиях последних дней, выяснив предположения его и генерала Генрихсона относительно будущих действий и получив директивы на ближайшее время, адмирал Бахирев поднял свой флаг на „Баяне“ и в $12^1/_2$ ч. дня,

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 8327, ч. I, стр. 23.
[2]) Дело № 10744, стр. 8.

с миноносцами „Десна“, „Лейтенант Ильин“, „Генерал Кондратенко“, „Пограничник“ и „Забайкалец“, пошел к Ирбенскому проливу. Эск. мин. „Генерал Кондратенко“, еще при выходе с рейда, вследствие неисправности в машине, вернулся в Куйваст.

Возле Доменесской позиции отряд встретил возвращавшийся с разведки XIII дивизион, начальник которого семафором донес, что у Доменесса никого не обнаружено. Вследствие позднего времени и тревожных известий с Кассарского плеса, адмирал в 16 ч. 17 м. повернул обратно в Куйваст, куда приказал идти и „Новикам“. Начальник XIII дивизиона, кап. 1 р. Шевелев, пошел двадцатипятиузловым ходом, чтобы поспеть на помощь XI дивизиону.

Находясь к зюйду от о-ва Абро, отряд был атакован неприятельской подводной лодкой. Мина, выпущенная повидимому в „Баян“, прошла под кормой шедшего у него на левом крамболе „Пограничника“. В Куйваст отряд вошел уже с темнотой, около 19$^1/_2$ час.

Бой миноносцев на Кассарском плесе. Гибель „Грома“.

На Кассарском плесе, для наблюдения за Соэлозундом, с утра находился начальник XI дивизиона с эск. миноносцами „Победитель“, „Забияка“ и „Гром“. Несколько позже к нему был прислан и эск. мин. „Константин“. Погода была ясная и видимость хорошая. Ветер— слабый S.

В 9 ч. 30 м., подойдя к Соэлозунду, по западную его сторону с дивизиона увидели стоящий, повидимому, на якоре неприятельский трехтрубный крейсер (вероятно „Эмден“) с несколькими миноносцами. Продержавшись некоторое время на малом ходу, наблюдая за неприятелем с расстояния 85 кабельтовых, дивизион затем стал на якорь примерно на той же дистанции, т. е. вне дальности орудий противника, в полной готовности к с‘емке.

В 12 час. подошла канон. лодка „Храбрый“. Начальник дивизиона, кап. 2 р. Пилсудский, имея распоряжение произвести разведку у входного мыса в Малый Зунд и узнать, в чьих руках находится имеющаяся там пристань, обсудив эту операцию с командиром „Храброго“, решил послать его обстрелять мыс, а по возвращении его предполагал, разделившись на две группы, совместно обстрелять крейсер и миноносцы, державшиеся у входа в Соэлозунд, с целью попытаться заставить их отойти и тем дать возможность незаметнее произвести предполагавшееся к ночи заграждение канала минами с теплоходов и „Припяти“.

В 13 ч. 50 м., только что „Храбрый“ снялся и дал ход, из за мыса Памерорт показался линейный корабль „Кайзер“ и сразу же открыл огонь по нашим миноносцам с расстояния около 110 кабельтовых.

Дивизион тотчас снялся с якоря и стал отходить. Во время поворота в 13 ч. 55 м., один из снарядов крупного калибра третьего неприятельского залпа попал в эск. мин. „Гром“, в правую машину, и, не разорвавшись, прошел его насквозь. „Гром“ запарил, накренился и стал уменьшать ход; обе машины его были выведены из строя. „Храбрый“, бывший еще совсем недалеко, сейчас же повернул к „Грому“ и так как, благодаря его меньшей длине, ему было удобнее, нежели миноносцам, буксировать „Гром“, то начальник дивизиона и приказал ему подойти к последнему и, взяв его на буксир, вести на ост. То же самое он в рупор передал на „Гром“, откуда ответили, что они надеются, что смогут идти самостоятельно. Начальник дивизиона тогда, с остальными миноносцами, повернул

снова к Соэлозунду, для наблюдения за неприятем. Проходя под кормой у „Грома“, „Победитель“ пустил дымовую завесу, которая, однако, была слаба из за ветра.

Так как миноносцы уже вышли из обстрела „Кайзера“, то последний, прекратил стрельбу, но затем, уже зайдя за мыс Памерорт, снова было открыл огонь на короткое время на небольших недолетах. Тогда и „Константин“, пройдя под кормой „Грома“ и „Храброго“, закрыл их дымовой завесой, после чего вступил в кильватер XI дивизиону, крейсеровавшему малым ходом курсами N—S по плесу милях в двух от бывшего якорного места в расстоянии миль десяти от Соэлозунда. Вследствие малой глубины, полный ход был об'явлен сигналом пятнадцать узлов.

В это время самый канал слегка затянуло туманом или дымкой. В 15 ч. 10 м. из этого тумана показались девять больших неприятельских нефтяных миноносцев, похожих на наши „Новики“, входящих на плес. Капитан 2 р. Пилсудский, приказав приготовиться к бою, решил, пока неприятель не приблизится, держаться на прежней линии N—S и прикрывать находящегося в двух милях к осту поврежденного „Грома“, которого „Храбрый“ в это время на бортовом буксире вел на ост ходом около трех узлов, так как на „Громе“ заклинило руль и „Храброму“ пришлось идти под одной машиной. В то же время к неприятелю присоединилось еще пять больших, повидимому, угольных миноносцев. Неприятель разделился на две группы, из которых одна пошла, придерживаясь берега о. Эзеля, курсом, ближе к осту, другая—на норд-ост, вдоль острова Даго, как бы с намерением охватить наши миноносцы и отрезать их от Моонзунда.

Открыв огонь с расстояния 60—70 кабельтовых, начальник дивизиона, опасаясь охвата, лег на курс SO, приведя неприятеля на кормовой угол обстрела, и прибавил ход до 15 узлов. Обе группы неприятеля шли большим ходом и, сближаясь с нашими судами, открыли по ним сильный перекрестный огонь, вначале на недолетах.

Головной нашей колонны „Победитель“ стрелял по третьему миноносцу южной группы и накрыл его третьим залпом, после чего тот повернул обратно, вышел из строя и больше в бою неучаствовал. Было также замечено попадание и в головной миноносец, который также будто вышел из строя.

Видя подавляющие силы противника, кап. 2 р. Пилсудский, в расстоянии 40—50 кабельтовых от него, перестроив дивизион в строй фронта, пошел на ост. С этого времени дивизион находился под непрерывным накрытием снарядов неприятеля. „Храбрый“ и „Гром“ также стреляли из кормовых орудий.

Действия кап. лодки „Храбрый“.

Проходя на левом траверзе „Храброго“, миноносцы своей волной раскачали его и „Гром“, отчего буксиры лопнули. Командир „Храброго“, ст. лейтенант Ренненкампф, подошел кормою к носу „Грома“, рассчитывая стравить к себе на палубу его якорь и таким образом продолжать буксирование. В это время большая часть огня неприятеля сосредоточена была по ним. На „Громе“ началось смятение и, не дождавшись подхода „Храброго“, человек 15 команды бросились в воду; подбирать их, конечно, не было времени и с „Храброго“ им бросили спасательные круги и тузик. Сняв всех людей с „Грома“, „Храбрый“ дал полный ход. Командир „Грома“, лейт. Ваксмут, не хотел оставлять своего корабля и его перетащили

на „Храбрый“ силой. На „Громе“ от попавших снарядов начался пожар.

Бросившаяся в панике на палубу „Храброго“ команда „Грома“ не исполняла приказаний сойти вниз и внесла расстройсто в команду лодки. Тогда ст. лейт. Ренненкампф приказал горнисту сыграть большой сбор, собрал команду на палубу и об'явил, что для успеха дела он требует полного спокойствия, порядка и немедленного и точного исполнения приказаний с мостика; команде „Грома“ запрещено было показываться наверху. Краткая, но спокойная и твердая речь командира возымела свое действие, и вскоре, когда один из неприятельских миноносцев продвинулся вперед и был в расстоянии от него около 40 кабельтовых, „Храбрый“, развернувшись, открыл по нему огонь всем бортом. Команда хладнокровно делала свое дело, и неприятельский миноносец запарил, накренился и, по показаниям очевидцев, потонул.

Увидав тяжелое положение „Грома“ и „Храброго“, начальник XI дивизиона приказал „Победителю“ уменьшить ход и повернуть обратно к „Грому“, чтобы принять на себя главный огонь противника и этим облегчить его положение. Проходя мимо него, „Победитель“ выпустил дымовую завесу, но, вследствие неудачного ветра, она мало помогла. Перед тем было попадание в „Забияку“. На нем было выведено из строя четвертое орудие, оказалось проседание палубы и повреждение третьего орудия, 5 убитых и 4 раненых. Видя, что положение „Грома“ безнадежно, начальник дивизиона снова повернул на ост и, вместе с другими миноносцами, начал отходить. В это время „Победитель“ был особенно сильно осыпан неприятельскими снарядам, так как на нем был сосредоточен почти весь огонь противника, южная колонна которого находилась от него кабельтовых в 32-х, а северная, с расстояния в 40 кабельтовых, повернула на зюйд и вела бой всем бортом, имея неправильный строй. Попаданий в „Победитель“, однако, не было. Эск. мин. „Константин“, видя накрытие „Победителя“ и „Забияки“, пустил дымовую завесу, которая закрыла их на время от неприятеля, перенесшего тогда свой огонь на него. В это время в него попал снаряд под кормовым подзором, причинив незначительные повреждения и небольшую течь в зарумпельном отделении.

„Храбрый“ также отходил вслед за миноносцами, отстреливаясь из кормового орудия. Чтобы „Гром“ не был захвачен неприятелем; командир „Храброго“ приказал стрелять по нему и по подходящим к нему миноносцам. На „Громе“ пожар и крен увеличивались. Было замечено попадание в один из подходящих к „Грому“ миноносцев, который отошел от него и ушел за свой отряд, причем некоторые полагали, что он, сильно поврежденный, затонул.

На „Храбром“, за время боя, было одно попадание в надстройки верхней палубы; снаряд, пробив кожух кочегарного отделения, разорвался в отделении самоваров над люком в жилую палубу. Из состава „Храброго“ 6 человек было ранено, из принятой на него команды „Грома“—4 убито, 7 ранено.

Канон. лодка „Хивинец“, которая могла принести существенную пользу своей дальнобойной артиллерией, все время боя простояла у Моонского буя, о чем, повидимому, не был извещен начальник XI дивизиона. Молодой командир лодки, лейт. Афанасьев, не проявил инициативы и, слыша стрельбу на вест от себя, не снялся с якоря, а спокойно ожидал распоряжений начальства. В то же время находи-

вшийся в Рогекюле для исправления повреждений, полученных за день перед тем в бою, командир „Грозящего“ кап. 2 р. Ордовский—Танаевский, узнав о бое на Кассарском плесе, не дожидаясь ничьих приказаний, снялся со швартовов и пошел для оказания поддержки своим. Получив от „Храброго“ известие об окончании дела, он пришел в Куйваст.

„Хивинец“, получив по радиотелеграфу приказание начальника Минной дивизии, снялся с якоря и принял участие в самом конце боя, причем, встретив наши отходившие миноносцы, развернулся и стал, отстреливаясь, отходить впереди них, мешая и стесняя маневрирование их в узкости.

Получив в 15 ч. 40 м. радио начальника XI дивизиона: „Девять неприятельских миноносцев на плесе, я ухожу с боем; необходима помощь“, — находившийся в Куйвасте начальник Минной дивизии, приказав по радио „Хивинцу“ идти в распоряжение начальника XI дивизиона, сам с бывшими на рейде миноносцами тотчас же снялся с якоря и пошел на Кассарский плес. С ним были: „Новик“ (флаг н-ка дивизии) и „Самсон“; VI дивизиона—„Стерегущий“ (брейд-вымпел н-ка дивизиона) и „Забайкалец“ и V дивизиона — „Всадник“ (бр.—вымп. н-ка дивизиона) и „Москвитянин“. У о. Шильдау присоединился „Амурец“ (V див-на), конвоировавший из Гапсаля транспорт с „Батальоном смерти“. Вместе с ними вышел на Кассарский плес и Командующий Флотом на „Финне“.

Подходя к Сеанинскому бую, в 16 ч. 20 м. они встретили подходивших к нему в строе фронта миноносцев XI дивизиона и „Храброго“. „Хивинец“ держался близь буя с застопоренными машинами, бортом к неприятелю. Далее к весту, по всему горизонту, были видны неприятельские миноносцы, числом около четырнадцати, державшиеся приблизительно на меридиане входа в Малый Зунд и обстреливавшие наши отступающие суда. Неприятельские миноносцы были двух типов: трехтрубные, не дававшие дыма, повидимому, нефтяные и двухтрубные, вероятно, угольные. Первые были чрезвычайно похожи на наши миноносцы типа „Новик“. Отдельно от остальных была видна группа из трех трехтрубных миноносцев, из которых у одного над носовой частью подымался высокий столб черного дыма (вероятно, это и был „Гром“). Два другие держались настолько близко впереди него, что можно было предположить, что они ведут его на буксире. Маневрирование остальных неприятельских миноносцев производило такое впечатление, как будто они прикрывали отход этих трех, так как они крейсеровали курсами, близкими к меридиану, постепенно удаляясь на вест соответственно с отходом тех.

При подходе к Сеанинскому бую, флагманский штурман дивизии лейт. Станкевич доложил адм. Старку свое мнение о необходимости по общему сигналу атаковать неприятеля всеми прибывшими миноносцами. Адмирал не согласился с этим мнением, учитывая то, что кроме вышедших только что из боя, в его распоряжении оставалось всего два „Новика“ На действительность же помощи миноносцев V и VI дивизионов он не мог рассчитывать в полной мере, так как при вступлении в строй и укомплектовании „Новиков“, со старых миноносцев были сняты многие опытные офицеры и специалисты, что не могло не отразиться на состоянии их материальной части. Это опасение подтвердилось впоследствии, при попытке взорвать минами „Славу“.

Отказываясь от решительной атаки, адм. Старк остановился на меридиане Сеанинского буя и, развернувшись бортом к неприятелю, приказал открыть огонь. Начальник VI дивизиона, кап. 1 р. Екимов, со своими двумя миноносцами вышел несколько на вест, насколько позволяла расположенная к норду от Сеанинского буя 15-ти футовая банка, и также открыл огонь. Два миноносца типа „Новик", державшиеся к зюйду от буя, совершенно заполнили свободное пространство и едва дали возможность пройти на ост канонеркам и миноносцам XI дивизиона. Подошедший к „Новику" начальник XI дивизиона доложил адмиралу о происшедшем и, оставив „Забияку" с „Константином" на Моонском створе, сам на „Победителе" вступил ему в кильватер и снова открыл огонь по неприятелю. V дивизион, вследствие большой дистанции, участия в бою не принимал.

Пройдя некоторое время за уходящим на вест неприятелем и несколько раз возобновляя перестрелку с ним, ввиду все увеличивавшегося расстояния до него и плохой видимости, наши суда вскоре прекратили огонь и повернули на ост. С „Самсона" за это время было сделано всего 24 выстрела. С миноносцев XI дивизиона за все время боя было выпущено: с „Победителя" 400 снарядов, с „Забияки"—80 и с „Константина"—120.

Отправив кап. 2 р. Пилсудского с его миноносцами в Рогекюль—исправить мелкие повреждения, сдать убитых и раненых и принять нефть, а VI дивизион отправив в Куйваст,—начальник Минной дивизии приказал начальнику V дивизиона, со „Всадником" и „Москвитянином", засветло подойти к Кассарскому бую и ждать там прихода „Припяти" и теплоходов, которых он намеревался послать на постановку мин в западной части Кассарского плеса и которые во время боя отошли в Моонзунд. Погода испортилась, моросил дождь, видимость уменьшилась до 5—10 кабельтовых.

Уходя на „Новике" в Моонзунд, адмирал встретил около Моонского створа три теплохода с минами, под командой лейтенанта Воейкова, которому приказал идти в распоряжение начальника V дивизиона эск. миноносцев; то же самое им было приказано сигналом „Припяти", стоявшей на бакштове у лин. кор. „Слава".

Эск. миноносец „Москвитянин", пошедший было вместе с „Амурцем" в Куйваст, получив радио с приказанием вернуться на Кассарский плес, „Всадника" не нашел и остался на ночь у Раугенского буя, где стали на якорь и канонерские лодки. Командующий Флотом ушел вечером на „Финне" в Рогекюль.

Неприятельские миноносцы в большом числе—с наших постов насчитывали их до 24-х,—остались на ночь в Соэлозунде. Кроме того, еще во время боя на плесе, пять миноносцев вошли в северную часть Малого Зунда, где обстреливали наши войска у Моонской дамбы и на ночь стали на якорь у о. Кейнаст.

Заграждение Кассарского плеса.

Несмотря на очень пасмурную и дождливую погоду, уменьшившую с наступлением темноты видимость до минимума, теплоходы и „Припять" подошли около полночи к борту „Всадника", стоявшего на якоре кабельтовых в 2-х от Кассарского буя. Ввиду ясно обнаруженного неустойчивого состояния команд теплоходов, выразившегося в заявлении требования о назначении на них с миноносца людей для пополнения их некомплекта,—„по соглашению с судовым комитетом эск. мин. „Всадник" командира",—были назначены на

теплоходы 6 человек, которые своим поведением и уговорами быстро подняли дух в команде, и в полночь „Припять“ и теплоходы пошли на постановку и, несмотря на близость неприятеля, выставили заграждение на меридиане мыса Павастерорт.

Адм. Шеер об операциях на Кассарском плесе.

Об операциях на Кассарском плесе адм. Шеер говорит: „Уже в день высадки кап. 2 р. Розенберг вошел в Соэлозунд и этим установил его проходимость для миноносцев, после чего миноносцы II-ой флотилии, 12-ой и 13-ой полуфлотилий, под командой коммодора Гейнриха, вошли туда же и, при поддержке огня стоявших перед Соэлозундом *Кайзера* и *Эмдена*, оттеснили русские морские силы к Моонзунду. При этом 14 октября был взят эск. миноносец *Гром* и уничтожена канонерская лодка“. (Последнее, как мы знаем, неверно).

„Сами мы в этом бою потерь не имели, но за время операции три миноносца были повреждены минами, а один потонул. Кроме того миноносцы неоднократно выскакивали в плохо промеренных водах на мель и повреждали себе винты.

„Соприкосновение с тет-де-поном Ориссар (Моонской дамбой) было установлено судами флотилии Розенберга и поддерживалось до перехода наших войск через дамбу. Флотилия доставляла им пищу и боевое снабжение, а позже переправила их на Моон“ [1]).

Эзель-Моон.

Еще утром 14 октября нашему десанту и полуроте Данковского полка удалось переправиться через Моонскую дамбу и занять на Эзеле участок перед дамбой. Ст. лейт. Престин предложил желающим из команд постов службы связи, эвакуированных из Аренсбурга на транспорте „Эльба“, остаться с ним на Мооне, чтобы, продвигаясь с сухопутными частями, открывать постепенно посты. Из 70—80 человек команды пожелали остаться охотниками около 25 человек, в большинстве старослужащие.

У дамбы немцев, видимо, было немного. Связи с Эзельскими войсками у нас не было, только отдельным людям изредка удавалось прорваться через дамбу. Утром с поста Кюбоссар отправились на разведку 8 человек. Придя в деревню Левала, они застали там большой обоз, Массальский полк, еще какие-то сухопутные части и два трехдюймовых орудия, у которых оставалось всего восемь снарядов. Последнее обстоятельство, впрочем, оказалось легко поправимым, так как разведчики по дороге видели две брошенных повозки со снарядами этого калибра, за которыми сейчас же и было послано. В разведку в сторону неприятеля никто не хотел идти, вызвались только сигнальщик поста Кюбоссар Силантьев и вольный эстонец Иоганн, которые зашли в тыл немцам и по дороге убили неприятельского велосипедиста, у которого нашли два телефонных аппарата, и к вечеру вернулись в Левала.

В самом начале разведки они встретили конную сотню пограничников, которая, увидев их, спешилась, бросила лошадей и скрылась.

В Левала войска оставили позицию и уходили к обозу, говоря, что положение их безнадежное и нужно сдаваться в плен. К ночи в наших частях были израсходованы все снаряды, тогда немцы

[1]) «Морской Сборник» № 10—11 за 1920 г., стр. 35.

вышли из окопов и атаковали наши войска; с нашей стороны не стреляли и полностью сдались в плен.

Днем прибыл в Куйваст из Рогекюля, где он был еще накануне посажен на транспорты „Буки“ и „Вассиан“, ревельский Батальон Смерти в 600 человек, под командой кап. 2 р. Шишко. Последний предполагал выступить дальше на следующее утро по получении недостающего снаряжения. Команда разведчиков батальона была выслана к дамбе около 17 часов. В это же время наш судовой десант, с одним бронированным автомобилем и пулеметами, продвинулся к Ориссару, где и занял окопы.

Появившиеся в северной части Малого Зунда пять миноносцев стали там на якорь и с помощью световой сигнализации начали как бы переговариваться с немцами, находившимися на Эзеле. На запрос ст. лейт. Престина, что это за миноносцы, флаг-офицер командующего Морскими силами ответил, что миноносцы наши, хотя сигнализация и возбуждает сомнение. Вскоре эти миноносцы открыли огонь по нашим окопам у Ориссара. Сразу же, оставив в окопах пулеметы, отступили за дамбу сначала солдаты, а за ними и матросы. Броневик отошел еще раньше. Остались в окопах: мичман, подпоручик, матрос и два солдата. Пришлось, взвалив на себя пулеметы, отступить и им.

Батарея № 36 (10″ Моонская) в 21 ч. открыла огонь по Ориссару и обстреливала его в течение часа. Кап. 2 р. Шишко решил немедленно выступить к дамбе со всем батальоном, поручив ст. лейт. Престину обследовать северную часть о. Моона, чтобы обеспечить себя в тылу от неожиданного появления неприятеля.

При осмотре батареи № 36, обнаружилось, что у трех орудий, стоявших на деревянных основаниях, последние оказались сдвинутыми назад, стержни вилок—надломленными, вследствие чего эти три орудия вышли из строя. Чтобы орудия могли действовать, хотя бы в одном направлении, пришлось подложить под задние части поворотных рам деревянные брусья, благодаря чему можно было продолжать обстрел дамбы. Для корректировки стрельбы у дамбы специально был поставлен телефон.

Высадка у Серро.

У Серро, на о. Даго, немцы снова высаживали в этот день небольшой десант, в количестве не более 80 человек, вступивший в перестрелку с нашими войсками; с темнотой десант вернулся на суда. Во время перестрелки, группы немецких матросов ходили по домам, отбирали свиней и теплые вещи (перчатки, фуфайки и т. под.) в прибрежных хижинах.

Приход судов с северного берега.

В этот день пришел из Лапвика (Финляндия) в Моонзунд крейсер „Адмирал Макаров“ с конвоировавшими его эск. миноносцами „Сторожевой“ и „Дельный“ и за темнотой остался на ночь у северного входа в Моонзундский канал. Не окончив ремонта в Гельсингфорсе, прибыл в Куйваст эск. мин. „Туркменец—Ставропольский“, проведя из Лапвика до о. Вормса транспорты „Иже“ и „Актив“.

Воздушные разведки.

В течение дня наши гидропланы несколько раз вылетали на разведку из Куйваста и с о. Даго. В 16 ч. два аппарата вылетели с Цереля и были атакованы 9-тью неприятельскими, поднявшимися из Аренсбурга. Один из наших аппаратов был сбит и упал в море, другой прилетел в Рогекюль.

В Ирбенском проливе.

На разведку к Доместнессу и в Ирбенский пролив выходил от дер. Менто (Церель) начальник II-го дивизиона сторожевых катеров кап. 2 р. Кира-Динжан с 3-мя катерами. Он обнаружил присутствие в Ирбене трех больших миноносцев, при этом сам подвергся обстрелу с береговой батареи, из которого вышел, однако, благополучно.

Немецкое командование, одновременно с попытками проникнуть в Моонзунд со стороны Кассарского плеса, решило осадить его и с юга, со стороны Рижского залива, для чего требовалось предварительно протралить Ирбенский проход и уничтожить укрепления Цереля. Энергичные тральные работы велись большим числом тральщиков, под общим руководством начальника отряда легких крейсеров Балтийского моря в.-адм. Гопмана; наконец, начальнику IV эскадры, в.-адм. Сушону, с линейными кораблями: „Фридрих дер Гроссе“, „Кениг Альберт“ и „Кайзерин“ было поручено 14-го октября после полудня заняться уничтожением батарей.

Утром в этот день в Ирбенский пролив направилось множество тральщиков, за которыми шли миноносцы и три легких крейсера. Повидимому, это и были крейсеры отряда адм. Гопмана: „Кольберг“, „Страссбург“ и „Аугсбург“. Находясь на SW 45°, в 150 кабельтовых от маяка Церель, суда повернули к Михайловскому маяку. Крейсеры шли в кильватер, с интервалами в 4—5 кабельтовых, ходом 21—23 узла. Погода была ясная, горизонт чистый, видимость в море весьма большая.

Батарея № 43 (12") открыла огонь залпами из двух орудий, с установкой 130 кабельт. По исправлении целика и увеличении расстояния, все же оказались недолеты, почему управлявший огнем лейтенант Бартенев прекратил стрельбу, сделав всего 12 выстрелов. Крейсеры стали скрываться в надвигавшейся с зюйда мгле, которая постепенно скрывала горизонт.

На полуострове Сворбе. Немецкие парламентеры.

Около полудня на Церель прибыл начальник обороны Сворбского участка кап. 1 ранга Кнюпфер. Было устроено собрание, на котором он познакомил с обстановкой и сообщил о присылке немцами парламентеров. Сначала он предложил было просто повесить их, но затем было решено, что он поедет на переговоры с ними армейских представителей, вместе с делегатами с батарей. На доклад лейтенанта Бартенева, что, в связи с появлением крейсеров, следует ожидать появления неприятельского флота в Ирбене, кап. 1 ранга Кнюпфер сказал, что по имеющимся у него точным сведениям, в течение ближайшей недели ничего у Ирбена ждать нельзя и определенных инструкций ему не дал.

Один из делегатов, вернувшись после переговоров с парламентерами, рассказывал, что последние обещали, если на батареях ничего не будет испорчено и орудия будут сданы без боя целыми, отвезти пленных в самые лучшие места Германии, до Берлина включительно, где их не будут заставлять работать и обставят, как можно лучше. Если же батареи не сдадутся, то Церель будет окружен со всех сторон, все будет сметено огнем, пленных брать не будут, все команды будут расстреляны. Этот делегат ответил, по его словам, что „русские в плен не сдаются и что долг повелевает драться до конца, до последнего снаряда“. Парламентеры подчеркивали, что немцы не хотят кровопролития; на вопрос же

делегатов, зачем же они начали бой, они ответили, что стараются захватить, как можно больше, русской земли, чтобы таким путем скорее добиться мира.

Неприятель в это время сильно наседал с суши на защищавший полуостров Сворбе 425 Каргопольский пехотный полк, почему кап. 1 ранга Кнюпфер послал присланные в его распоряжение командующим Морскими силами залива эск. миноносцы „Украина“ и „Войсковой“ к мысу Меррис обстрелять позиции немцев. Однако, из-за неполучения точного указания места, подлежащего обстрелу, они в этот день огня не открывали и на следующее утро вернулись к Менто.

Между 14 и 16 часами с Цереля видели, в рассеивающейся по временам мгле, группы тральщиков и миноносцев, которые быстро снова заволакивались мглой, так что стрельба по ним была бы совершенно бесполезной. Одно время было усмотрено около пятнадцати тральщиков, идущих кольцом, кабельтовых в 100 на SO 45°.

В то же время к бухте Лео (у перешейка, соединяющего полуостров Сворбе с Эзелем) подошли 2 легких крейсера с несколькими миноносцами и в течение получаса обстреливали побережье, после чего ушли на вест.

Туман еще более усилился, так что горизонт был немного более 30 кабельтовых.

Бой Цереля с неприятельскими дредноутами.

Около 16 ч. 40 м., когда туман несколько рассеялся, с Церельского маяка были внезапно обнаружены на NW, милях в 2-х, три германских дредноута типа „Кайзер“ (повидимому, это и была эскадра адм. Сушона), в сопровождении 6 миноносцев типа „S 13“ и „S 24“, идущие на SW. Дредноуты шли в строе кильватера, а миноносцы— по обеим сторонам их.

Неприятель огня не открывал, даже пушки у него были повернуты по походному, что дало время команде собраться на батарею, приготовиться к бою и повернуть орудия на 180°. Все это заняло минут двадцать.

Расстояние до неприятеля по дальномеру было уже 76 кабельтовых. Первый наш залп был в 17 час. из второго и четвертого орудий. Он лег сильно в сторону.

Исправив целик на 50 делений, лейтенант Бартенев первую вилку взял 8 кабельтовых, так как большой 10-тиметровый дальномер был испорчен, а доставленному накануне с 41-ой батареи 9-тифутовому дальномеру Бара и Струда он не доверял. Первые 4—5 залпов были сравнительно недурны; повидимому, было одно попадание в головной неприятельский корабль, после чего тот сделал один залп из кормовых орудий, повернул на вест с задымившейся носовой частью и скрылся вместе с 4-мя миноносцами в расстоянии 13 миль от Цереля. Впоследствии, в плену, по словам лейтенанта Бартенева, он узнал, что в „Кайзера“ было попадание в шестидюймовую батарею.

На другой день к Церелю подходило всего два дредноута. Неприятель открыл огонь после второго нашего залпа. Первые его залпы были по четыре, затем по три падения. Минут десять стрелял только головной, потом к нему присоединился второй, а когда вышел головной из строя,—то открыл огонь и концевой, открывшийся в рассеявшемся тумане на NW от батареи, кабельто-

вых в 120, при чем огонь после этого велся одновременно и из 6″ орудий.

Первый залп неприятеля лег у запасных погребов, в полутора верстах от батареи, разбив железнодорожный путь у стрелки и сделав яму 4×2×1 саж. Разрывы были очень сильные; столбы дыма саженей 25 высотой; залпы ложились очень кучно, так что иногда они сливались.

Падения снарядов стали приближаться от запасных погребов к казарме; затем они ложились ближе к морской и сухопутной авиации. Снаряды начали рыть аэродром и рвать палатки. Несмотря на сильный огонь противника, на град камней и осколков,—команда аэродрома с полным спокойствием вывела аппараты и дала возможность летчикам вылететь; вылетело на NO три аппарата.

На батарее № 43 ни одного попадания не было. Все залпы неприятеля ложились далеко от батареи, около версты, и только один залп лег недалеко от нее, причем ближайший снаряд разорвался в 30 саженях от первого орудия; осколки ударились в каркас для бетонного массива и выбили часть досок. Залпы неприятеля следовали один за другим, секунд через 30—40, тогда как наши приходилось давать через 2 минуты. При этом во время нашей стрельбы, наблюдалось чрезвычайно большое и беспорядочное раскидывание снарядов, делавшее совершенно невозможным управление огнем. Происходило это, как впоследствии выяснилось, оттого, что наводчики невнимательно совмещали стрелки прибора Центральной наводки, будучи напуганы неприятельской стрельбой; некоторые поправки, как например на отстояние пушек, видимо, совсем не вводились.

Неприятельские суда маневрировали каждый самостоятельно, идя большим ходом, зигзагообразно удаляющимися курсами. Каждый дредноут сопровождался по сторонам двумя большими миноносцами.

Неприятель прекратил стрельбу раньше нас. Видя, что на батарее из четырех орудий стреляет только одно, а неприятель, удаляясь, скрывается во мгле,—лейтенант Бартенев также прекратил огонь. От пробития тревоги до отбоя прошло около полутора часов, стрельба велась около часу. Последняя установка прицела у нас была 126 кабельтовых; четвертое орудие, стрелявшее до конца, сделало 26 выстрелов. Неприятелем было выпущено по Церелю около 120 снарядов.

Еще при первых же падениях неприятельских снарядов, вблизи батареи № 43, прислуга орудий начала покидать свои посты, прятаться в центральный пост и за погреба и разбегаться в блиндажи и дальше в лес.

Первой бежала прислуга от второго орудия; командовавший им прапорщик Родионов не показал команде должного примера и бежал сам в центральный пост. Затем, после близкого падения неприятельского снаряда, стала разбегаться и прислуга первого орудия; из-за ухода прислуги подачи,—последняя прекратилась; командовавший орудием, мичман Поликарпов, отпустил комендоров и верхнюю прислугу и сделал сам последний выстрел. У третьего орудия команда то бежала, то возвращалась; когда зарядник у этого орудия не дошел до места, то команда бежала окончательно. У четвертого орудия (командовал артиллерийский унтер-офицер—фамилии, к сожалению, узнать не удалось) убежала лишь часть

прислуги подачи, и пушка стреляла до конца. От этого орудия даже стреляли по бегущим из винтовок [1]).

Настроение команды во время боя живо рисует рапорт мичмана Гончаревского, командовавшего третьим орудием.

„До начала неприятельского огня“, пишет он,—„команда исполняла свои обязанности хорошо. Когда первые залпы неприятеля легли в районе расположения второй линии погребов, команда стала проявлять беспокойство и отвлекаться от дела наблюдением за падением неприятельских снарядов и высказыванием неудовольствия, почему неприятельские суда подпущены на дистанцию, с которой они могут вести бой с батареей. По мере приближения неприятельских падений к батарее, возрастало беспокойство команды и понижалась аккуратность и интенсивность ее работы; после падения неприятельского снаряда вблизи первой башни, на моей башне раздались панические крики: „вторая башня подбита“. Команда, оттолкнув меня от прохода на трап, бежала с установки и бросилась мимо третьего погреба и четвертой башни в поле, по направлению к лесу. Оставшись на башне один и видя, что первая и вторая башни тоже оставлены командой, я спустился с установки и побежал за удалявшейся командой, с целью остановить ее и возвратить на место.

В моей задаче помощь мне оказал хозяин подачи Орехов, проявивший во все время боя и после него храбрость и благоразумие. Но ни мои приказания и просьбы, ни уговоры, ни брань Орехова,— действия никакого на команду не оказали, и только после открытия ружейного огня с четвертой башни, команда которой не оставила своих постов, и угроз, что всех бегущих перестреляют, команда стала возвращаться, причем бежали пригнувшись к земле, очевидно, повинуясь только страху перед ружейной стрельбой. На время приостановленная стрельба возобновилась, но работа команды уже была совершенно неудовлетворительной: подача замедлялась, точность наводки исчезла, часть команды успела убежать в лес и не возвратилась. После нескольких неприятельских залпов, быстро один за другим последовавших и упавших вблизи батареи, команду опять охватила паника и она бросилась убегать по прежнему направлению; часть ее засела за бетонное прикрытие. На башне со мной осталось только три человека. Не надеясь возвратить команду, бежавшую в лес, я приказывал и уговаривал спрятавшихся за бетон стать по местам, но они продолжали скрываться там, так как на этот раз уже не боялись ружейной стрельбы четвертой башни, будучи закрыты от нее установкой орудия. Ко мне на башню возвратилось только два человека и с этими людьми я пытался произвести по ближайшему ревуну выстрел, но так как зарядник, вследствие повреждения верхнего коммутатора, не спускался, этого не удалось сделать. Во время перевода лебедки зарядника с электрического действия на ручное, последовали сигналы „дробь“ и „отбой“. За все время стрельбы, за исключением верхнего коммутатора зарядника, повреждение которого было совсем незначительно и легко поправимо, механизмы башни действовали исправно, никто из команды не ранен, и я не видел падающих осколков снарядов.

---

[1]) Архив М. И. К. Записка лейтенанта Н. С. Бартенева о действиях 1—3 октября 1917 года на батарее Церель.

„После стрельбы лейтенант Бартенев отдал приказание закрыть орудия, разгрузить зарядники и убрать лишние снаряды и полузаряды, что и было исполнено командой. Проходя после окончания этой работы через командное помещение, я узнал, что команда готовится к собранию. Видя, что настроение команды не обещает ничего хорошего на случай возобновления боя, я по телефону просил лейтенанта Бартенева придти на собрание. Лейтенант Бартенев ответил мне, что придет вместе с председателем батарейного комитета и делегатами других батарей. Услыхав среди команды заявления, что положение батареи безнадежно, что она, в случае открытия огня, будет уничтожена неприятельским флотом, что никто не хочет оказать ей поддержку и поэтому сражаться не надо, а надо уходить и требовать эвакуацию с Эзеля, что офицеры обманывают команду, убеждая ее в необходимости защищать позиции, я обратился к команде, говоря, что офицеры и не думают обманывать команду, что они разделяют с ней лишения и опасности, что я не считаю возможным скрывать от нее тяжелое положение русских войск на острове, но что долг и присяга требуют от всех нас защищать порученную нам позицию до последних средств, до последнего снаряда. На это я получил такие ответы и увидел такое отношение к моим словам, что счел нужным доложить лейтенанту Бартеневу о невозможности ожидать от команды исполнения своего долга, так как масса ее настроена панически и, не слушая никаких убеждений, заботится только о своем спасении; что, в случае тревоги, она во время боя разбежится; в случае открытия неприятелем огня после того, как команда будет уже у орудий, повторится позор, только что пережитый; что батарея, как таковая, не имея команды, перестала существовать и надо заботиться о средствах к ее уничтожению. Лейтенант Бартенев, основываясь на доблестном поведении некоторых чинов команды, выражал надежду на под'ем духа у команды“ [1]).

„Для меня“—пишет лейтенант Бартенев в своей записке о событиях на Цереле,—„бегство команды явилось неожиданностью, так как стрельба неприятеля была скверна, наша же команда была обстрелена предыдущим частым бомбометанием. Председатель комитета батареи 43, минер Савкин, бывший на маяке у меня телефонистом, был в ярости от поведения команды и требовал всех беглецов расстрелять,—прочие же были подавлены и возмущены этим“.

На Цереле после боя. Идя по прекращении огня на батарею № 43, лейтенант Бартенев встретил несколько пьяных с батареи № 44, напившихся во время боя денатурату. На батарее он нашел полную растерянность. „Офицеры подавлены всем случившимся. Команда перепугана и пристыжена, многие возмущены. Прапорщик Родионов, видимо, перепуган“. Повреждения на батарее (от своей стрельбы) оказались незначительными.

На состоявшемся в казарме собрании, после речи лейтенанта Бартенева, опровергшего провокацию о неисправности всех орудий и указавшего на то, что стрельба немцев была чрезвычайно плоха, команда прокричала „ура“ в честь четвертого орудия, решила иметь у орудий две смены, а всем остальным приняться за исправление повреждений. „Был, конечно, поднят вопрос о приходе нашего флота и готовности транспортов взять команду, когда снаряды

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 10738, стр. 48—50.

израсходуем — „А то может быть поздно", — но в общем удалось поднять настроение и, казалось, все идет хорошо".

Оказалось, бежала также и команда специалистов Каргопольского полка, составлявшая „рабочую роту", и прислуга паровозов. Последний паровоз оказался подстреленным неизвестно кем из леса, брошен прислугой и опрокинулся, сойдя с рельс. „Накануне был подобный случай, почему было дано категорическое приказание ни в коем случае без приказания по огням не стрелять. С чем имели мы дело—с провокацией, или это было проявление паники, — осталось неизвестно".

Около 8 часов вечера, все повреждения на батарее были исправлены и орудия были в полной готовности.

По телефону лейтенант Бартенев доложил обо всем случившемся кап. 1 р. Кнюпферу и просил беглецов, сбежавшихся в то время уже к Менто и скопившихся там в числе около 125 человек, задержать там, обезоружить и ни в коем случае не пускать обратно на батарею. Кап. 1 р. Кнюпфер, по словам Бартенева, отнесся к этому его требованию „как-то невнимательно, возразив, что и держать их негде... Видимо, он недостаточно взвешивал последствия их возвращения".

Часов около 10 вечера, к лейтенанту Бартеневу, говорившему в то время по телефону, пришел один из членов комитета и доложил: „г. Лейтенант, там к вам пришла команда, просят в канцелярию, хотят предложить какую-то мерзость".

„Войдя в канцелярию", говорит Бартенев, — „я нашел там вооруженную толпу, среди коих было много стариков. Один из них обратился ко мне, заикаясь: „г. лейтенант, мы не можем больше сражаться. Надо сдаваться. Дальше сопротивляться бесполезно".

Вглядевшись в эту толпу, лейтенант Бартенев увидел людей, совершенно отупевших от страха и окончательно деморализованных. „Их было человек тридцать. Уговаривать их, даже пытаться на них воздействовать—было бесполезно. Взвесив это, я, видя смущенное молчание комитета, ответил им только: „Убирайтесь вон, разговаривать с вами не желаю". Столь неожиданное и резкое проявление пораженческого настроения ясно показало, что не только нельзя расчитывать на образумление беглецов и их использование при вероятном появлении на другой день неприятеля, но необходимо всячески оберегать и остальных от разложения. Это я считал основой плана действий".

Лейтенант Бартенев пытался по телефону выяснить настроение на других батареях, предполагая использовать их, в смысле воздействия на батарею 43, чтобы возможно было выделить из последней хотя бы более надежных, а с остальными действовать по обстоятельствам. „К сожалению откровенный разговор с офицерами и Кнюпфером был невозможен, так как все время разговоры подслушивались и следовало опасаться провокации".

„Хотя", говорит Бартенев, — „командиры давали мне о своих батареях самые хорошие заверения, из общего тона я понял, что отнюдь на них рассчитывать не могу, так как, не имея еще столь сильных оснований для деморализации, как 43-я (взрыв, прибытие новой команды, явно не желавшей сражаться, бой и т. д.), они уже находятся в совершенно неустойчивом состоянии. На батареях к этому времени широко стали известны предложения и запугивания немецких парламентеров. Менто уже было наводнено беглецами и

делегатами со всех батарей, так что связь с ним стала затруднительна. Общая деморализация начала развертываться вдруг, чрезвычайно быстро"...

„Один лишь лейтенант Линдебек правильно, как оказалось впоследствии, оценил обстановку и откровенно мне сказал, что за команду ручаться абсолютно не может. Сам он находится в казарме и с ним его старая команда. Они остаются, пока он с ними, и только потому, что им стыдно его бросить. Он считает, что дело безнадежно проиграно, да и сам он не видит надобности в дальнейшем упорстве, так как флот нас бросил и конец всей эпопеи очевиден".

Во время переговоров по телефону, лейтенант Бартенев услышал из соседней комнаты крик: „г. лейтенант, нам надо вас видеть. Выходите ка сюда к свету". Выйдя на это приглашение, он увидел несколько человек вооруженных мотористов, сильно возбужденных, обратившихся к нему с вопросом: „что происходит, что же им делать?" Оказалось, однако, что они настроены весьма добропорядочно, и после того, как лейтенант Бартенев сказал им, что сам он во всяком случае останется на своем посту, что надо, чтобы и все оставались на своих местах; те же, кто не может сражаться, а хочет сдаваться, могут убираться куда хотят, задерживать их он не будет,—они ушли, видимо, успокоенные; самый же приход их и столь резкий вызов его к свету, как выяснилось впоследствии, был вызван пущенными кем-то провокационными слухами, будто он пьян.

Телефонная связь была крайне затруднена, так как батареи все время переговаривались друг с другом и с армейскими частями. Повсюду сидели делегаты, якобы для контроля, подслушивали и мешали говорить.

С маяка ушли все сигнальщики службы связи; с других батарей команда тоже уходила. С 43-ей батареи ушли обе смены. „По докладе об этом Кнюпферу", пишет лейт. Бартенев,—„он сказал, что в таком случае надо будет с утра выкатывать боевой запас стрельбою в залив. Расстреляем пушки и запас уничтожим,—на что я возразил, что это неосуществимо да и бесцельно. Надо хорошую организацию, чтобы сделать около 100 выстрелов из пушки, и время. Немцы этого не допустят.

Столь быстрый и решительный перелом настроения к худшему и полное нарушение организации лейт. Бартенев приписывает возвращению беглецов обратно, а также невозбранным переговорам всех желающих между батареями и армейскими частями; появлению разных „контролирующих" лиц на Менто, вносивших путаницу и хаос своим самостоятельным и опрометчивым вмешательством, и, кроме того, „сознательной работе каких-то лиц, часть которых прибыла и с последней партией".

„В это время (в 12-м часу ночи), на Центральную телефонную станцию ко мне начали приходить мотористы, некоторые комендоры и часть из хорошо настроенной команды, относящейся с осуждением к предательскому поведению других. Спрашивали у меня совета и указания—что делать. Я ободрял их, уговаривал оставаться на местах и стараться удержать других. За это время выяснилось, что можно рассчитывать из всей команды только человек на 60, не больше".

Лейт. Бартенев решил собрать надежных людей, обращавшихся к нему, отдельно от прочей команды, чтобы поговорить с ними вне постороннего скверного влияния; об'единить их и дать им нужные

директивы, почему велел всем им собраться на батарее 43-ей в блиндаж N 1, сказав, чтобы они позвали туда всех, кто не потерял еще совести и намерен сражаться.

„Настроение“, говорит он,—„характеризовалось, главным образом, недоверием к окружающим и отсутствием уверенности в поддержке. Самые лучшие намерения парализовались мыслью, что другие не поддержат и предадут. Вся предыдущая картина сухопутной обороны Эзеля давала тому яркий пример. Батареи на Каргопольский полк не рассчитывали и его обещаниям и резолюциям не верили. Всем, обращавшимся ко мне в отдельности, я мог до сих пор дать лишь убеждение, что вполне можно рассчитывать на меня и офицеров (увы, не на всех, так как трусость некоторых и некомпетентность других были всем очевидны). Поэтому и явилось совершенно необходимым наглядно показать этим людям, что они не одни, а есть надежное ядро, и сплотить их. Говорить с ними в общей массе было бы бесполезно, так как общее настроение дало бы им доказательство обратного и всякая провокация обескуражила бы их“.

Однако, собираясь на собрание на батарею, лейт. Бартенев узнал, что команда ушла в казарму, куда просит прийти и его. „Эта неудача моей попытки отделить, хоть временно, надежную часть команды от прочей показала вмешательство другого враждебного влияния и крушение плана сплотить оставшихся, дабы, опираясь на них, организовать что-либо“.

„При входе в казарму, я увидел, что там много посторонних лиц, все не те, что приходили ко мне и на которых можно было рассчитывать. Они, видимо, были спокойны и даже веселы, так что казалось, что какое-то подлое решение у них уже есть. Входя, я почувствовал запах вина. Посреди стояло ведро, из которого все пили и при нашем входе предложили и нам выпить. Мичман Поликарпов бросился удерживать их (впоследствии, однако, выяснилось, что это была вода). Осмотревшись кругом, я не нашел никого, на кого можно было бы опереться; впечатление у меня составилось такое, что собравшиеся здесь люди дали уже себе „право на бесчестие“. Я сказал подпоручику Вольскому: раз здесь винище, то все уже кончено, надо скорей идти отсюда. В догонку раздались наглые крики: „г-н лейтенант, куда же вы, пожалуйте сюда“.

Пройдя на батарею 43-тью, обойдя дизеля, блиндажи, Центральный пост,—лейт. Бартенев нигде не нашел ни одного человека, даже часовых. Сказав дежурному телефонисту на Центральной станции, что будет на маяке, он провел остаток ночи на батарее N 44 (вероятно, аэробатарея № 43-а), предполагая, что для того, чтобы отделаться от помехи со стороны офицеров, их могут и прикончить, и впоследствии, по его словам, было установлено, что пропаганда в этом направлении велась усиленно.

Батарея № 40 (IV—120 m/m), расположенная севернее у дер. Карруст, не участвовала в бою 14 октября, так как неприятель маневрировал вне дальности ее орудий. Все недолеты его ложились в районе этой батареи, и поэтому прислуге было приказано отойти в сторону. Настроение и дух команды были удовлетворительны до бомбардировки, которая подействовала отрицательно. Главной причиной начавшегося здесь брожения было, повидимому, полное отсутствие каких бы то ни было достоверных сведений о положении дел, что создавало почву для распространения множества угрожающих слухов. Так появился слух, что команда 12″ батареи решила оста-

вить свои позиции, что было подтверждено посланным для проверки этого слуха матросом. Ночью состоялось общее собрание команды, на котором присутствовали командир и старший офицер батареи, и в результате которого команда решила послать морскому командованию телеграмму следующего содержания: „Положение Цереля критическое, ждем немедленной помощи, приход флота к утру может спасти положение“. Большинство команды хотело немедленно уходить, и только этой телеграммой удалось удержать их до утра. Начали появляться пьяные.

Еще перед тем с Цереля были посланы радио: „Команда настойчиво просит срочно флот. Прошу ответа. Церель“ и затем: „Команда всего гарнизона Цереля. Товарищи, не устоять. Необходима помощь к утру“.

Эти телеграммы вызвали волнение на кораблях, находившихся в Моонзунде, и с лин. корабля „Слава“ была отправлена радио, адресованная адм. Бахиреву: „Команда спрашивает, предполагается ли помощь Церелю линейными кораблями?“.

Четвертый день операции (15 октября). Оставление Цереля.

Положение на полуострове Сворбе и оставление Цереля. Решив еще накануне послать к Церелю корабль, дабы сделать все возможное для удержания батарей, адм. Бахирев, по получении сведений о положении на Сворбе, приказал лин. кораблю „Гражданин“ идти к Церелю для оказания поддержки против неприятельских частей, наступавших с перешейка, имея главным образом в виду моральную поддержку.

Отправленные накануне к Церелю эск. мин. „Украйна“ и „Войсковой“ были посланы кап. 1 р. Кнюпфером обстрелять неприятельские войска на перешейке, но, не получив категорического приказания и точного указания места расположения неприятеля, с рассветом 15 октября вернулись к мысу Менто. Здесь они узнали, что наши войсковые части, находившиеся на западном побережьи полуострова Сворбе, при подходе неприятельских кораблей отступили на восток; команды батарей провели всю ночь на митинге, обсуждая вопрос о сдаче батарей, и только к утру вернулись на батареи. По просьбе кап. 1 р. Кнюпфера „Украйна“ и „Войсковой“ снова перешли к мысу Меррис, для обстрела неприятельских позиций, послав перед уходом своих людей на берег уговорить прислугу батарей вернуться на свои места, держаться и оказать сопротивление врагу.

Подойдая к мысу Меррис, миноносцы открыли огонь по берегу и выпустили около 200 снарядов. С началом их обстрела наши полевые батареи также открыли огонь по неприятельским позициям. Получив радио о немедленном возвращении, миноносцы окончили стрельбу и вернулись к Менто.

Погода в этот день с утра была мглистая, с переходящим мелким дождем. Около 9 ч. утра над Церелем показался неприятельский

аппарат. Батарея № 44 открыла было по нему огонь, но после категорического требования прекратить стрельбу, переданного с батареи № 43, принуждена была замолчать. К этому времени команды со всех батарей уже решили уходить, отнюдь не сражаться и не позволять ничего уничтожать, чтобы не вызвать стрельбы немцев и не раздражать их. Только после переговоров, удалось получить согласие на разрешение офицерам уничтожить батареи, когда команда сядет в Менто на транспорт и баржу. К Менто потянулись толпы людей с котомками и сундуками; остались на батареях с офицерами лишь одиночные люди.

Общего руководства не было. Приезжали и приходили какие-то матросы с разноречивыми приказаниями, то взрывать и уничтожать все, то наоборот. Некоторые были нетрезвые, они кричали, что откуда-то идут люди на смену ушедшей команде, идет наш флот, немецкие войска бегут, и что они не позволят взрывать батареи. Какой-то матрос зажег арсенал, разгоревшийся чрезвычайно быстро, причем начали взрываться сложенные в нем ракеты, ружейные, пулеметные и сорокамиллиметровые патроны, пули начали свистать по всем направлениям. Поджегший арсенал матрос был расстрелян другими, хотя не было в точности установлено, он ли поджег.

Не получая никаких приказаний от кап. 1 р. Кнюпфера и видя, что батарея № 43 уже брошена и стрелять не может, лейт. Бартенев решил сам приготовить ее орудия и погреба к взрыву, о чем донес на Менто, все же ожидая оттуда окончательного распоряжения. Офицерам самим пришлось носить из погребов на батарею подрывные патроны, которых оказалось очень ограниченное количество. В каждое из 12″ орудий были вогнаны по два фугасных снаряда, к ним придвинуты вплотную два восемнадцати-фунтовых и несколько одно-фунтовых подрывных патронов; проводник к гальваническому запалу был пропущен через центральный канал затвора, из которого грибовидный стержень был вынут, и затвор закрыт. Провода от пушек были попарно проведены в блиндажи, откуда намеревались производить взрывы; уцелевшие от взрыва части предполагалось затем взрывать, сколько хватит патронов.

Вторичный обстрел Церельских батарей.

Около 14 ч. 30 м. от норд-веста к Церелю подошли два „Кайзера“ в сопровождении 10 миноносцев и с 80 кабельтовых открыли огонь по батарее № 43. Первый залп разорвался саженях в 50 от батареи. Бомбардировка продолжалась с большой интенсивностью около получаса; залпы следовали секунд через 15 — 20 один от другого. Большинство снарядов, как и накануне, ложилось в районе батареи № 40.

Горизонт прояснился и в 15 час. на ост от Цереля показалось 19 неприятельских тральщиков, похожих на наши теплоходы, и с ними два больших однотрубных тральщика; они шли курсом W и в расстоянии 7 миль от маяка повернули и пошли к Михайловскому маяку. Лейт. Бартенев отмечает, как характерную особенность, что вообще за все время немецких тральных работ в Ирбене ни разу не было видно или слышно взрыва, хотя бы одной мины.

Попытки уничтожить 12″ батарею.

Когда началась бомбардировка, лейт. Бартенев решил, что надо взрывать орудия, так как иначе возможно было ожидать повреждения проводов, да и выяснилось, что подготовлять дальше все равно не удастся. Он сам замкнул ключи от первой группы, но взрыва

не последовало. Такой же отказ произошел и во второй группе. Предположив, что осколками перебиты провода, он решил, временно выждав, вернуться на батарею и, осмотрев все, снова пытаться взорвать ее.

Бомбардировка тем временем возобновилась с еще большей интенсивностью; залпы падали один за другим почти непрерывно. Стреляли, повидимому, и 6" орудия дредноутов, а также и миноносцы беглым огнем по всем направлениям. Вся стрельба длилась часа два с половиной.

Так как оставаться на месте было небезопасно, да и обсудить спокойно дальнейший план действий в таком положении было трудно, а также опасаясь растерять всех, еще оставшихся с ним людей,— лейт. Бартенев решил сосредоточиться вне обстрела за леском. Перед уходом они подожгли собрание, провизионный склад, склад строительства, разбили бочки с нефтью. Маяк Церель был зажжен еще перед тем, и в нем рвались сложенные там 75 м/м патроны противоаэропланных батарей.

В Штабе Флота в этот же день была разобрана германская радио: „ . . . батарея Церель при обстреле ее с трех сторон не отвечала, виден дым, предполагается эвакуация“ [1]).

Батарея № 40 была взорвана и уничтожена до основания ее командиром, старшим офицером и 12 оставшимися матросами; подвергая себя опасности, они зажигали погреба, непосредственно поднося огонь к картузам пороха. Едва люди успели отойти, как взорвались погреба и орудия.

С лейт. Бартеневым в это время оставалось человек 12—15, из них шесть офицеров; винтовки были человек у 6—7. По пути они увидали, что на спуске у морской авиации садятся два немецких аэроплана-разведчика. Летчики и наблюдатели вышли, подошли к ангарам, заглядывая в них. Подбежав ближе, наши начали обстреливать их из винтовок, с расстояния 1000—1200 шагов. Немцы бросились к аппаратам, поднялись и, летя на высоте 20—30 метров, принялись обстреливать наших людей из пулеметов.

Неприятельские аппараты в большом числе летали повсюду; держась низко над землей, они обстреливали из пулеметов бегущих на Менто, чем еще более усиливали панику. На пристани в Менто творилась невообразимая толчея, люди бросались на шлюпки и буксиры, переправлявшие их на пароход „Циммерман“, баржу и миноносцы.

Вернувшиеся после обстрела неприятельских позиций эск. мин. „Украйна“ и „Войсковой“, ввиду подхода неприятельских кораблей к Церелю, отошли к банке Киркогрунд, взяв с собой вольнонаемную команду землечерпательных машин и рабочих, иностранных подданных. Там к ним прибыли штабы начальника укрепленной позиции полуострова Сворбе и батареи № 43 и сообщили об оставлении нами батарей и начавшихся будто бы переговорах с немцами о сдаче батарей и гарнизона на льготных условиях.

Узнав о предполагаемой сдаче полуострова Сворбе, командир „Украйны“ дал об этом радио командующему Морскими силами залива и с эск. миноносцем „Войсковой“ пошел в Куйваст, куда прибыл перед заходом солнца.

---

[1]) Ренгартен. Дневник мировой войны. Стр. 489.

Распоряжения командующего Морскими силами Рижского залива.

Утром в этот день из Моонзунда были высланы на разведку в районе Домеснесской позиции эск. миноносцы „Изяслав“ и „Автроил“. Вследствие дурной погоды, видимость была ничтожная; противник обнаружен не был. На Домеснесской позиции они встретили английскую подводную лодку, к которой подошли и, по просьбе ее командира, сообщили пеленг маяка Руно.

Как уже упоминалось, ввиду настойчивых требований с Цереля о присылке флота, командующим Морскими силами залива был послан к Сворбе, для поддержания упавшего духа команды Церельских батарей и для поддержки огнем своей артиллерии наших войск на Сворбском перешейке, лин. кор. „Гражданин“. Для охраны ему были приданы эск. мин. „Стерегущий“, „Туркменец Ставропольский“ и „Амурец“, под общей командой начальника VI дивизиона эск. миноносцев кап. 1 р. Екимова. Другие корабли не были посланы, так как „Баяну“ нужно было пополнить запас угля, а лин. кор. „Слава“ был необходим на случай появления на Кассарском плесе неприятельских миноносцев в подавляющем числе, а также для обстрела неприятеля у Моонской дамбы, почему ему было приказано перейти к о. Шильдау.

Пришедший в Куйваст около полудня крейсер „Адмирал Макаров“ был незнаком еще с обстановкой и также имел мало угля. Он был послан в северную часть Моонзунда к остр. Харилайд, чтобы не пропускать неприятельские миноносцы с Кассарского плеса на норд.

Прибывший утром в Куйваст из Менто на сторожевом катере прапорщик Крийск доложил командующему Морскими силами о присылке немцами на Сворбе парламентеров с предложением сдать батареи и о ненадежном состоянии духа команд. Еще раньше была получена юзограмма Командующего Флотом, повторенная затем по радио: „Из радио Цереля № 2320 усматривается необходимость срочной помощи; чем думаете помочь? нельзя ли послать крейсер? № 1636 оп. Развозов“.

Адм. Бахирев отвечал: „Комфлоту. Сейчас на катере пришел офицер со Сворбе. Немцы заняли окопы на перешейке. Приехал парламентер, результаты переговоров неизвестны. У Сворбе две „Украйны“, которые считал для обстрела достаточными, теперь послал „Гражданина“ с тремя миноносцами. Делаю это для поддержания духа обороняющихся, который, судя по телеграммам и донесению, сильно упал. К Домеснессу посланы два „Новика“, три подлодки на позициях. При настоящих обстоятельствах главнейшею задачею ставлю защиту Моонзунда, так как в противном случае прекратится высадка войск на острова и подвозка им всего необходимого. Все время у Сворбе держать корабли, из за малого числа их, полной возможности на открытом месте быть потопленными, а в случае прорыва неприятеля в пасмурную погоду, быть отрезанными, считаю невозможным. К этому следует прибавить частые уходы для погрузки угля. Думаю, что миноносцы, при постоянной трепке их, скоро сдадут. Операции приобрели затяжной характер. Соэлозунд отвлекает большой корабль, лодки и миноносцы. Нужно определенное решение, иначе все измотается и произойдет панама даже без боя. Сворбе должны поддерживать при прорыве, поддерживать же все время морально не имеем средств. Прошу высказать Ваш взгляд. № 226 р. Бахирев“.

Прибывший после полдня со Сворбе с тремя катерами начальник II дивизиона сторожевых катеров, кап. 2 р. Кира-Динжан, доложил, что в ночь на 15 октября большая часть команды 12″ батареи пришла в Менто, команда требует сдачи укрепленного района и что у большинства все помыслы направлены к спасению жизни во что бы то ни стало. Словом, выяснилось, что существование укрепленного района Сворбе—это вопрос нескольких часов.

В 16 ч. была получена радио командира „Украйны“: „По донесению штабного офицера, Церель, повидимому, сдался. Иду Куйваст“.

В 17 ч. ввиду оставления нашими морскими командами 12″ Церельской батареи, адм. Бахирев, согласно распоряжения Командующего Флотом, приказал по радио „Гражданину“ уничтожить батарею во что бы то ни стало.

Директива Ком. Флотом после падения Цереля.

В то же время, адм. Бахирев получил юзограмму Командующего Флотом о наших дальнейших задачах: „В случае падения Цереля, считая Ирбенский пролив стратегически потерянным и не находя целесообразным, имея в тылу развивающуюся нашу сухопутную операцию на Эзеле, защищать Ирбен силами Рижского залива, что при отсутствии батареи и наблюдения теперь невозможно, приказываю: всеми мерами усилить оборону подступов к южному входу в Моонзунд; второе — минными заграждениями и отдельными операциями в заливе затруднить противнику пользование Рижским заливом и путями для питания экспедиционного отряда на Эзеле, заставив его вести операции через открытое море; третье — усилить обороноспособность Пернова при помощи заграждений; четвертое — помогать, сколько возможно, судами продвижению нашего отряда по Эзелю; пятое — безусловно обеспечить внутренние воды Моонзунда. № 1655 оп. Контр.-адмирал Развозов“.

Поход к Церелю лин. корабля „Гражданин“.

Около полудня „Гражданин“ с сопровождавшими его миноносцами снялся с якоря и пошел в Рижский залив. Когда, выйдя с рейда, он шел еще по Вердерскому створу, приблизительно на параллели мыса Кюбоссар, с его мостика увидели кабельтовых в двух-трех впереди себя по курсу пару тральщиков с заведенным тралом, возвращавшихся в Моонзунд, и почти одновременно с этим в их трале взорвалась затраленная ими мина. Командир „Гражданина“ приказал тральщикам завести новый трал и выйти вперед, а миноносцам держаться позади. Заводка трала заняла около часу времени, и только около $2^1/_2$ час. дня „Гражданин“ двинулся дальше, а в четвертом часу, отпустив тральщики, прибавил ход до 17 узлов, выслав миноносцы для охраны его от подводных лодок.

Еще подходя к Аренсбургскому рейду, увидели над Церелем два ярких зарева и вскоре различили, что горел маяк и большое строение неподалеку от него. Все прилегающее пространство было настолько окутано густыми клубами дыма, что разобрать подробности не представлялось возможным. Доносившаяся перед тем оттуда стрельба затихла. Послав к Менто, для связи с берегом, „Стерегущего“ и „Туркменца“, командир „Гражданина“ сообщил по радио обстановку командующему Морскими силами, прося дальнейших инструкций. Ожидая ответа, он был атакован неприятельскими аэропланами, которые, однако, не решались пролетать над

ним, видимо боясь его огневой завесы. Получив приказание уничтожить 12" батарею, он пошел к мысу Менто.

Идти приходилось узким каналом образовавшимся между прибрежными отмелями с одной стороны и нашим минным заграждением с другой. В случае атаки аэропланов или подводных лодок, кораблю, стесненному узостью канала, нельзя было уклониться в сторону от курса; кроме того неприятность плавания в этом месте усугублялась и навигационными трудностями.

Все внимание обращалось, главным образом, на водную поверхность — не покажется ли неожиданно перископ подводной лодки или след идущей мины. Состояние команды было в высшей степени напряженное, и стоило кому-то истерически крикнуть: „подводная лодка слева по носу“, как корабль, повинуясь заранее выработанным инструкциям, резко повернул в сторону предполагаемой лодки и открыл стрельбу с обоих бортов. Вероятно, за перископ был принят след от вспорхнувшего нырка или кусок вешки, торчащий из воды, между тем поворот корабля в сторону заграждения был чрезвычайно опасен для него, стрельба же могла повредить только сопровождавший его „Амурец“, над которым один из снарядов пролетел на незначительной высоте; поэтому велено было горнисту сыграть „дробь“. Но стрельбу остановить оказалось не так-то легко. Сигналы горниста, телефоны и циферблаты оказались недостаточными, пришлось старшему офицеру самому обежать добрую половину башень и лишь криками остановить расходившуюся прислугу орудий. Эти две-три минуты настроение на корабле, по словам бывшего старшего офицера его, было близкое к панике, которую все же удалось предотвратить.

Воспользовавшись этим, неприятельские аэропланы начали подлетать все ближе и ближе. Наконец, один из них, несмотря на стрельбу по нему, спланировав метров до 500, обгоняя, пролетел над кораблем, пересекая по диагонали его курс с правого борта на левый, и сбросил 10 бомб. Три из них упали почти вплотную у правого борта, остальные же—саженях в 25 от левого.

Следующие аппараты пробовали атаковывать попарно, но удачная стрельба аэропушек заставляла их держаться на почтительном от корабля расстоянии.

По мере приближения „Гражданина“ к Менто, солнце склонялось все ниже к горизонту, и картина Цереля становилась все феeричнее. Пожары разгорались во всю. Из ясно видимого на фоне вечерней зари старинного здания Церельского маяка вылетали целые столбы огня, а горевшие строения напоминали своим видом раскаленную жаровню. Все водное пространство между кораблем и берегом было усеяно шлюпками, какими-то катерами, буксирами, а под самым берегом стоял небольшой пароход и огромная баржа. Все это было полно людьми, что-то кричавшими и видимо просившими их подобрать, чем и занялся эск. миноносец „Амурец“.

„Гражданин“, подойдя кабельтовых на 30 — 40 к предполагаемому месту 12" батареи, развернувшись к ней левым бортом, открыл огонь из 12" и 6" орудий. Ближе подойти мешали ему малые глубины. С первыми его выстрелами солнце уже зашло, и последние залпы были сделаны в полутьме быстро наступивших осенних сумерек.

„Стрельба в полутемноте по собственной же батарее, с таким трудом и в то же время с такой поразительной быстротой построенной и в течение целой летней и осенней кампании 17-го года честно

и успешно отстаивавшей Ирбенский пролив“, пишет в своих воспоминаниях В. Огильви, — „наконец, окружающая мрачная, но величественная картина: пожары, неприятельские аэропланы, пулеметная стрельба, разбросанные кругом шлюпки и буксиры с людьми, панически покинувшими свои посты на батареях и даже не сумевших уничтожить орудий и все столь же ценное, оставленное врагу, — все это, вместе взятое, запечатлелось в памяти каждого участника нашего похода к Церелю“ [1]).

Прибывший на „Стерегущий“ начальник поста Церель, поручик Кивалкин, сообщил, что 12″ батарея уничтожена, что он сам видел взрыв орудий. Начальник VI дивизиона передал об этом на „Гражданин“, который тогда прекратил стрельбу и почти в полной уже темноте, развернувшись машинами, имея впереди себя миноносец „Амурец“, пошел шестиузловым ходом обратно в Моонзунд. Вместе с ним ушел пароход „Генерал Циммерман“ и несколько буксиров, все переполненные матросами с Цереля. На „Амурец“ было также принято 150 человек и два офицера. С одного из буксиров, переполненного людьми, было взято даже на „Гражданин“ 80 человек солдат и матросов. „Вид у этих людей был крайне жалкий, какой-то запуганный, голодный и ободранный“. Характерно, что команда отнеслась к этим неожиданным „пассажирам“ куда строже, чем командный состав. Они с ними не вступали в разговоры и не проявляли того обычного гостеприимства, каким отличается вообще русский матрос“. Прислуга буксиров и судов, шедших с „Гражданином“, т. е. рулевые и машинная команда, оказалась почти полностью сборной. В панике люди бросались на буксиры, а после уже, из своей среды выбрали старшин, машинистов и кочегаров; поэтому больше 6-ти узлов ходу эти суда не могли дать, заставляя и весь отряд итти таким ходом. В пути их опять атаковывали аэропланы, сбросив безрезультатно несколько бомб.

Эскадр. миноносцы „Стерегущий“ и „Туркменец Ставропольский“ также подбирали людей, спустив для этого и свои шлюпки. К „Стерегущему“ подошла на буксире портового баркаса баржа, на которой было около 200 человек матросов, солдат и вольных. Не имея возможности взять их к себе на борт, он послал их к „Гражданину“. Дальнейшая судьба, как баржи, так и людей, осталась неизвестной. На „Стерегущий“ было принято всего 57 человек и на „Туркменец“ — 46. Уже в последнюю очередь был принят мичман Гончаревский, сообщивший, что батарею уничтожить не удалось, вследствие порчи проводов. В 20 ч. 5 м. на Цереле был большой взрыв, повидимому, порохового погреба.

Снявшись с якоря, „Стерегущий“ с „Туркменцем“ отошли от Менто и, не видя „Гражданина“ на его прежнем месте, пошли обратно в Моонзунд. Не доходя острова Абро, они увидели „Гражданина“ с идущими с ним судами, причем сначала были приняты за неприятельские миноносцы, но, снесшись по радио, вступили ему в кильватер. Утром весь отряд, встреченный перед входом высланными для этого миноносцами „Донской Казак“ и „Разящий“, пришел в Куйваст.

---

[1]) В. Огильви. Воспоминания о походе «Гражданина» к Церелю 2-го октября 1917-го года. «Морской Сборник» № 8—9 за 1920 г. стр. 9.

Отношение команды Морских сил залива к падению Цереля.

Когда командуюшим Морскими силами была послана „Гражданину“ радио об уничтожении 12″ батареи Цереля, с заградителя „Амур“ явилась на транспорт „Либава“ делегация, потребовавшая об‘яснений по поводу этой радио. Около этого времени пришли в Куйваст эск. мин. „Украйна“ и „Войсковой“, и несколько делегатов матросов с них также прибыли на „Либаву“, чтобы собрать представителей всех судов и сообщить им о поведении команды 12″ батареи. Собравшиеся представители судов постановили требовать предания суду всего состава 12″ батареи, кроме остававшихся на ней 30—40 человек.

Окончательная потеря нами о. Эзеля.

На острове Эзеле положение к 15-му октября еще ухудшилось. Связи с частями 107 пехотной дивизии, отрезанной от Моона, не было никакой. По показанию нескольких солдат, начальник дивизии ген.-м. Иванов, и начальник 2 бригады со штабом, с пятью-шестью ротами при четырех орудиях и сотне пограничников,—были окружены неприятелем. Было много убитых, особенно офицеров, и утром 15 октября, ввиду безнадежности положения, эти части, по приказанию начальника дивизии, принуждены были рассеяться. Солдаты предполагали, что генерал Иванов или убит или попал в плен.

На Мооне.

Сменивший на Мооне наш десант ревельский Батальон Смерти, повидимому, пытался продвинуться через дамбу к Ориссару, но полевая артиллерия немцев, открывшая огонь по дамбе и тылу уже перебравшейся на Эзель части батальона, а также огонь миноносцев, вошедших в Малый Зунд с севера,—заставили ее отойти обратно на Моон. В Куйваст начали прибывать части 471 Козельского полка, но рассчитывать на их помощь, видимо, не приходилось. Находившийся в Гапсале специальный уполномоченннй комиссара северного фронта Фридман сообщал: „к сожалению, эшелоны 471 Козельского полка не представляют дисциплинированное войско. Вчера приходилось их убеждать сесть на транспорты, чтобы поскорее поспеть на выручку товарищам, но они ждали президиум своего полкового комитета; в конце концов удалось их отправить“ [1]).

Адмирал Бахирев указывает в своем отчете на большой беспорядок среди прибывших на Моон частей, среди которых появилось значительное количество желающих уйти с острова; при этом многие дезертиры лезли на стоящие у пристани Куйваст пароходы, буксиры и даже военные суда, так что он был вынужден телеграфировать ген. Генрихсону, прося о назначении коменданта высадки.

На Кассарском плесе.

Вошедшие в Малый Зунд 6 неприятельских миноносцев были обстрелены находившимися в дозоре у кордона Сеанина миноносцами V дивизиона „Всадник“ и „Москвитянин“, заставившими их отойти на вест. Появившиеся в то же время на Кассарском плесе 17 неприятельских миноносцев были отогнаны канон. лодками „Хивинец“ и „Храбрый“ на дальность их стрельбы. Около полудня к V-му дивизиону присоединился начальник XII дивизиона с миноносцами „Самсон“ и „Лейтенант Ильин“, а затем кан. лодка „Грозящий“ и несколько позже эск. мин. „Десна“. Несколько раз лодки и мино-

---

[1]) Архив М. И. К., Дело № 7396.

носцы вступали в перестрелку с неприятельскими миноносцами, державшимися, видимо, в дозоре на меридиане острова Кейнаст, и отгоняли их за границы своего огня.

В 17 ч. на вест от нас были замечены два сильных взрыва и вслед за тем по этому направлению была видна усиленная сигнализация прожекторами. Поздно вечером опять появились неприятельские миноносцы, но при подходе канонерских лодок скрылись на вест.

Опасаясь попытки неприятеля прорваться в Моонзунд, на ночь наши суда стали на якорь на Моонском створе, образовав таким образом сторожевую цепь.

Движение неприятельских судов между остр. Даго и Эзель. У кордона Серро на о. Даго немцами еще утром снова был высажен небольшой десант с трех миноносцев, подошедших к пристани. Десант вел ружейную и пулеметную перестрелку с нашими частями и до наступления темноты на суда не вернулся.

В течение дня, как и в предыдущие дни операции, между Даго и Эзелем наблюдалось большое количество немецких судов. В 18-м часу с поста Верхн. Дагерорт их насчитали до 62, в число которых входило: 5 „Новиков", 6 миноносцев типа „G 137", 10 миноносцев других типов, 8 транспортов, 2 крейсера и 22 тральщика. Отдельной группой шли на норд крейсер с 2-мя миноносцами и 6-ю транспортами. Кроме того, с постов на Даго были усмотрены 2 лин. корабля типа „Штеттин".

Находившаяся на позиции в районе Фильзанда подводная лодка „Е 9„ видела в 10 ч. 20 м. утра вблизи плавучего маяка, поставленного немцами недалеко от берега, буксир с баржей, шедший на NO; в 11 ч. 20 м. она обнаружила караван из двух огромных транспортов двух больших миноносцев и трех малых транспортов, шедший на SW, и в 13 ч. 8 м. атаковала возле того же маяка другой караван, шедший на NO и состоящий из пяти транспортов и двух больших миноносцев. Мины лодки прошли мимо, и даже лодка, повидимому, обнаружена не была.

Как и в предыдущие дни, неприятелем производилась воздушная разведка, причем один аппарат их был сбит и упал в нашем расположении. В то же время над Перновом были сброшены цеппелином 6 бомб, вызвавших в городе пожар.

В виду угрожаемого положения Пернова, в глубине Перновского залива с флотилии кап. 2 р. Нелидова было поставлено минное заграждение.

Служба связи сообщила о высадке немцами на о-ве Руно (в Рижском заливе) 16 человек с офицером.

Оценка положения Высшим Командованием. Вернувшись из Моонзунда после боя наших судов с немецкими миноносцами на Кассарском плесе, в Гапсаль, когда еще с Цереля только начинали поступать тревожные известия, Командующий Флотом в ночь на 15 октября доносил главнокомандующему Северным фронтом:

„Только что вернулся из Моонзунда. Доношу, что общее настроение морских команд прекрасное. Упорнейший бой с полным воодушевлением вели эскадренные миноносцы и канонерки с значительно превосходящими силами неприятельских эскадренных миноносцев новейшего типа на Кассарском плесе. В результате боя мы потеряли эск. мин. „Гром" со всем личным составом; на других кораблях имеются незначительные повреждения и потери. Потери неприятеля трудно сейчас установить; с достаточной уверенностью

считаю, что два утоплено и один или два повреждены, взяты на буксир. Относительно общего положения докладываю, что считаю таковое крайне серьезным по причинам: 1) неуверенности в том, что Церель и Сворбе долго удержатся как со стороны суши, так и со стороны моря, где противник может сосредоточить значительное число линейных кораблей, 2) необеспеченность о-ва Даго от высадки, что вызовет взятие морских батарей с суши, 3) невыясненное положение на Эзеле и большие затруднения в связи с возможностью прорыва Соэлозунда. Все возможные меры принимаются. 2-го октября (ст. стиль) 1917 года 3 часа № 1635/оп. Развозов".

Главнокомандующий отвечал на эту телеграмму:

„Не отрицая, что положение довольно серьезное, полагаю, что лучший выход из него—энергичные действия на Эзеле, с целью очищения его от неприятеля. Прикажите генералу Генрихсону сосредоточить возможно больше сил и немедленно энергично атаковать противника на Эзеле; в случае успеха этой атаки мы сохраним за собой Сворбе и обеспечим Даго от высадки. Для предупреждения прорыва противника через Соэлозунд можно в крайнем случае заминировать его, хотя по моему это нежелательно, так как лишит возможности наши миноносцы действовать активно в районе между Даго и Эзелем. В случае наступления противника на Сворбе по сухому пути, необходимо оказать 425 полку энергичную поддержку флотом из района Аренсбургской бухты; при наличности такой поддержки успех противника сомнителен. Прошу внушить всем начальникам сознание необходимости действовать смело и даже с риском; без риска успех невозможен. Сообщите срочно ваши предположения и распоряжения по морской части. 2 октября 1917 года. 3111/мор. Черемисов".

За этой телеграммой следовала другая:

„Передайте кораблям, особенно эскадренным миноносцам, бывшим в бою 1-го октября, и морским командам, принимавшим участие в последних боях, что их доблестная боевая служба и проявленная самоотверженность являют пример истинного служения свободной России в грозную минуту. Уверен, что и в предстоящих тяжелых боевых испытаниях, флот отразит врага и тем защитит завоевания революции и благо свободной России. Подвиг „Грома" да послужит примером всем, как высокий образец сознательного выполнения долга во имя родины и революции. Никогда не сомневался, что Балтийский флот, несмотря на происходящие среди него волнения и недоразумения, сумеет в трудную для России минуту возвыситься до понимания своего долга перед родиной и своей боевой работой докажет, что в нем не угасла присущая ему доблесть. Прошу передать командам и офицерам мою сердечную благодарность от лица службы за совершенные ими подвиги. 2 октября 1917 г. 3117/мор. Черемисов".

Несколько позже в тот же день Командующий Флотом снова доносил:

„Сегодня 2-го октября до полдня, пользуясь дождем и мглой, миноносцы неприятеля появились на Кассарском плесе против дамбы. Церель во мгле обнаружил в 10 милях тральщики и корабли. Опасаюсь, что, пользуясь плохой видимостью, неприятель сегодня сделает попытку прорыва в Рижский залив. На Цереле положение критическое, немцы заняли окопы на перешейке и выслали парламентера. Для поддержки послал „Гражданин" с миноносцами. Адми-

ралу Бахиреву послал директиву всемерно поддерживать Церель, даже рискуя потерять часть сил. Ввиду изложенного, полагаю своевременным донести, что для дальнейшей обороны Северного фронта надо считаться с занятием противником всего Рижского залива в ближайшие дни. Оборона Моонзунда с юга будет продолжаться всеми силами, независимо от прорыва Ирбена; операции на островах считаю нужным продолжать в полной мере. Следует иметь в виду, что введенные в дело силы неприятельского флота столь велики, что, после прорыва, армии не следует расчитывать на поддержку флота в Рижском заливе. 1111/12. Развозов".

Ответ: „Все ваши распоряжения одобряю. Прошу всех начальствующих лиц и войска напрячь все силы и энергию, дабы не позволить противнику развить успех, достигнутый на Эзеле. 2 октября 1917 года № 3126/мор. Черемисов".

Получив уведомление об оставлении Церельских батарей, как сказано выше, Командующий Флотом отдал категорическое распоряжение адм. Бахиреву уничтожить эти батареи во что бы то ни стало и вслед за тем юзограммой № 1655 приказывал ему, ввиду невозможности, при создавшейся обстановке, защищать Ирбен силами Рижского залива, всеми мерами оборонять Моонзунд, затруднять противнику пользование Рижским заливом и помогать нашим войскам на Эзеле. Между тем, главнокомандующий фронтом телеграфировал адм. Развозову:

„Приказываю не смущаться потерей полуострова Сворбе и Церельской батареи, продолжать сосредоточение войск на Эзеле и завтра 3-го октября решительно атаковать противника, с целью очистить от него остров; Ирбенский пролив защищать всеми средствами, дабы затруднить противнику овладение Рижским заливом. 2-го октября 1917 г. № 3128/мор. Черемисов".

Командующий Флотом на это сообщает:

„Ваше предписание получил уже после передачи Намобору [1]) моей директивы № 1655/оп., сообщенной вам в копии. Моя директива обусловлена следующими соображениями: 1) потеря постоянного наблюдения над Ирбеном исключает возможность своевременного сосредоточения сил на позиции, 2) достоверно, что неприятельскими подлодками поставлены минные заграждения, почему развертывание невозможно, без предварительного траления маневренного пространства, каковая работа, при создавшейся обстановке, не может быть обеспечена, 3) по абсолютно достоверным данным источника, известного Альтфатеру, состав и отряд сил, имеющих пройти в залив: 2 кронпринца и не меньше шести крейсеров, 4) с падением Церельской батареи, возможность защиты позиции зависит исключительно от соотношения сил. В данном случае абсолютное превосходство противника в силе огня становится подавляющим, из-за превосходства и в дальности, чему примером может служить гибель отряда адмирала Худа в Ютландском бою. На основании изложенного, прошу об утверждении моей директивы. 19 часов 2-го октября 1917-го года. № 1659/оп. Развозов".

Главнокомандующий согласился с мнением Командующего Флотом и директиву его утвердил [2]).

---

[1]) Начальник Минной обороны—в.-адм. Бахирев, командовавший одновременно Морскими силами Рижского залива.

[2]) Архив М. И. К. Дело № 7396. Там же и предыдущие телеграммы; числа в них и их даты—по старому стилю.

Пятый день операции (16 октября).

Последние взрывы на Цереле.

Между тем, немцы еще не занимали Церельских батарей, которые, как оказалось, „Гражданину“ уничтожить не удалось.

Утром 16 октября в Менто обстановка была совершенно неизвестна. Лейтенант Бартенев с мичманами Ларошем и Поликарповым и двумя матросами, Кулаем и Журавлевым—решили пойти на батарею № 43 и, если там немцев еще нет, то уничтожить ее, о чем сказали находившемуся в Менто кап. 1 р. Кнюпферу.

Все пространство от мыса Церель до батареи было изрыто воронками от снарядов, но на самой батарее не видно было следов попаданий ни немцев, ни „Гражданина“. Орудия, погреба и все сооружения оказались в исправности. По осмотре орудий оказалось, что взрывов подрывных патронов в них не произошло, только у одного был, повидимому, неполный взрыв. Переменив запалы и все пересмотрев, пытались снова произвести взрыв, но опять безуспешно; повидимому гальванические запалы были неисправны, фитильных же, с бикфордовым шнуром не было вовсе.

Тогда решили взорвать погреба, при взрыве которых должны были пострадать и установки. Выкатив полузаряды из погребов, выстрелом из винтовки зажгли их. Весь порох в погребе загорелся моментально. Из него вырывалось пламя с ревом, как при травлении пара, но снаряды взорвались не сразу (1-го октября второй погреб взорвался через 55 мин. после начала пожара).

„Ожидать взрыва первого погреба“, пишет лейт. Бартенев,— „пришлось минут двадцать в первом блиндаже; затем, не желая терять время, пробежали к третьему погребу, и когда подходили к нему, раздался взрыв и первый погреб весь взлетел на воздух. Мы залегли по канавам. Огромный столб черного дыма, бревна, рельсы, тележки и пустые пеналы поднялись на высоту около 100 сажен. Белый флаг, который вывесили над домом в Менто солдаты, за семь верст отсюда, свалился. Погреб был уничтожен окончательно. Проверять, повреждено ли орудие, я за неимением времени не пошел. Таким же образом был зажжен и третий погреб, одновременно и второй Дизель, который лежал,—облив нефтью кучу брошенных там командных вещей. Взрыв третьего погреба мы пережидали во втором блиндаже. Ждать пришлось 40 минут, теряя драгоценное время. Мы хотели уже выходить, но случайно задержались, и в это время последовал взрыв. В третьем погребе взорвалась лишь одна половина, другую завалило землей и из нее валил дым. В таких условиях подходить к четвертому погребу было не безопасно, тем более что двери в нем были заперты и предстояло еще их взламывать. Второй Дизель горел, на нем лопались и рвались сорокамиллиметровые патроны и взрывались ящики с ними. Дома в тылу были зажжены бревнами с третьего погреба и горели. Я отослал Поликарпова, Лароша и Журавлева на 47-ю батарею (вероятно, аэробатарея № 43-г, вооруженная 47 м/м. орудиями) ожидать нас, а сам с Кулаем отправился и зажег первый Дизель, взорвав там жестянку с бензином. Я решил идти взорвать и зажечь запасные погреба, пока не окончатся взрывы на 43-й. На ней в это время было пожарище, горели дома и Дизеля, трещали, взрываясь, сорокамиллиметровые патроны и стреляли по сторонам. Когда мы

подходили к 47-й батарее, взорвалась и вторая половина погреба, усеяв пространство до вышки у Собрания осколками, бревнами и кусками.

„Я считал необходимым идти и уничтожить запасные погреба, а затем вернуться на батарею 43, где к этому времени можно будет ходить беспрепятственно, и кончив ее уничтожение, перейти к маяку, где сжечь дом, так как точно было неизвестно, сожжен ли он, хотя говорили, что он зажжен одновременно с маяком.

„Подойдя к вышке у Собрания, влезли на нее, чтобы осмотреться. Неприятельских судов в море не видно, но со стороны Морской Авиации к мызе подходил отряд немецкой пехоты и артиллерия. Было около 3-х часов дня.

„Пришлось считать дело оконченным и окольными путями пробираться к Менто, которое оказалось уже занято немцами“ [1]).

Агония Цереля с его батареями закончилась.

Значение потери нами Цереля в глазах командующего Морскими силами залива.

Адмирал Бахирев так оценивает значение потери нами Цереля:

„Изменническая сдача 12" Церельской батареи имела громаднейшее значение не только для обороны Рижского залива, но и предрешала участь Моонзунда. Как позиция, Ирбенское поле потеряло всякое значение: наблюдение нашими судами за проливом прекратилось, так как при незначительном числе наших судов мы большую часть их должны держать на Кассарском плесе. Воздушная разведка, благодаря потере станции, также перестала существовать. Катера и мелкосидящие теплоходы, из за отсутствия баз, лишились возможности незаметно разбрасывать мины на путях противника в проходе. Таким образом, неприятель, владея обоими берегами пролива, мог легко уже войти в Рижский залив и, при своем отличном знакомстве с нашими минными заграждениями, свободно оперировать в нем. Вместе с тем, посылка наших кораблей сделалась крайне затрудненною“ [2]).

Перед оставлением Цереля, все плавучие средства были оттуда уведены и там остались лишь землечерпательная машина и малый кран.

Экспедиция на Эзель у Кюбоссара.

15 октября, во время работы на южном входном фарватере в Моонзунд, нашими тральщиками были подобраны 3 шлюпки с несколькими офицерами и солдатами, перебиравшимися с полуострова Кюбоссар на материк. По словам офицеров, по всему юго-восточному побережью Эзеля находилось много наших, оттесненных немцами, небольших частей; в районе Кюбоссара неприятельских войск еще не было.

Так как к этому времени из Финского залива в Моонзунд уже пришло несколько тральщиков и после утреннего ввода „Гражданина“ часть их освобождалась от работ, адм. Бахирев предложил начальнику I отряда дивизии траления, кап. 2 р. Четверухину, снарядить из свободных мелкосидящих тральщиков экспедицию для оказания помощи нашим отрядам на юго-восточном побережьи Эзеля

---

[1]) Архив М.И.К. Записка лейт. Бартенева о действиях 1—3 октября 1917 года на бат. Церель.

[2]) Отчет о действиях М.С.Р. зал., стр. 44.

и для отгона немцев, если бы они продвинулись туда, так как, закрепившись в этих местах, вблизи Моона, они мешали бы выходу наших сторожевых судов и работе тральщиков.

В 7 ч. утра 16 октября кап. 2 р. Четверухин с тральщиками „Груз“, „Капсюль“ и „Крамбол“ и тральными катерами вышел для исполнения поручения. В его распоряжение для защиты отряда и дозора в море даны были миноносцы „Деятельный“, „Дельный“ и „Резвый“, которые были им высланы в дозор к югу от Кюбоссара.

В бухте Векехольм с тральщиков был высажен десант из 32 охотников при офицерах, который, пройдя недалеко, обнаружил недавно подошедший немецкий отряд из пехоты и кавалерии, численностью около 150 человек. Этим отрядом были накануне забраны в плен около 200 наших солдат, бывших на Кюбоссаре, с обозом и лошадьми. Немецкий отряд был быстро рассеян огнем подошедших к берегу тральщиков и катеров. В свою очередь наши суда подверглись обстрелу из двух полевых и одного тяжелого орудия. Огонь тральщиков и 6″ Моонской батареи (№ 32) заставил замолчать батарею противника. Отряд кап. 2 р. Четверухина дважды был атакован неприятельскими аэропланами, бросавшими бомбы, но безрезультатно. Миноносец „Деятельный“ видел перископ подводной лодки, выпустившей по нему две мины.

Боевые действия на Кассарском плесе.

На Кассарском плесе ночь на 16 октября наши миноносцы и канонерские лодки провели на Моонском створе. „Храбрый“ был отпущен в Куйваст пополнить запас снарядов, а „Десна“ — в Рогекюль для ремонта. Неприятельские миноносцы находились под берегом о. Эзеля, видимо, стоя на якоре. Около 10 ч. 30 м. два из них отделились от прочих и подошли несколько ближе к нашим судам, которые пошли к ним на встречу и, находясь у мыса Сеанина, открыли по ним огонь. Миноносцы, закрывшись дымовой завесой, отошли на вест.

Около полудня был замечен транспорт со шлюпками на буксире, подходивший к Малому Зунду. Со „Всадника“ и канонерских лодок был открыт по нему огонь, и после первых близких падений, транспорт стал отходить под прикрытие 8-ми миноносцев, сопровождавших его.

Получив об этом извещение, адм. Бахирев послал XIII дивизион из Куйваста на Кассарский плес, для наблюдения за неприятелем и воспрепятствования попыткам его высадить десант на Моон.

Крейсеру „Адмирал Макаров“ было приказано стать севернее Куморского буя, для поддержки наших миноносцев на Кассарском плесе, все пространство которого, кроме западной части, было разбито на квадраты. Для увеличения дальности стрельбы, ему было предложено иметь крен в 5°. О крене было дано распоряжение и стоявшей у о. Шильдау „Славе“. К миноносцам на Кассарском плесе присоединился „Капитан Изылметев“, пришедший из Гельсингфорса в Моонзунд вместе со „Страшным“.

Снявшийся с якоря в 12 ч. 40 м. XIII дивизион, в составе эск. миноносцев „Изяслав“ (начальник дивизиона кап. 1 р. Шевелев), „Автроил“ и „Гавриил“, в 13 ч. 50 м. подошел к Раугенскому бую. У Малого Зунда были обнаружены 2 малых неприятельских миноносца, а затем там же—8 немецких „Новиков“ и, повидимому, высаживавший под их прикрытием десант однотрубный транспорт. На плесе стояли еще 2 „Новика в дозоре.

Приказав канонеркам стрелять по транспорту, который после первых же залпов дал ход и снова начал отходить на вест под прикрытием миноносцев, кап. 1 р. Шевелев, чтобы иметь возможность хотя бы с тремя его миноносцами маневрировать в тесном пространстве и чтобы не получить простого скопления миноносцев в одном месте, как это было накануне, а также для того, чтобы головному при повороте не пришлось слишком приближаться к берегу и заходить за веху, приказал миноносцам остальных дивизионов (V, XI и XII) вернуться и лишь быть наготове поддержать его, в случае надобности, а сам, с XIII дивизионом, пошел на сближение с противником.

В 14 ч. 14 ч., с дистанции около 65 кабельтовых был открыт огонь по ближайшим неприятельским миноносцам. Затем подошли 8 неприятельских „Новиков", конвоировавших перед тем транспорт,

В 14 ч. 20 м., под накрытием неприятельского огня, XIII дивизион повернул последовательно на 8 румбов влево и стал отходить на ост строем уступа, отстреливаясь из кормовых орудий. Во время поворота, в „Автроил" было три попадания: одно в нефтяную яму и два—под мостик. Неприятельский огонь был сначала недолетный и на накрытие перешли ходом самих миноносцев или же автоматами, так как наши суда имели очень малый ход. Были замечены наши попадания в первые два неприятельские миноносцы.

Отходя под огнем, „Изяслав" в 14 ч. 25 м. коснулся винтами грунта на ходу около 15 узлов. В 14 ч. 30 м. миноносцы вышли из сферы неприятельского огня.

„Изяслав" пришлось отослать в Рогекюль для осмотра водолазами его винтов; начальник XIII дивизиона пересел на „Автроил" и пошел в Куйваст для доклада, оставив „Гавриил" на Моонском створе.

В 16¼ ч. „Грозящий" своим огнем отогнал на вест двух неприятельских дозорных миноносцев. На „Грозящем" после стрельбы этого дня сильно просели носовые и кормовые орудия; у первого погнуты все пиллерсы, у второго лопнули и просели кницы палубного крепления и сама палуба.

Приготовления к отражению предполагавшегося десанта на Моон.

Днем Командующий Флотом известил командующего Морскими силами залива, что ночью ожидается приход пароходов и высадка неприятелем 2000 человек на остров Моон со стороны Кассарского плеса. Командующий Флотом приказывал привлечь все силы Рижского залива и отразить попытку десанта во что бы то ни стало. Адмиралы Бахирев и Старк, собрав на „Либаву" начальников дивизионов и командиров миноносцев, бывших в Куйвасте, и обсудив план действий, предложили им с наступлением темноты выходить на Кассарский плес, где действовать отдельными группами из двух угольных миноносцев, выпускаемых через известное время, когда уже определится положение предыдущей пары. Каждая пара, подойдя ко входу в Малый Зунд у острова Кейнаст, должна была атаковывать минами и артиллерией неприятельские суда. Для облегчения ориентировки предположено было зажечь (с горящих снять мешки) некоторые буи. От предложения поставить два миноносца с прожекторами для обозначения условного створа все отказались. Канонерские лодки, сосредоточась у Сеанинского мыса, должны были открыть огонь по о. Кейнаст и Малому Зунду.

Руководство всем было поручено адм. Бахиревым начальнику Минной дивизии, который около 15 ч. вышел на „Новике" к Рау-

генскому бую, откуда после захода солнца с канонерскими лодками перешел и стал на якорь у мыса Сеанина.

Мнения командиров о посылке миноносцев сильно расходились, но все находили операцию мало выполнимой, и, когда начальник VI дивизиона, кап. 1 р. Екимов, по возвращении на „Стерегущий“, пригласил к себе начальника IV дивизиона кап. 1 р. Постельникова и командиров миноносцев, для обсуждения заданной задачи, все единогласно решили, что она не выполнима, ввиду ее трудности с навигационной точки зрения и из за присутствия на Кассарском плесе большого числа неприятельских миноносцев, которые могли бы не допустить наших до назначенного места.

Об этом решении было доложено адм. Бахиреву, который полагал, что те же трудности выпадали и на долю неприятеля, вынужденного оперировать в том же ограниченном пространстве, вдобавок совершенно неосведомленного о том, что его планы действий известны нам. При этом были предложения поставить с теплоходов, тральщиков и вообще мелко сидящих судов минные заграждения, которые, по мнению адмирала, могли впоследствии затруднить нас самих; к тому же было и поздно, чтобы организовать это; также— выставить вперед у берега канонерские лодки и т. под. Считая себя, как временный начальник, мало знакомым со способностями командиров и степенью обученности личного состава Минной дивизии, адм. Бахирев приказал миноносцам все же идти на Кассарский плес, а кап. 1 р. Екимову доложить контр-адм. Старку, что, в зависимости от обстоятельств, он разрешает уклониться от выработанного плана операции, но что директива Командующего Флотом непременно должна быть приведена в исполнение.

С заходом солнца все исправные миноносцы перешли на Кассарский плес, куда была послана и кан. лодка „Храбрый“. Таким образом, чтобы помешать возможной высадке неприятеля ночью, у мыса Сеанина были сосредоточены 10 угольных миноносцев IV, V и VI дивизионов, XI, XII и XIII дивизионы нефтяных („Новиков“) и 3 канонерских лодки. Для поддержки их и для обстреливания плеса и Малого Зунда у о. Шильдау стояли „Слава“ и „Гражданин“ и к северу от плеса—„Адмирал Макаров“.

Из за отсутствия свободных кораблей, предположенную было постановку мин в Рижском заливе пришлось отменить; но это и не имело существенного значения при налаженной работе немецких тральщиков перед боевыми судами,—тем более, что мы могли ставить заграждения только в тех местах, о которых были предупреждены находившиеся в море английские подводные лодки. Неимение свободных судов и воздушной разведки оставляло наше командование в полной неосведомленности о неприятеле, неожиданный проход которого через Ирбенский пролив, с падением Сворбе с его батареями, всегда мог иметь место.

Ночью были отправлены в дозор к банке Ларина, перед входом в Моонзунд с юга, свободные миноносцы сторожевой дивизии „Деятельный“ и „Дельный“, которым было поручено с рассветом произвести разведку в Рижском заливе.

Вечером адм. Бахирев получил от Командующего Флотом извещение, что высадка на Моон немцами отложена, почему радиотелеграммой начальнику Минной дивизии отменил ночную операцию. Получив это приказание, адм. Старк поставил угольные миноносцы на якорь вдоль Моонского створа; несколько севернее стояла до-

зорная линия „Новиков". Канонерские лодки, для обстрела берега и о. Кейнаст, на ночь стали на якорь в семи кабельтовых на зюйд от восточного Кассарского буя.

На меридиан, приблизительно, западного Кассарского буя с вечера вышли, видимо также в дозор, несколько неприятельских двухтрубных миноносцев.

У острова Даго. Попрежнему в районе между Даго и Эзелем в течение дня 16 октября держались значительные силы неприятеля, в состав которых входило несколько дредноутов и легких крейсеров, много миноносцев и тральщиков. В 11-м часу утра один из „Кайзеров" и легкий крейсер обстреливали южное побережье о. Даго. С 17 ч. 15 м. до 17 ч. 50 м. тот же берег снова обстреливался крейсером. После обстрела неприятель высаживал небольшие десантные партии, которые ходили по избам и отбирали у жителей провиант. По непроверенным, правда, сведениям, бывшие у места высадки наши роты разбежались; остались только офицеры и человек 30 матросов и солдат.

На Мооне. С утра, в Малом Зунде находилось 6 — 7 неприятельских небольших миноносцев и одна малая канонерка, обстреливавшие дамбу и наши окопы перед ней на Мооне. На дамбу двинуться было невозможно, так как, кроме миноносцев, сразу же начинали обстрел поставленные в конце ее пулеметы. С нашей стороны тоже поставлены были пулеметы; в окопах находилось человек 20 Батальона Смерти, остальная часть команды расположилась в деревнях по обе стороны дороги. Сухопутные части занимали позиции по берегу до северо-западной оконечности острова.

Миноносцы противника изредка меняли места, и почти все время шла сигнализация между ними и появляющимися аэропланами. Примерно после получасового обстрела, над нашим расположением появлялся аппарат, который снижался метров до ста, осматривал результаты стрельбы, попутно бросая бомбы в наши окопы, и возвращался, после чего миноносцы снова начинали обстрел.

Для противодействия обстрелу противника, „Славе" было приказано занять такую позицию, чтобы она, при 5° крена, могла обстреливать часть острова Эзеля у Малого Зунда. Корректировка стрельбы производилась по радиотелеграфу с транспорта „Либава", на который по телефону от дамбы сообщалось о падении каждого снаряда; однако, до „Славы", выпустившей за этот день 18 —12″ снарядов, корректировка не доходила. К вечеру 16 октября Малый Зунд и прилегающие к нему части Эзеля и Моона были разбиты на квадраты и корректировка и стрельба могли вестись по квадратам.

Вечером к дамбе начали подходить прибывшие на Моон из Гапсаля части 1-го Эстонского полка. Их настроение производило впечатление бодрого.

Около 20 часов миноносцы противника стали отходить, не прекращая огня. В то же время на дамбе появился большой немецкий отряд, направлявшийся на Моон. Об этом немедленно дано было знать на батарею № 36, которая открыла огонь из 10″ орудий по дамбе и берегу Эзеля.

Солдаты, стоявшие в окопах близ дамбы, узнав, что идет неприятель, и увидев разрывы больших снарядов, выскочили из окопов и стали убегать вглубь острова; никакие уговоры на них не действовали. У дамбы остался только Батальон Смерти и матросы-

охотники. Неприятель был отбит, благодаря меткой стрельбе батареи, выпустившей до 200 снарядов и стрелявшей до 22 ч. вечера.

Около пристани Куйваст было большое скопление войск и обозов; там же находились склады снаряжения и патронов. Вечером прибывшие части развели возле пристани десятка два костров. В связи с появлением днем цеппелинов и крайне благоприятной погодой для налетов, солдатам настойчиво указывалось, что костры дают отличную ориентировку неприятелю при воздушных набегах, но все уговоры успеха не имели; солдаты заявили, что они готовы терпеть все последствия налетов, лишь бы погреться.

Неприятельские налеты.

Еще около полночи на 16 октября, над Перновом пролетел цеппелин, сбросивший около 20 бомб, которыми было убито 10 человек, разрушено несколько домов и уничтожено несколько голов скота. Суда нашей флотилии и батареи обстреливали его.

Днем наблюдался цеппелин к югу от Моонзунда, а также в Финском заливе; над Дагерортом одновременно летало их два.

В течение дня неприятель производил воздушные разведки всего района Моонзунда большим числом аппаратов. Наши суда и миноносцы стреляли по ним. Над Мооном аппараты летали на малой высоте и обстреливали из пулеметов наши обозы и отдельные группы солдат.

Один из аппаратов противника, пролетавший над Куйвастом, был сбит нашим летчиком Сафоновым и упал на Моон; летчики погибли, а аппарат поломан. На одном из погибших летчиков было найдено два предписания, помеченных 16 октября в 10 часов. Первое: „Лейтенанту Кейнбург. Установить, занят ли окончательно Сворбе нашими. Имелись сведения, что противник предпочел сдачу, пока сведения не проверены—неизвестно". И другое: „Воздушным аппаратам сегодня приказано установить на Мооне: занято ли предмостное укрепление на Эзеле неприятелем. Установите, есть ли сообщение войск между пристанью Куйваст и предмостным укреплением и между Куйвастом и почтовой станцией Вердер. Установите, нет ли передвижений войсковых частей на северную часть Моона. Донесение сбросить на войсковую часть 42 Ф. Д., находящуюся у Хундвы. Письменное донесение в генеральное управление воздушного движения в Аренсбурге" [1]).

Полеты наших аппаратов.

Наши аппараты также производили разведки. Между 12 и 13 часами вылетевший из Куйваста летчик Жеребцов осмотрел Кассарский плес. Донесение об его разведке дошло в очень искаженном виде, но, повидимому, он насчитал на плесе 18 разных судов, из них 9 миноносцев, 3 судна—у о. Кейнаст, 2 шли из Соэлозунда и в Малом Зунде—6 малых миноносцев. Западнее Соэлозунда он видел 15 судов, против Серро — 2 миноносца, на одном из которых был пожар. Возвращаясь с разведки, Жеребцов вступил в бой с неприятельским гидропланом над Малым Зундом.

Летчик Штевен в 15 ч. 30 м. вылетел навстречу неприятельскому аэроплану и над Малым Зундом вступил с ним в бой, но после третьей атаки, вследствие заедания пулемета, вернулся.

---

1) Архив М. И. К. Дело № 7510, стр. 356.

Подводная лодка „С 27“.

Находившаяся на позиции между Аренсбургом и Домеснессом подводная лодка „С 27“, перед вечером в этот же день, увидела на W неприятельский флот. Впереди шли 2 больших транспорта за заслоном из миноносцев, дальше — в полутора милях — 4 дредноута или больших судна, с интервалами в одну милю, также с заслонами из миноносцев, и в двух милях от них — 3 больших вооруженных вспомогательных судна.

Лодка атаковала первый дредноут с расстояния полутора кабельтовых, выпустив 2 мины; одна мина прошла под кораблем. Через 2 минуты был какой-то взрыв. После атаки лодка всплыла, но не была обстрелена, хотя и не могла не быть обнаруженной.

Командир лодки успел погрузиться снова, зарядить минные аппараты, и атаковал шедшее концевым вспомогательное судно, подорвав его у трубы. После этого лодку преследовали миноносцы и мелкие тральщики, прекратившие преследование с наступлением темноты. На другое утро, идя в Ирбен, командир лодки видел у банки Калькгрунд подорванное им судно с ошвартовившимися у его бортов четырьмя тральщиками, идущим курсом 240°. Лодка не могла его догнать и, пройдя минное поле, повернула на норд. Встретив дважды в пути неприятельские суда и выдержав чрезвычайно свежую погоду, так что почти все время принуждена была итти под водой, „С 27“ затем благополучно прибыла в Ганге.

По мнению ее командира, поврежденное им неприятельское судно не могло выдержать в море такую погоду и должно было утонуть.

Судьба других английских лодок.

Что касается двух других английских подводных лодок, посланных в Рижский залив 14 октября, то „С 26“ вернулась в Пернов 18 октября, третья же — „С 32“ 21 октября села на мель в Кюнозунде и, так как имеемыми в Пернове средствами не могла быть снята, то была там взорвана и покинута личным составом.

Неприятельские подводные лодки.

Днем 16 октября в Рижском заливе была замечена неприятельская подводная лодка, повидимому „U 57“, которая, по нашим агентурным сведениям, получила приказание проникнуть с юга из залива в Моонзунд.

При обследовании северного входа в Моонзунд, было обнаружено поставленное на фарватере минное заграждение.

Пришедший в этот день в Моонзунд крейсер „Диана“ утром был атакован к северу от Моонзунда, между маяками Тахкона и Оденсхольм, неприятельской подводной лодкой, две мины которой прошли у него под кормой. „Диане“ было приказано на следующее утро занять место для охраны северного входа в Моонзунд.

Прибывшие накануне из Гельсингфорса минные заградители „Зея“ и „Бурея“, приняв в Рогекюле мины, вместе с „Припятью“ перешли вечером в Куйваст, куда было приказано идти и заградителю „Волга“.

„Слава“, обстреливавшая в течение дня несколько раз противника у дамбы, к вечеру начала нервничать и, несмотря на заслон из всех почти миноносцев Рижского залива, просила по радио перейти с заходом солнца в Куйваст, в чем ей было отказано.

Телеграммы командующего флотом и главнокомандующего.

Адмиралом Бахиревым были получены две юзограммы от Командующего флотом. „Поблагодарите от моего имени Морские силы Рижского залива за энергию и неутомимость и за доблестный дух, проявленный ими в течение минувшей недели“, и „Передайте „Гражданину“ мою благодарность за выполнение поручения“.

Главнокомандущий Северным фронтом телеграфировал Командующему флотом:

„Если Ориссарская позиция потеряна и нет никакой надежды ее вернуть, примите все меры для вывоза с Эзеля 426 и 472 полков на плавучих средствах, переправив их на Моон. Еще раз прошу потребовать от всех начальников проявления инициативы, энергии и смелости действий, напомнив им, что инертность и бездеятельность неизбежно приведут к гибели. Передайте генералу Генрихсону мое категорическое приказание удерживать Моон; если потерян Эзель, потеря Моона создаст очень серьезное положение. 3 октября 1917 года № 3157 мор. Черемисов“.

В следующей затем телеграмме Главнокомандующий приказывал срочно сообщить, какие приняты меры наблюдения за Ирбенской позицией, указывая на необходимость организовать возможное наблюдение, чтобы своевременно сообщить о совершившемся прорыве, если таковой будет (3 окт. № 3158 (мор) [1]).

Как мы видели выше, адм. Бахирев считал невозможным организовать такое наблюдение, что и заставляло его придавать особенное значение потере Цереля.

Шестой день операции (17 октября). Бой у Куйваста.

Появление неприятельских судов перед южным входом в Моонзунд.

Около 8 час. утра 17 октября, с находившегося в дозоре у банки Ларина миноносца „Деятельный“, была получена радио: „Вижу 28 дымов на SW“, и вскоре за ней другая: „Неприятельские силы идут на Куйваст“.

Предложив „Деятельному“ по радиотелеграфу разобрать, какие корабли входят в состав этих сил, адмирал Бахирев приказал стоявшим у о. Шильдау лин. кораблям „Гражданин“ и „Слава“ перейти на рейд Куйваст, заградителям же, миноносцам и большим транспортам сняться с якоря и отойти к северу. Адмиралу Старку, пришедшему перед тем на „Новике“ вместе с угольными миноносцами с Моонского створа, было предложено озаботиться охраною Кассарского плеса и глубоководного Моонзундского канала, приготовлением пароходов для затопления в нем, в случае нашего отступления в северную часть Моонзунда, и принятием мин на мелкие суда и некоторые миноносцы.

В 8 ч. 25 м. „Деятельный“ донес, что видит четыре больших неприятельских двутрубных судна, повидимому, линейные крейсеры.

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7396.

К 9 ч. утра на рейд подошли „Гражданин“ и „Слава“. Адм. Бахирев, отдав на берег по телефону последние распоряжения, перешел на крейсер „Баян“, подняв на нем свой флаг, и приказал сниматься с якоря. Суда подняли стеньговые флаги.

Неприятель в это время шел двумя колоннами: в одной—4 больших судна, из которых 2—линейные корабли типа „Кениг“ (по агентурным сведениям это были корабли III эскадры „Кениг“ и „Кронпринц“), конвоируемые 8-мью миноносцами новейшего типа; в другой—2 больших транспорта, вероятно, матки гидропланов, миноносцы и тральщики. Обе колонны шли курсом N, держа прямо на Патерностер. Кроме того, тут же находились легкие крейсеры в.-адм. Гопмана.

Несколько позже, находясь от нас кабельтовых в полутораста, неприятель перестроился: два линейных корабля отделились от остальных и, развернувшись, пошли небольшим ходом на ост, вдоль нашего заграждения. Возле каждого линейного корабля держались по 2 миноносца. Транспорты остановились вдали, на меридиане Патерностера, окруженные миноносцами и тральщиками; возле них все время ходили легкие крейсеры. Две группы тральщиков вышли вперед и пошли—одна к западному проходу—курсом N, другая к восточному. Каждая группа состояла из 6 тральщиков и одного миноносца. Дойдя до первой линии нашего заграждения, первая группа повернула вдоль него и приступила к работе, другая же группа держалась на месте против восточного входа.

Снявшись с якоря, „Баян“ направился вдоль западных отмелей к бону; за ним кабельтовых в 4—5 шла „Слава“, и в 2-х кабельтовых за ней—„Гражданин“. При больших кораблях велено было находиться миноносцам VI и IX дивизионов.

Решение адм. Бахирева принять бой.

Несмотря на подавляющее неравенство сил, адмирал Бахирев решил принять бой, в расчете на минное заграждение к югу от рейда Куйваст, чтобы поддержать дух Моонского гарнизона и, насколько возможно, задержать овладение неприятелем южной частью Моонзунда. Адмирал считал, что если бы ему это удалось и появление противника у Моонзунда было безрезультатно, то положение неприятельского флота в Рижском заливе, если бы он вздумал остаться там на некоторое время, без базы для больших кораблей, при существовании в море подводных лодок и поставленных ночью минных банок, было бы рискованным, тем более, что делались возможными и атаки наших миноносцев. При уходе же Германского флота из Рижского залива и замедлении в овладении южным Моонзундом, возможен еще был подвоз на Моон и через него на Эзель свежих пехотных и кавалерийских частей и артиллерии и, следовательно, была еще надежда на улучшение положения. Кроме того, адмирал полагал, что уход морских сил без боя повлек бы за собой быстрое отступление наших неустойчивых сухопутных частей не только с Вердера, но и с пунктов к северу и востоку от него и даже с острова Даго.

Налет неприятельских бомбовозов.

Около $9^1/_2$ час. неприятель, шедший в западный проход, открыл огонь по возвращавшимся из дозора миноносцам „Деятельный“ и „Дельный“. В то же время над рейдом и берегом Моона появилось 6 больших неприятельских гидропланов—бомбовозов, сбросивших до 15 бомб, из которых 4 упали на рейде, 8—на пристань

и наш пост службы связи и 3—близь батарей. Разрывы бомб были очень велики, давали много черного дыма и обладали, видимо, большой разрушительной силой. Ни в суда, ни в самый пост попаданий не было.

Распоряжения к.-адм. Старка.

К.-адм. Старк на „Новике" перешел к Шильдау, чтобы распорядиться об отходе на север лишних транспортов и судов, об изготовлении угольных транспортов „Глаголь" и „Покой", с которых миноносцы спешно принимали уголь, к затоплению в канале, для охраны которого послал 2 сторожевых судна; к Шильдау были вызваны сильные буксиры, а лишние тральщики отосланы к северному входу в Моонзунд.

Открытие нами огня по тральщикам.

В 9 ч 50 м. по неприятельским тральщикам и охраняющим их миноносцам открыла огонь Моонская батарея, но вскоре замолчала.

Дойдя до параллели Патерностера, „Баян" уменьшил ход, развернулся на ост и, пройдя несколько кабельтовых, застопорил машины. Чтобы дать бо́льшую свободу действий и не мешать „Славе", ввиду ее более дальнобойной артиллерии (116 каб.), „Гражданин", имевший дальность огня всего 88 кабельтовых, когда „Слава" остановилась и начала разворачиваться, обогнал ее, увеличив для этого ход, и прошел между нею и „Баяном". Так как наши корабли очень растянулись по линии N—S, адм. Бахирев сигналом приказал им держаться ближе к адмиралу.

В 10 ч. 05 м. „Гражданин" открыл огонь по подходившим неприятельским тральщикам. „Слава", бывшая севернее, развернувшись, также открыла огонь по ним левым бортом, на курсовом угле 135 , с дистанции $112^1/_2$ кабельтовых, что при поправке на этот день +3 каб., являлось для нее пределом. Первый залп дал недолет, второй — перелет, и третий накрыл тральщики, которые, прикрывшись дымовой завесой, большим ходом отошли к югу.

Первая часть боя линейных судов.

Одновременно с началом нашей стрельбы, два неприятельских линейных корабля, с дистанции 130 кабельтовых, открыли огонь по нашим судам. Первый залп головного корабля, состоявший из трех всплесков, лег в расстоянии нескольких сажен от кормы „Баяна", бывшего южнее всех. Концевой неприятельский корабль стрелял по „Гражданину"; его залп, как и последующие, состоявшие из пяти всплесков, лег небольшим недолетом.

Чтобы не мешать „Славе", „Баян" по приказанию адмирала передвинулся на несколько кабельтовых на ост, поворачивая влево.

„Гражданин", следуя за ним, снова открыл огонь из 12" орудий по западной группе тральщиков, шедшей впереди линейных кораблей. Из за малой дальности его огня, он, получая недолеты, приостанавливал стрельбу, поджидая, пока тральщики приблизятся, чтобы повторить залп. Шестидюймовым калибром он пробовал в то же время обстрелять группу тральщиков, державшихся в проходе.

Маневрировать на тесном фарватере быяо невозможно; для стрельбы башнями, с их малым углом обстрела, приходилось разворачиваться машинами, поэтому адмирал в $10^1/_2$ час. приказал сделать семафор линейным кораблям держаться на месте и поддерживать огонь по ближайшему неприятелю.

Стрельба противника была в эту часть боя недействительна, преимущественно на недолетах, хотя падения были близки к нашим кораблям.

Около 11 час., когда разошлась дымовая завеса, выпущенная тральщиками, и было замечено, что они вновь приблизились на дистанцию на этот раз много меньше ста кабельтовых (со „Славы" $98^1/_4$ до 96 каб.), наши суда снова открыли по ним энергичный огонь, в котором вскоре приняла участие и Моонская батарея. Тральщики работали упорно, несмотря на то, что все время находились в большом количестве всплесков, и только после замеченных нами попаданий, причем, по наблюдению с марса „Славы", один тральщик затонул, а другой был подбит,—они начали отходить большим ходом, прикрываясь дымовой завесой. Начальник Германской III эскадры вице-адмирал Бенке с особенной похвалой отзывался о действиях отрядов траления, образцово работавших под метким огнем [1]).

По выходе тральщиков из сферы нашего огня, „Слава" перенесла огонь на неприятельские линейные суда, но, вследствие ряда недолетов, прекратила стрельбу. В это время на меридиане Патерностера были замечены несколько больших миноносцев, в строе фронта шедших на норд. Со „Славы" был сделан по ним один выстрел из носовой башни, давший, повидимому, попадание, так как на одном из миноносцев произошел взрыв или пожар. Миноносцы в беспорядке бросились в стороны и полным ходом стали отходить к югу. Вместе с ними стали отходить и все другие суда вместе с крейсерами, прикрывавшими собой транспорты и мелкие суда, которые, пройдя немного к югу, снова остановились.

Происшедший на миноносце взрыв, вероятно, побудил и линейные корабли неприятеля повернуть к зюйду, и в 11 ч. 10 м., с расстояния около 130 кабельтовых, они прекратили огонь по нашим кораблям, обстреляв последними залпами Моонские батареи.

В 11 ч. 20 м. на „Баяне" был поднят сигнал: „Полубригаде линейных кораблей адмирал из'являет свое удовольствие за отличную стрельбу".

Неисправность 12" башни на „Славе".

Перед самым концом стрельбы на „Славе" вышла из строя носовая 12" башня. У обоих орудий, у правого — после четырех, у левого — после семи выстрелов, сдали двойные бронзовые шестеренки и немного опустились рамы замков, шестеренки же зубчаток не двигали замков, так как перекосились их валы; таким образом закрыть замки нельзя было. Оба орудия были поставлены на корабль в ноябре 1916 года и дали, считая и бой, практических 34 и боевых 45 выстрелов. По мнению специалистов „Славы", вся вина в этом случае ложится на завод, который небрежно и из плохого материала выделал зубчатки. Несмотря на усиленную работу башенной прислуги и судовых мастеровых, исправить повреждение не удалось.

Таким образом для борьбы с двадцатью 12" орудиями двух неприятельских линейных кораблей, у нас оставалось всего два 12' орудия „Славы", так как орудия „Гражданина" были недальнобойны, огонь же двух остававшихся к началу боя исправными

[1]) «Морской Сборник» № 10—11 за 1920 г., стр. 36.

Моонских 10″ орудий, из-за медленности стрельбы, был мало продуктивен.

Перерыв боя. Так как неприятельские корабли отошли на расстояние более 160 кабельтовых, адмирал Бахирев сигналом разрешил судам стать на якорь и затем об'явил, что команда имеет время обедать.

Для охраны кораблей от подводных лодок, к бону был выслан VI дивизион миноносцев. Мористее всех, на параллели Патерностера, стал на якорь „Гражданин“, кабельтовых в двух к северу от него—„Баян“. „Слава“, отклепавшая перед боем оба каната, просила разрешения держаться под машинами, не отдавая якорей.

В это время неприятельские миноносцы открыли беглый огонь по воде около себя, повидимому, предположив там подводную лодку. Неприятельские линейные корабли с тральщиками и прочими судами, обходя с юга наше минное заграждение, начали переходить на восточный входной фарватер. Этим маневром, вероятно, и об'ясняется временный перерыв боя, хотя с одного из бывших при нашем отряде миноносцев был замечен возникший на неприятельском дредноуте пожар.

Около полдня неприятель, обойдя заграждение, направился большим ходом прямо в восточный проход. Находившиеся там тральщики перед тем начали работу. Они шли по курсу норд, 4 тральщика строем фронта впереди и 2—сзади, имея на правом траверзе один миноносец.

„Слава“ начала маневрировать задним ходом для сближения с противником, удерживая его на кормовом курсовом угле, так как располагала только кормовой башней. Ее 6″ башни участия в бою не принимали; находившиеся в них по нескольку штук ныряющие снаряды во время боя приказано было выбросить за борт, так как атаки подводных лодок представлялись мало вероятными, а сами они представляли во время боя большую опасность из-за их слабого взрывателя.

В 11 ч. 50 м. „Гражданин“, а затем и „Баян“, несколько задержавшийся с'емкой, снялись с якоря; адмирал передал по семафору: „если тральщики будут приближаться, открывать огонь“.

„Гражданин“, снявшись с якоря, ввиду малой дальности своей артиллерии, прошел сперва еще на зюйд и, развернувшись левым бортом к неприятелю, в 12 ч. 04 м. стал обстреливать обоими калибрами восточную группу тральщиков. Вслед за ним и „Слава“ открыла огонь по тральщикам из кормовой 12″ башни, на курсовом угле 135° левым бортом, с дистанции 115 кабельтовых; затем открыли огонь „Баян“ и бывшие у бона „Туркменец-Ставропольский“ и „Донской Казак“, расстояние которых до тральщиков было 65—70 кабельтовых. Замечено было много накрытий, заставлявших тральщиков менять курсы, и в скором времени под прикрытием дымовой завесы отойти к югу. По наблюдению с марса „Славы“, когда завеса рассеялась, не оказалось миноносца и одного тральщика.

Вторая часть боя линейных судов. Неприятельские линейные корабли, между тем, подойдя большим ходом, уверенно развернулись между недавно поставленным и прошлогодним нашими заграждениями левым бортом к нам и, уменьшив ход, в $12^1/_4$ часов открыли огонь пятью-орудийными залпами по нашему отряду.

„Слава“, развернувшись, начала отвечать из своей кормовой башни, с дистанции 112 кабельтовых. „Гражданин“, находившийся ближе всех к противнику, стал маневрировать, с целью затруднить ему пристрелку, отходя постепенно к северу.

Неприятель очень быстро пристрелялся; снаряды его ложились весьма кучно. Первый залп лег перелетами через „Гражданин“ и недолетно до „Славы“; следующий дал и по ней перелеты; с третьего залпа получилось накрытие и снаряды стали ложиться очень близко от кораблей.

„Слава“ прибавила ход, чтобы выйти из под накрытия, и уклонилась вправо, но вскоре же в 12 ч. 25 м. получила сразу три попадания: два в нос и одно в левый борт, против машинного отделения,—все подводные, ниже броневого пояса. Корабль сильно вздрогнул и раскачался, после чего появился крен на левый борт, все увеличивающийся.

Один из снарядов попал ниже ватерлинии на 10—12 фут, в помещение носовых боевых динамо-машин, разорвавшись или у самого борта, или в бортовом корридоре и произведя во внутренней стенке борта громадную пробоину, около полутора сажен в диаметре. Электричество во всей носовой части сразу погасло. Люди, находившиеся у динамо-машины, едва успели выбежать, как вода затопила все отделение и дошла до батарейной палубы; экстренный выход в люке был немедленно задраен, подпоры же на люке были поставлены заранее. Вследствие образовавшейся темноты, люди не успели задраить двери из подбашенного отделения в носовую 12″ башню и вода затопила носовые 12″ погреба. Другим снарядом сделана подводная пробоина в отделении мокрой провизии и шхиперской, которые тоже были затоплены. Таким образом, носом всего было принято около 1130 тонн воды.

От этих двух попаданий сразу образовался крен в 4—5°, через несколько минут дошедший до 8°. Затоплением соответствующих бортовых корридоров правого борта удалось привести крен к величине около 4°. Корабль сел носом на 5 фут и среднее углубление увеличилось на 2 фута, так что углубление форштевня стало 31—32 фута и ахтерштевня 29—30 фут. Переборки держали хорошо, была замечена только небольшая фильтрация через сальники электрических проводов.

Третий снаряд попал, вероятно, в подводную часть левого борта против левой машины и брони не пробил, а лишь повредил борт, так как в машинном отделении была заметна только фильтрация воды и в трюме прибыль воды происходила настолько медленно, что с ней могли справиться одни осушительные средства.

Через несколько минут снова два снаряда попали почти в одно место, один в церковную, другой в батарейную палубы, против первой кочегарки. Снаряды разворотили рундуки, пожарные рожки, лагуны, трап, шахты в погреба мелкой артиллерии и в кочегарку, и произвели в обеих палубах пожар командных шкапиков и рундуков. Несмотря на трудность ориентировки и работы из-за массы дыма и газов, пожар был ликвидирован минут через 10—15. Был уничтожен носовой перевязочный пункт, прислуга которого сразу же перешла на работу в кормовой.

Пламя, дым и газы попали через трубу экстренного выхода в центральный пост, вся прислуга которого силой взрыва была разбросана. Трансформаторы и приборы перестали действовать,

аккумуляторная станция оказалась разбросанной, переговорные трубы перебиты, почему пришлось перейти на плутонговый огонь из кормовой 12" башни. Газы от разрывов снарядов попали по шахте и в носовую кочегарку; однако, кочегары остались на своих местах. В кормовой кочегарке перелившаяся из-за крена на левый борт вода подступила к топкам, почему в части котлов пришлось прекратить пары.

В штурвальном отделении левой носовой 6" башни загорелись сложенные там маты и бушлаты прислуги подбашни. Потушившие пожар люди, опасаясь, чтобы огонь не проник в питатель, затопили погреба [1]).

Крен очень затруднял управление кораблем. Все же, приведя неприятеля на курсовой угол 180°, „Слава" продолжала стрелять по нему. Одним из ее снарядов, по наблюдению с ее марса, произведен был пожар в носовой части стрелявшего по ней головного линейного корабля.

Наконец, в 12 ч. 39 м., „Слава" получила еще два попадания, одно—в церковную палубу около судовых образов, другое—в броню, против радиотелеграфной рубки, — оба подводные. В церковном отделении все разрушено и убито 3 человека, у которых оторвало головы. Снаряд, попавший в броню, пробил ее и прогнул переборку угольной ямы.

Почти одновременно с первым попаданием в „Славу" два снаряда попали и в „Гражданин". Один—с кормы, пробив стоявшие на рострах паровые катера и разворотив верхнюю палубу, разорвался под нею, уничтожив несколько кают; осколки его, пробив следующую палубу, попали в батарейную палубу. Произведенный им пожар дал густой, темный, вредный для дыхания дым, но был в скором времени потушен. Второй снаряд ударился в бортовую броню правой средней 6" башни под острым углом, вследствие чего только вдавил плиту, и сделав в броне выбоину, разорвался, дав множество осколков, пробивших борт и повредивших две динамо-машины и несколько паровых труб [2]).

Около $12^1/_2$ часов, чтобы вывести из под огня неприятеля охранявшие отряд миноносцы VI и IX дивизионов, так как надобности в охране не было, и чтобы заградители и другие суда, стоявшие на якоре у острова Шильдау, заблаговременно вышли из сферы обстрела и не мешали маневрированию больших кораблей, адмирал сделал общий сигнал: „сняться с якоря и дать ход", который потом подкрепил радио: „Морские силы Рижского залива. Отойти".

Расстояние до неприятельских линейных кораблей было в это время около 130 кабельтовых, до тральщиков же, находившихся несколько в стороне, кабельтовых 90. Неприятель усилил огонь по „Баяну", за промежуток времени в 13 секунд сделав по нему не менее восьми залпов по три и по четыре снаряда в залпе; сначала было два перелета, после чего снаряды стали ложиться у самого борта и под кормой. Вначале крейсер шел самым малым ходом, маневрируя, чтобы не мешать уходящим на норд нашим линейным кораблям, и только при последних залпах увеличил ход до 15 узлов, вследствие чего стали получаться недолеты.

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7511.
[2]) Архив М. И. К. Дело № 7512.

При одном из последних неприятельских залпов, в „Баян" попал снаряд с правой стороны под передним мостиком. Пробив верхнюю и батарейную палубы около носовой 8″ башни, он разорвался в тросовом отделении, ударившись о бухты троса. От разрыва разрушены переборки и помещения шкиперское и провизионное, разорваны 8 шпангоутов и внутренняя обшивка двойного борта между ними и сдвинуты несколько две плиты верхнего пояса брони, между которыми образовалась щель. В тросовом и шкиперском отделениях возник пожар, который, несмотря на принятые немедленно меры, потушить не удалось, и он был прекращен окончательно лишь через сутки. Ввиду близости пожара к погребам, были затоплены носовые 8″, 6″ и противоаэропланные погреба, отчего крейсер сел носом до 26 футов [1]).

Отход наших судов на север.

Наши корабли отходили к северу под непрерывным накрытием неприятельского огня. С одного только „Гражданина" во время боя насчитано не менее 20 весьма близких накрытий пятиорудийных залпов, причем снаряды ложились одновременно по обеим сторонам корабля и разрывы их производили очень сильные сотрясения всего корпуса, которые, как потом выяснилось, несколько ослабили его крепость.

При подходе к Шильдау, пришлось уменьшить ход до самого малого, а затем и застопорить машины, чтобы стоявшие к северу от острова заградители и транспорты успели сняться с якоря и войти в канал. Отход их был совершен в полном порядке, несмотря на наше отступление под сильным огнем и на налет шести неприятельских гидропланов, сбросивших до 40 бомб большой, судя по разрывам, разрушительной силы между кораблями, главным же образом среди массы скопившихся в узкости заградителей и других судов. По счастью, ни одна бомба в суда не попала. Гидропланы были отогнаны огнем наших судов, причем, по донесениям, один аппарат был подбит огнем „Славы" и резко упал вниз, другой был сбит эск. миноносцем „Финн".

Конец боя.

В 12 ч. 50 м., когда наши суда уже прошли Шильдау, неприятель, с расстояния 128 кабельтовых, прекратил по ним огонь и, перенеся его на некоторое время на Вердер, затем отошел.

Единственной причиной, побудившей неприятеля отказаться от преследования нашего отряда, адм. Бахирев считал отличное знание им нашего прошлогоднего заграждения („зета") и неуверенность в том, что оно хорошо протралено.

Потери в людях во время боя на наших судах были следующие: на „Славе", вследствие гибели всех судовых списков, а также ввиду того, что часть команды была в отпусках и командировках, раненые после боя попали в разные порты, а убитые — были оставлены на корабле, потери в бою установить не удалось; на „Гражданине" было 5 раненых, из них один скончался; на „Баяне"—2 убитых, 3 скончались от ран и 3 легко ранены.

О расходе снарядов сведения имеются только с „Гражданина" фугасных 12″—58, таких же 6″—114.

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7513.

Отходивший с большими кораблями начальник VI дивизиона намеревался снять вехи на рейде Куйваст, но этого сделать не удалось, вероятно, вследствие сильного огня неприятеля.

Еще во время боя адм. Бахирев, предвидя, что неприятель заставит нас отойти на север, приказал по радиотелеграфу начальнику V дивизиона принять мины с заградителей, чтобы разбросать их на рейде после ухода больших кораблей. Некоторые из миноносцев этого дивизиона уже подошли к заградителям, но принять мин не успели, так как, по приказанию отходить, все суда начали сниматься с якоря.

В самом начале боя адмирал, чтобы не потерять связи с Моонскими батареями и вообще берегом, по радио приказал начальнику Минной дивизии поставить миноносец на Куйвастскую бочку, соединенную телефонами с берегом, почему на нее был поставлен „Пограничник". Получив телефонограмму на имя адмирала о том, что 10″ Моонская батарея взорвана и что наши войска на дамбе обстреливаются неприятельскими миноносцами и канонерками, он передал ее по радио. С „Баяна" сообщение о неприятеле командовавшему войсками на Мооне ген.-м. Мартынову было передано по семафору. С отходом больших кораблей, „Пограничник" тоже снялся с бочки и уходил под неприятельским огнем. Во время воздушной атаки, одна бомба упала у него по носу в полукабельтове, но не разорвалась, а шипела в воде. При проходе мимо нее, ощущался неприятный запах, который долго потом оставался в помещениях.

Затопление лин. кор. „Слава".

В виду того, что „Слава" глубоко села носом, почему Моонзундский канал стал для нее непроходим, командир ее просил у адмирала разрешения, сняв людей, взорвать корабль.

Проходя мимо нее на „Баяне", мили в $^1/_2$—$^3/_4$ от входа в канал, адмирал приказал командиру ее, кап. 1 р. Антонову, пропустив вперед „Баян" и „Гражданин", затопить корабль в самом канале, при входе в него, и взорвать погреба. При этом, с верхней палубы раздалось несколько истерических голосов с просьбой о помощи.

В 13$^1/_4$ час. „Баян" и вслед за ним „Гражданин" вошли в канал и малым ходом пошли по нему к северу.

Получив приказание адмирала, командир „Славы" велел приготовить к взрыву погреба, в которые еще накануне были разнесены и разложены по 8 восемнадцатифунтовых тротиловых патронов, что оказалось очень кстати, так как 47 м/м погреб, в котором они хранились, был затоплен. В каждый ящик было вставлено по три запала с фитилями, в расчете на получасовое горение.

По сигналу адмирала: „миноносцам оказать помощь терпящему бедствие кораблю", к борту „Славы" начали подходить: сначала эск. мин. „Сильный", затем „Войсковой", „Донской Казак", буксир „Москито", один из тральщиков и эск. мин. „Сторожевой". Приказав горнисту сыграть „слушайте все", командир „Славы" отдал распоряжение команде, кроме прислуги противоаэропланных пушек и части машинной, садиться на миноносцы, вынеся в первую голову раненых. Началась посадка на миноносцы.

Следует отметить, что во время самого боя, по отзывам всех офицеров корабля, команда добросовестно и толково исполняла свое дело и сохраняла присутствие духа; лишь небольшая ее часть,

состоящая главным образом из молодых матросов, проявила паническое настроение [1]).

Так старший артиллерийский офицер ст. лейт. Рыбалтовский 3-й доносит в своем рапорте командиру корабля:

„В бою вся старая команда вела себя идеально, но некоторая часть молодой бегала с поясами и панически что-то кричала; таких было до 100 человек“.

Мичман Шимкевич пишет в рапорте, что после первых попаданий в „Славу“, на верхней палубе он заметил, что несколько человек из машинной и строевой команды одевали на себя пояса и бегали взад и вперед по палубе. Мичман Ковшов после первых же попаданий увидел на срезе много команды, надевавшей пояса.

Перед оставлением же корабля началась настоящая паника, возникновению которой способствовало, повидимому, слишком общее приказание командира и, вероятно, та же неустойчивая часть команды, которая бегала во время боя с поясами, особенно принимая во внимание реакцию после неудачного боя и ухода других кораблей на север.

По рапорту инженер-механика Милавского, машины были оставлены самовольно. Следующие слова его рапорта до некоторой степени характеризуют бывшие на корабле порядки: „Верхним продольным мостиком пошел я к боевой рубке. Увидав Вас (рапорт написан на имя командира), я стал Вам докладывать. Стоявший рядом с Вами матрос, кажется, член судового комитета (фамилии его я не знаю), перебил меня, сказав что-то вроде: „Стало быть, в машине никого, ведь нужен ход“. Так как мне единственно это и нужно было знать, то я, не продолжая доклада, сказал, что немедленно иду и буду давать ход сам, и просил только хоть сколько-нибудь людей“.

Преждевременное оставление машин подтверждает и трюмный механик лейт. Мазуренко. То же самое говорит о кочегарах инж.-мех. мичман Батльдз.

Самая посадка на миноносцы происходила уже в панике невообразимой.

„Удержать бросавшихся в беспорядке на миноносцы не было возможности, и посадка произошла панически, причем стоило больших усилий вынести из операционного пункта раненых и водворить их на миноносцы; причем раненых выносил сам старший врач Стратилатов и помогали офицеры“. (Рапорт старшего офицера кап. 2 р. Галлера).

„Когда подошел эск. миноносец „Донской Казак“, многие матросы хотели на него спрыгнуть, но вахтенный начальник миноносца мичман Гедле, угрожая револьвером, приказал переносить первыми раненых“ (Рапорт мичмана Ковшова).

Старший врач пишет: „Очень трудно было переносить (раненых) на миноносец, так как и команда спешила попасть на него, хотя и отдано было приказание первыми пропустить раненых“.

Кто-то крикнул в палубе, что фитили в погребах зажжены и корабль сейчас взорвется, и что пусть спасаются все, кто может. Это, конечно, еще усилило панику.

Начальник VI дивизиона на эск. мин. „Туркменец Ставропольский“, подходя к „Славе“, услышал душу раздирающие вопли: „то-

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7511.

варищи, спасите!“ Команда, раздетая, со спасательными поясами, принимала все меры к бегству с корабля.

Чье поведение, как во время боя, так и среди всеобщей почти паники, заслуживает быть особенно отмеченным, это — медицинского персонала. Младший врач И. Лепик, находившийся в разрушенном перевязочном пункте, будучи тяжело контужен, с парализованной всей правой стороной, еле придя в сознание, одной левой рукой, поддерживаемый санитаром, перевязал обожженого матроса, после чего снова потерял сознание. Когда его перенесли на миноносец, не видя вокруг офицеров и думая, что они не хотели оставить корабль, он стал требовать, чтобы его перенесли обратно на корабль к офицерам. Раненых переносили на миноносцы старший судовой врач с фельдшерами и санитарами при помощи офицеров.

В 13 ч. 20 м. командир „Славы“ застопорил машины и приказал зажечь фитили у подрывных патронов. Чтобы уклониться от державшегося впереди „Гражданина“, было положено „право на борт“, но затем рулевые, также как и остальная команда были отпущены, между тем корабль продолжал катиться вправо. Старший штурман, при помощи старшего артиллерийского офицера, переложил руль „лево на борт“, после чего „Слава“ уперлась носом в грунт на глубине 28 фут. Хотя командир и старший штурман считали, что они точно вошли в канал, повидимому, „Слава“ остановилась на мелком месте, не доходя до входа, как считает адм. Бахирев, кабельтовых двух-трех, где и затонула.

Командир, обойдя лично палубы и убедившись, что никого из живых в них не осталось, вместе с оставшимися еще пятью офицерами и несколькими матросами, последним сел на эск. мин. „Сторожевой“, который, как и другие миноносцы, снимавшие людей со „Славы“, доставил их в Рогекюль.

Командир эск. миноносца „Туркменец Ставропольский“, капитан 2 ранга Чаплин, перед тем долго плававший на „Славе“ и потому хорошо ее знавший, просил разрешения начальника VI дивизиона отправиться на нее для того, чтобы спустить продолжавшие на ней развеваться флаги, посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь секретного, а также выяснить ее повреждения и попытаться вывести корабль, который ему казался еще двигающимся. Не зная, что предпринято на „Славе“, начальник дивизиона в этом ему сначала отказал, но, когда с миноносца „Забайкалец“ было по семафору передано, что командир „Славы“ просит взорвать ее миной Уайтхеда, — решив, что ничего не предпринято, на вторичную просьбу кап. 2 р. Чаплина согласился. С просьбой о взрыве обращался на миноносцы, беспокоясь за судьбу своего корабля, старший артиллерист „Славы“ лейт. Рыбалтовский, по просьбе которого командиром тральщика „Капсюль“ дана была радио адмиралу Бахиреву: „офицеры линейного корабля „Слава“ просят ускорить взрыв“. Командир „Славы“ уже после взрыва ее, опасаясь за недостаточность его результатов, проходя на „Сторожевом“ мимо адмирала, также просил его о взрыве корабля минами.

Приехав на „Славу“ с несколькими охотниками, капитан 2 р. Чаплин наружных повреждений на ней не заметил; динамо-машины работали и электрическое освещение горело.

В 13 ч. 58 м. последовал взрыв „Славы“. Взрыв был громадный, высота столба превышала в несколько раз высоту мачт. На корабле начался сильный пожар.

Из людей „Туркменца“ никто не пострадал, и они благополучно вернулись на миноносец. Начальник VI дивизиона приказал подошедшим миноносцам „Москвитянину“ и „Амурцу“ выпустить по „Славе“ мины. С „Москвитянина“ были выпущены 2 мины; одна попала между труб, но не взорвалась, другая пошла в сторону и циркулировала. Мины „Амурца“ обе ударились в борт, но не взорвались, и только одна из мин „Туркменца“ взорвалась с правого борта „Славы“, у передней трубы; другая попала в корпус, но также не взорвалась. Итого из 6 выпущенных мин одна пошла неправильно, а 4 попали в цель, но не взорвались.

„Слава“ горела до следующего утра. Проходивший мимо нее в 8 ч. вечера на миноносце „Ретивый“ мичман Шестопал доносил: „корма, совершенно разрушенная, имела вид отделившейся от корабля части; на грот-мачте не было ни стеньги, ни гафеля; там где находились верхние офицерские каюты, был сильный пожар, причем из пламени, достигавшего до марсов, все время вырывались вспышки взрывов; очевидно, рвались 6″ снаряды средних башен“.

Затопление транспортов в глубоководном канале.

После прохода больших судов на север, в глубоководном канале были затоплены транспорты „Глаголь“ и „Покой“. Первый был поставлен у вторых от входа вех в южной части канала и на нем были открыты кингстоны; экипаж с него был снят „Забайкальцем“, который, отойдя, затем сделал по нему 9 выстрелов из 4″ орудия. После него тот же „Глаголь“ еще расстреливал „Туркменец“. Транспорт „Покой“ был затоплен у первого бакана. Проходя мимо, „Забайкалец“ по нему дал 4 залпа. Здесь же „Забайкалец“ подобрал три шлюпки с 19 матросами и солдатами. Среди первых были телефонисты с Моона, захватившие с собой телеграфные приборы, подрывные патроны и даже журналы. „Туркменец“, отойдя к северу, зажег знак Папилайд.

На Вердере во время боя.

Батареи Вердера и Моона принимали лишь незначительное участие в бою между нашими и немецкими кораблями. Когда еще неприятельские суда подходили к Моонзунду, начальник авиостанции на Вердере, лейтенант Берг, предложил команде остаться, чтобы, в случае высадки немцами десанта, определить его силы. Команда вся, за исключением старшины поста, отказалась, ссылаясь на малочисленность ее. Во время налета на Куйваст, команда начала волноваться, говоря, что пора уходить. Первым бежал находившийся в имении Вердер Центральный Комитет Морских сил Рижского залива, что очень плохо подействовало на остальную команду.

Пост Вердер доносил все утро о движении и маневрировании, а также о стрельбе неприятеля. В 12 ч. 15 м. неприятельские суда, идя на N, открыли огонь по Вердеру. В 12 ч. 25 м. пост сообщал, что неприятельские суда приближаются, что Вердеру, как видно, не удержаться, что более храбрые люди остаются, а остальные бегут. На этом связь с постом прервалась.

Когда батарея № 33 (6″) на Вердере была сбита, ангары и все помещения авиостанции были зажжены; горели также пристань и имение Вердер.

Уничтожение нами батарей на Мооне.

Состояние батарей на Мооне к 17 Октября представлялось в следующем виде: на батарее № 36 (10″) три орудия из пяти, бывшие на деревянных основаниях, не могли стрелять в море, так как еще

раньше, как уже упоминалось, основания у них подались назад, болты погнулись, и их удалось повернуть на постоянную в сторону дамбы, лишь подложив под поворотные рамы деревянные брусья; два орудия, стоявшие на бетонных основаниях, могли давать залпы лишь через $1^1/_2$ — 2 минуты. На батарее № 32 (6″) от стрельбы на большие углы возвышения разогнулись под'емные дуги и одно орудие вышло из строя, остальные же три не могли давать больших углов возвышения.

Когда на батарее № 36 увидели приближение германской эскадры, многие совершенно упали духом. Когда же вслед за тем налетели неприятельские аэропланы, почти вся команда, за исключением офицеров и 2-х матросов, разбежалась от орудий. После отхода наших судов за Шильдау, командиру батареи с трудом удалось вернуть команду, чтобы взорвать орудия и станки и выбросить существенные части затворов. Произведенными взрывами три орудия были совершенно свалены на землю, четвертое орудие свалилось назад и пятое — на бок. После взрыва всех орудий, команда с ружьями и двумя пулеметами пошла на пристань Куйваста, но, так как там не оказалось перевозочных средств, то пулеметные и патронные ящики были брошены в пролив. На пристани нашелся лишь старый полузатонувший паром. Вычерпав из него воду и кое-как приведя его в порядок, команда, в числе около 60 человек, переправилась на нем на материк.

Батарея № 32, несмотря на то, что на ней осталась далеко не вся команда, обстреливала шедших на нее тральщиков и была взорвана после ухода нашего флота.

Заграждение Моонского и Шильдаусского створа.

Неприятельские суда на Кассарском плесе не проявили в этот день активной деятельности, ограничившись дозором на меридиане о-ва Кейнаст. По приближавшимся изредка к нам отдельным миноноспам канонерские лодки и „Адмирал Макаров“ открывали огонь. При появлении неприятеля у южного входа в Моонзунд, адмирал Старк приказал начальнику XIII дивизиона на „Автроиле“ идти на Кассарский плес, поручив ему охрану Моонзунда от прорыва неприятельских миноносцев с этой стороны, для чего ему были даны все „Новики“ и канонерские лодки.

Адмирал Старк, после сигнала командующего Морскими силами „отойти“, назначив сигналом миноносцам „рандеву о. Вормс“, сам на „Новике“ отошел к Моонскому створу, откуда отправил канонерки к Куморскому бую и вызвал к себе по радиотелеграфу заградители „Бурею“ и „Припять“, которым приказал изготовить мины к постановке на глубину 8-ми фут. Одновременно он отправил радиотелеграмму командующему, испрашивая разрешение заградить Моонский створ.

Не получая ответа, он приказал командиру „Буреи“ поставить мины к югу от Сеанинского буя, между ним и берегом, заградив таким образом 16-тифутовый фарватер с Кассарского плеса в Моонзунд. „Припяти“ велено было произвести постановку на пересечении створов Шильдаусского с Моонским. Постановку же заграждения на Куйвастском рейде с теплоходов, за неимением мин на миноносцах, адм. Старк считал рискованной, ввиду возможности появления на рейде неприятеля. XIII дивизиону было приказано прикрывать операцию.

В 14 ч. 30 м. заградители вышли на постановку и к 15 ч. 20 м. закончили ее. „Бурея“ (командир лейт. Семенов) поставила 84 мины в четыре линии; постановка производилась кабельтовых в 50 от неприятельских миноносцев, причем всплывшие при постановке мины были расстреляны ею.

XIII дивизион, во время постановки заграждения, отошел к Моонскому бую, где стал на якорь. Здесь к миноносцам подходили шлюпки с бежавшими с Моона солдатами, просившими взять их на миноносцы. Было взято около 60 человек. По окончании постановки, дивизион перешел к якорному месту у Куморских банок. При подходе к стоявшим там канонерским лодкам было замечено, что один из неприятельских миноносцев слишком приблизился к нашим. По нему был открыт огонь с „Хивинца„ и „Константина“, и после первых же близко легших залпов он быстро удалился.

Адм. Старк приказал дать радио: „Моонский створ закрыт для плавания“.

Только в 15 ч. 32 м. он получил радиотелеграмму: „Действовать, применяясь к обстоятельствам. Если возможно, поставьте минное заграждение на рейде Куйваст“, посланную адм. Бахиревым в 14 ч., когда он убедился в отходе неприятеля. На просьбу о разрешении заградить Моонский створ ответ пришел еще позже, только в 16 ч. 43 м.: „Моонский створ заградить в последний момент. Имейте наблюдение за неприятелем к югу от Моонзунда“.

Подтвердив начальнику XIII дивизиона приказание наблюдать за неприятелем на Кассарском плесе и у острова Шильдау, если бы он там появился, адм. Старк на „Новике“ пошел к о. Харилайд, куда его вызвал адмирал Бахирев.

Отступление на Мооне. Моонская дамба и наши окопы возле нее с утра обстреливались неприятельскими миноносцами, стрельба которых корректировалась двумя гидропланами, спустившимися довольно низко над нашим расположением и подававшими сигналы. Огонь с миноносцев был очень меткий, и в окопах было много убитых и раненых. Связь со штабом Батальона Смерти (кап. 2 р. Шишко) и другими частями гарнизона Моона была прервана.

В двенадцатом часу на пост Службы Связи в Куйвасте прибыл начальник Моонского отряда ген.-маиор Мартынов и оттуда донес, что по дамбе стреляют 4 миноносца и 2 канонерки, что если наши суда отступят, то дамба будет в большой опасности, так как держалась только артиллерией судов. Кроме того, генерал сообщал, что на Мооне части высадились не все и без командиров полков и что артиллерию на Мооне формировать нельзя, так как личный состав самовольно уехал.

Около 10 час. утра, ввиду вероятного обстрела Куйваста, ст. лейт. Престин решил, со свободной от вахты командой поста, отойти к Моонским знакам, к деревне Рауга, где открыть пост, и установить оттуда связь. На посту Куйваст оставался старшина, сигнальный боцманмант Дергунов и несколько вахтенных.

После отхода наших судов за остров Шильдау, они просили разрешения начальника Службы Связи отступить, но в ответ получили предложение по возможности держаться и показывать пример другим. Неприятельской стрельбой провода, телефонные и Юза, были перебиты. Около 14 час. Дергунов, хотел передать, что отсту-

пает, но посреди разговора связь прервалась. Войска наши отходили к Моонским знакам. Генерал Мартынов находился на кордоне в $^1/_4$ версты от станции; Дергунов позвонил к нему и, доложив, что связь прервана, спрашивал распоряжений. Генерал просил обождать отступать.

До 16 ч. пост еще держался, затем позвонил опять. Неприятельские суда находились в 4—5 милях. Генерал согласился на отступление поста, приказав помещение его облить керосином и сказав, что пришлет верхового зажечь его. На двух повозках, забрав все имущество поста, остававшаяся там команда проехала к Моонским знакам и около 20 ч. прибыла на пристань Рауга. Вместе с ними прибыл в Рауга и генерал Мартынов. Плавучих средств там не было никаких. Батальон Смерти в 18 ч. отступил от дамбы также к Рауга. Войск там скопилось масса, царила полная паника, матросов было очень мало.

Около 21 ч. к берегу подходил миноносец IX дивизиона. По приказанию ген. Мартынова, Дергунов семафорил ему, что генерал просит его подойти к пристани, но дозваться не мог, и миноносец ушел. Генерал просил передать флоту—неужели миноносцы не могли подойти снять войска, что по его мнению было вполне возможно. Найдя какую-то шлюпку, команда поста отправилась на остров Папилайд, где переночевали. На другой день очень засвежело; подходили наши миноносцы, которым они пытались семафорить, но в это время неприятельские миноносцы открыли по нашим огонь, стреляя через Папилайд. Переночевав и вторую ночь на острове, так как бывшие с ними солдаты отказывались пуститься в путь в такую погоду, команда на своей шлюпке на следующий день пошла на материк; по пути они еще были обстреляны нашими дозорными судами.

Высадка немцев на о. Даго.

Между Даго и Эзелем попрежнему весь день 17 октября держалось большое количество неприятельских судов, в числе которых наблюдался один дредноут, один легкий крейсер, миноносцы, транспорты и многочисленные тральщики.

В 11 ч. 40 м. утра стоявшие перед Серро суда открыли огонь крупной артиллерии по южному берегу о. Даго в районе Серро. Вслед за тем началась высадка немцев на Даго. Противодействия им и здесь почти не оказывалось. Так, солдат 2-й роты Ревельской Инженерной рабочей дружины Кубатько докладывал по телефону, что, несмотря ни на угрозы, ни на просьбы полковника Пантелеева, две роты 427-го Пудожского полка отказались идти в наступление против неприятельского десанта, высадившегося против мыса Эммаст в числе не более ста человек.

Из двух рот нашлось всего 35 охотников, которые пошли в атаку на неприятеля и вскоре были уничтожены. Кубатьке удалось убежать. Он же доложил, что 427 полк отступает к Кертелю, и дальше на Гельтерму.

Паника на Даго.

На юге Даго среди войск наблюдалась значительная паника. Отмечен случай, когда перед двумя десятками немцев, засевших по обе стороны дороги и обстрелявших автомобиль, бежало около роты солдат. Войска отступали в беспорядке, кучками по 5—10 человек; связи между частями никакой не наблюдалось. Кавалерия, подходя к пристани, спасалась на транспорты, бросая оседланных лошадей на произвол судьбы. Два наших матроса привели 5 таких лошадей на транспорт, где

передали их пограничникам. Серьезного сопротивления войска нигде не оказывали.

Команда батареи № 38 (6″—Симпернесс), узнав, что наши дредноуты не вышли против неприятеля, решила на общем собрании просить поддержки флота; в противном же случае — бросить батарею и уйти в тыл. К этому решению она просила присоединиться и батареи №№ 39 и 47. Команда батареи № 39 (12″—Тахкона) отвергла такое предложение; к ней присоединилась и батарея № 47, после чего и батарея № 38 отказалась от своего решения.

В 13 час. командиру батареи № 47 (6″—у дер. Гермуст) было приказано, немедленно приведя батарею в негодность по возможности без взрывов, пожара и шума, отступить с командой в Гогенхольм для соединения с сухопутными войсками.

Отход постов Службы Связи.

В 15 час. телефонограммой начальника Службы Связи было приказано постам на Даго: Верхнему Дагерорту, Серро, перебравшемуся из за обстрела на мызу Эммаст, находящуюся в лесу на южном побережьи острова, и Кассару—отступать с сухопутными войсками, стараясь, насколько возможно, по пути создавать связь. Сухопутные части, однако, отошли еще около полудня по приказанию начальника обороны острова.

Пост Нижний Дагерорт получил приказание отступить, уничтожив радиостанцию, двумя часами позже. Все, что возможно, вывезли оттуда на подводах, но поста не сожгли, что-бы пожаром не обратить внимание неприятеля на то, что пост оставляется; радиостанция же, находящаяся в лесу не в видимости неприятеля, была зажжена. Команда отступила по линии к Верхн. Дагерорту, где ими был занят оставленный пост, открыто наблюдение и восстановлена связь. Здесь они оставались до следующего утра, намереваясь и дальше продолжать службу на посту, но им велено было отступить и даже на просьбу старшины Брянцева остаться на посту охотником—согласия не было дано.

Полеты наших аппаратов.

Во время боя наших судов с неприятельской эскадрой, летчик Сафонов производил разведку неприятельских сил, вылетев из Гапсаля. Тот же летчик атаковал затем немецкие аппараты, сбрасывавшие бомбы на наши суда, причем в упор стрелял по неприятельскому двухмоторному бомбовозу, который круто пошел к воде.

В 16-м часу четверо летчиков перелетели с Моона в Гапсаль. Один наш аппарат, по пути из Гапсаля на Вердер, упал в море; аппарат разбился, летчик остался невредим.

Авиостанция в Гогенхольме на Даго была сожжена, и команда ее оставила.

Вылетевшие с Даго в Гапсаль 2 аппарата были сбиты нашими же судами. С одного из них летчик был подобран на „Гражданин“; другой спустился на Вердер, где аппарат был сожжен.

Распоряжения по Морским силам залива.

„Баян“ и следовавший за ним „Гражданин„ в 16 часов стали на якорь у о. Харилайд, куда адмирал Бахирев вызвал начальника Минной дивизии для согласования их действий, так как его предположения несколько расходились с распоряжениями последнего. Сторожевым судам „Барсуку“, „Выдре“, „Горностаю“ и „Ласке“ и заградителям „Припяти“ и „Бурее“ по радиотелеграфу приказано было идти в Моонзунд в распоряжение начальника XIII дивизиона

эск. миноносцев. „Припять“ и „Бурея“ еще раньше были отосланы туда адм. Старком, а начальник II-го дивизиона сторожевых судов только в $20^1/_2$ часов донес, что вышел из гавани, вследствие плохой видимости идет малым ходом, и спрашивал указаний, куда идти.

Начальнику XIII-го дивизиона адмирал послал с одним из проходивших миноносцев, записку с приказанием ночью войти в связь с начальником гарнизона Моона и, если он найдет нужным эвакуировать остров, оказать ему помощь. Так как до наступления темноты мелкосидящие суда не подошли, то начальник XIII дивизиона донес, что в его распоряжении остаются лишь „Новики“ и два миноносца IX дивизиона, с которыми идти ночью по Моонскому створу к острову он не считал возможным, ввиду того, что еще днем, из за малых глубин и поставленного „Припятью“ и „Буреей“ заграждения, а также крепчавшего ветра, насилу развернулся „Автроил“.

Начальник VI дивизиона на эск. мин. „Туркменец-Ставропольский“ был послан в Рогекюль с распоряжением начальнику базы—приготовить все к эвакуации, а чего нельзя вывезти—к уничтожению, а также переговорить с ген.-м. Генрихсоном, нужны ли транспорты для Даго, и поступить сообразно требованиям генерала. При этом адмирал сообщил, что флот будет держаться в Моонзунде, сколько возможно. Копии распоряжений были переданы также старшему морскому начальнику в гавани Рогекюль, капитану 2 р. Рогге. Начальнику VI дивизиона было приказано также передать по юзу донесение Командующему Флотом и с рассветом выслать из гавани все мелкосидящие транспорты и сторожевые суда к Моону, на случай снятия людей с острова. „Туркменец“, из за темноты, и так как Рогекюльские створные огни не были зажжены, стал на якорь у знака Руке-Рага.

Ввиду нервности, выразившейся в нескольких выстрелах с судов, и возможности потопить свои же миноносцы, адмирал Бахирев в 20 ч., с наступлением темноты, приказал всем судам в Моонзунде стать на якорь, после чего все огни в Моонзунде были потушены.

Стоявшие у Куморского буя суда в 20 ч. 45 м. вечера слышали к югу от себя взрыв, после чего наблюдалась во мгле затемненная сигнализация. С рассветом выяснилось, что на заграждении, поставленном „Буреей“, взорвался и затонул германский миноносец, повидимому „S 64“, мачты и большая часть корпуса которого видны были над водой. Командир „Разящего“ утверждал, что подорвался еще один корабль, так как он наблюдал два взрыва, с большим промежутком времени между ними.

Меры к эвакуации войск с о. Моона.

К эвакуации воинских частей с островов сам адмирал Бахирев относился скорее отрицательно, так как, при полном падении дисциплины, на пароходы приходили бы не целые части, а худшие люди—из страха перед неприятелем, и эти люди не способствовали бы порядку и в тех частях, куда они затем вошли бы; тем не менее, он считал себя обязанным всеми мерами содействовать сухопутным начальникам в этом направлении и все приготовить для этой цели. Фактически же эвакуация Моона началась уже и без вмешательства начальства: солдатами захвачены были все найденные ими на Мооне шлюпки (больше сотни) и на них они бежали на материк.

Главнокомандующий Северным фронтом, в разговоре по юзу с Командующим Флотом, указывая на то, что сложившаяся обстановка на море и невозможность обратного овладения Эзелем делает

сосредоточение войск на Мооне бесцельным, так как и оборона Моона не обещает успеха,— во избежание взятия в плен собранных на Мооне войск, — настаивал на немедленной эвакуации их, оставив для противодействия мелкому десанту противника один-два батальона; если не удастся вывезти войска днем, то просил сделать это ночью.

Следствием этого разговора была радиограмма Командующего флотом адмиралу Бахиреву: „Принимаются ли все меры к снятию войск с Моона?“. Адмирал понял эту телеграмму, как приказание эвакуировать Моон и отвечал: „Обстановка позволяет это делать с рассветом“.

Седьмой день операции (18 октября).

Расположение наших судов в ночь на 18-е октября.

Расположение наших судов в Моонзунде в ночь на 18 октября было следующее: у Куморского буя в дозоре стоял миноносец „Разящий“; к северу от буя, на якоре, в одной линии приблизительно по меридиану—канонерские лодки „Хивинец“, „Храбрый“ и „Грозящий“; дальше к северу, также приблизительно по меридиану, на якоре в две линии—IV, XI, XII и XIII дивизионы эскадренных миноносцев. 4 миноносца VI дивизиона были оставлены на ночь в дозоре у колена глубоководного канала, севернее затопленных в нем транспортов. Эск. миноносцы V дивизиона ночевали у Руке-Рага и на плесе к югу от острова Вормс, где перед тем они приняли мины с заградителя „Волга“.

Крейсер „Адмирал Макаров“ и эск. мин. „Лихой“ оставались на якорном месте к северу от Кассарского плеса. „Баян“, „Гражданин“, заградители „Амур“ и „Волга“, нефтеналивные и угольные транспорты—на якоре между о-вом Харилайд и Руке-Рага; у Харилайда—госпитальное судно „Товарищ“, II дивизион тральщиков (мин-цы типа „Сокол“), тральщики III, IV и V дивизионов и миноносцы IX дивизиона (дивизии сторожевых судов), постоянно посылавшиеся с поручениями. Остальные суда и плавучие средства—в Рогекюле.

Приказание Ком. Флотом об эвакуации Моонзунда.

Рано утром адмиралом Бахиревым была получена переданная в 21 ч. 45 м. 17 октября в Рогекюль телефонограмма на его имя.

„Приказываю начать эвакуацию Моонзунда, имея в виду:

1) Боевые суда сообразно с обстановкой направлять на северный берег.

2) Плавучие средства, ненужные для эвакуации, теперь же вывести.

3) Уничтожить все ограждения канала и Моонзунда и приготовить к затоплению в нем в нескольких местах плавучие средства, которые невозможно увести.

4) Приступить к вывозу из Рогекюля всего более ценного,

5) Приготовить в Рогекюле все к уничтожению, особенно мол № 1687 оп. Развозов“.

Начальник Службы Связи сообщил адм. Бахиреву по радио в 5 ч. утра: „намерения противника препятствовать вам выйти на север“. Эта телеграмма, переданная обычным шифром, скоро стала известна личному составу, „что, конечно, не внесло успокоения в умы нервно настроенной команды“,—говорит адмирал.

В 6 ч. им была получена радиотелеграмма Командующего флотом: „вывод больших кораблей из Моонзунда предоставляю вашему усмотрению“.

Снятие с Моона батальона Смерти.

С'емку людей с Моона адм. Бахирев поручил начальнику I-го отряда дивизии траления, кап. 2 р. Четверухину, мелкосидящие тральщики которого могли принять большое число людей. Тральщики должны были к 16 часам вернуться, ввиду предполагавшегося выхода больших судов из Монзунда. Кроме того, в распоряжение кап. 2 р. Четверухина должны были поступить II дивизион сторожевых судов и заградители „Припять“ и „Бурея“. Однако, сторожевые суда, вопреки приказания адмирала, к Моону не пришли. Начальник этого дивизиона, ст. лейт. Беклемишев, без его разрешения ушел в этот день из Моонзунда; сделал ли он это по распоряжению штаба Командующего Флотом или самовольно—осталось невыясненным. На переходе в Лапвик сторожевое судно „Барсук“, принявшее волну, было оставлено людьми, но продолжало носиться по Финскому заливу; посланные на розыски сторожевые суда не нашли его.

По приходе к Моону, кап. 2 р. Четверухин передал о полученном им приказании адмирала начальнику XIII дивизиона эск. миноносцев кап. 1 р. Шевелеву, которому поручено было общее руководство эвакуацией острова, и условился с ним, что тральщики первыми подойдут к берегу под прикрытием мелкосидящей „Припяти“ (два 4″ орудия) и миноносцев IX дивизиона. Вслед за ними должны были идти миноносцы „Генерал Кондратенко“ и „Пограничник“ для защиты их от неприятельских миноносцев. Для связи были установлены условные радио.

Миноносцы „Изяслав“ и „Автроил“, вследствие повреждений, еще утром были отправлены в Гельсингфорс и, так как в XIII дивизионе остался один „Гавриил“, между тем канонерские лодки играли в Моонзунде весьма важную роль и действия их требовали об'единения, то адм. Бахирев предложил начальнику XIII дивизиона вступить во временное командование отрядом лодок. В 14 ч. 35 м. кап. 1 р. Шевелев, подняв брейд-вымпел на „Хивинце“, для поддержки операции перешел с канонерскими лодками на Моонский створ, поставив у Куморского буя транспорты, на случай передачи на них снятых с острова людей.

Подойдя к северному берегу Моона, кап. 2 р. Четверухин энергично наладил доставку войск с пристани на шлюпках на тральщики „Груз“, „Минреп“, „Ударник“ и „Капсюль“. У пристани держался Батальон Смерти капитана 2 ранга Шишко, окруженный цепями неприятеля. Удалось принять из его состава 20 офицеров и около 400 воинских чинов; сам кап. 2 р. Шишко отказался сесть на шлюпку, заявив, что он оставит остров последним из батальона. В продолжавшемся бою он был ранен и взят в плен. Из опроса снятых с острова людей выяснилось, что в этот день, 18-го октября, генерал Мартынов с большей частью войск сдался в плен и против немцев держались только роты Батальона Смерти.

Перестрелка канон. лодок с неприятельскими миноносцами у Моона.

Около $16^3/_4$ час. на Шильдаусском створе появились 2 неприятельских миноносца, открывшие сильный огонь с расстояния 40—50 кабельтовых по нашим миноносцам и тральщикам, вынужденным, вследствие этого отойти от острова Моона. У Патерностера в то же время виднелся рангоут трех больших кораблей и на Кассарском плесе — два неприятельских „Новика".

Все три канонерские лодки тотчас снялись с якоря, и „Хивинец", подойдя на дистанцию около 75 кабельтовых, открыл огонь по миноносцам у Шильдау. После первых же накрытий неприятельские миноносцы отошли, закрывшись дымовой завесой; с бывших в стороне миноносцев „Генерал Кондратенко" и „Пограничник" был виден пожар на головном неприятельском миноносце. „Хивинцем" было сделано всего около 25 выстрелов, после чего канонерские лодки отошли к Куморским банкам, а мелкие суда были отправлены в Рогекюль.

Решение Ком. флотом вывести суда из Моозунда.

В разговоре по юзу с начальником морского управления штаба главнокомандующего Северным фронтом кап. 1 р. Альтфатером,—Командующий Флотом сообщил о своем решении, ввиду возможного намерения противника отрезать Моонзунд с севера, немедленно же вывести все находящиеся там суда. Предполагая, что с Моона удастся снять лишь небольшую часть гарнизона, он просил разрешения Главнокомандующего, при уходе судов, сбросить с аэроплана приказание войскам на Мооне, разрешающее им сдачу в плен. Последнее Главнокомандующий считал совершенно невозможным; решение же оставить Моонзуд, „уведя своевременно корабли, в случае обнаружения намерения противника отрезать Моонзунд с севера", одобрил [1]).

Участь находившихся в Моонзунде судов сильно озабочивала Командующего Флотом, и он телеграфировал адм. Бахиреву: „В случае нужды поддержу всеми силами, до первой бригады линейных кораблей включительно".

Предположения адм. Бахирева и командиров об оставлении Моозунда.

Вывод больших кораблей из Моонзунда, во исполнение приказания Командующего Флотом, адм. Бахирев предполагал произвести в этот же день в 16 час., чтобы они могли засветло пройти за тральщиками до Штапельботтенского буя. Конвоировать корабли должны были миноносцы типа „Новик", которых он вызвал к 15 час. к Харилайду, — также, как и крейсеры „Адмирал Макаров" и „Диана". Общее начальство на походе адмирал предполагал поручить начальнику Минной дивизии к.-адм. Старку, а отряд больших судов— старшему из командиров, командиру „Баяна" кап. 1 р. Тимиреву. Для встречи кораблей ночью у банки Аякс, при входе в шхеры у Лапвика, в $15^1/_2$ час. туда были отправлены эск. миноносцы „Новик" и „Капитан Изылметев".

По приходе к Харилайду крейсеров, адмирал пригласил к себе начальника Минной дивизии и командиров судов І-го ранга для отдачи распоряжений по походу и для обмена мнений о происходившем. Все командиры стояли за немедленный вывод больших судов из Моонзунда, мотивируя свое мнение возможностью использования их на Центральной позиции и вероятностью их гибели при появле-

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7396, телегр. № 3242 и 3212/мор.

нии немцев в Финском заливе. К.-адм. Старк, опираясь также на мнение начальника XIII дивизиона и командиров некоторых „Новиков“, с которыми он уже обсуждал перед тем этот вопрос, заявил, что, хотя эвакуация является желательной, но нельзя из за нее связывать действия флота, задача которого в Моонзунде была кончена. Необходимо было вывести все поврежденные корабли и большое количество транспортов. Кроме того, нужно было считаться с тем обстоятельством, что в Моонзунде были все наши большие миноносцы и во всяком случае требовалось сохранение наибольшего числа „Новиков“ для возможного боя наших главных сил на Центральной позиции.

С тем, что флот уже не может играть никакой роли в Моонзунде, равно как и с необходимостью особенно спешного вывода судов, в ущерб порядку на походе и при эвакуации Моонзунда, адм. Бахирев был несогласен. Оставление в Моонзунде хотя бы части сил Рижского залива, именно: канонерских лодок, угольных миноносцев и мелкосидящих сторожевых судов, при некотором количестве транспортов для обслуживания их (из за отсутствия Рогекюльской базы), — он считал представляющим мало риска. С юга они были достаточно обеспечены минными заграждениями, которые он предполагал усилить; самые необходимые лоцмейстерские ограждения могли быть уничтожены; с севера — мы имели два выхода, а для затруднения маневрирования у них неприятельских судов — легко было поставить минные банки. Если же некоторым из оставленных судов и не суждено было бы вернуться из Моонзунда, это не представило бы большой потери для флота. К тому же адмирал считал трудно допустимым, чтобы германцы, для отрезания нескольких канонерок и старых миноносцев, стали рисковать большими силами, а появление в Финском заливе слабого противника, по его мнению, было бы для нас только желательно. В то же время мы имели бы наблюдение за противником; сколько возможно, задерживали бы его продвижение к северу, от Куйваста и с Кассарского плеса, так как из за глубины ему пришлось бы действовать также только малыми судами; в некоторых случаях мы могли бы даже оказать поддержку нашим войскам. При этом исподволь, не торопясь, мы могли бы, при отступлении, на долгое время закупорить Моонзунд.

Вообще адм. Бахирев считал, что потеря нами северной части Моонзунда должна была сильно повлиять на оборону Финского залива, и наша Передовая позиция теряла с ней всякое значение. Уход всего флота из Моонзунда, конечно, должен был повлиять и на моральное состояние находившихся там войск. При условии же активной поддержки линейным флотом, даже большие суда, по его мнению, могли бы еще оставаться в Моонзунде.

При отправлении к Моону кап. 2 р. Четверухина, адмирал Бахирев приказал ему оставить у Харилайда три пары тральщиков, могущих тралить тралом Шульца. Повидимому, однако, по недоразумению и в общей сумятице, тральщики, которые должны были остаться, последовали за кап. 2 р. Четверухиным и стали на якорь у Куморского буя. Попытка вызвать их по радио к Харилайду осталась безуспешной, между тем кап. 2 р. Четверухин задержался у Моона до темноты, у Харилайда же оставалось всего два тральщика, з них один не вполне исправный.

Считая ночной выход за тралами несплававшихся между собою кораблей невозможным, адм. Бахирев отложил вывод судов из Моонзунда до следующего дня.

Чтобы условиться о времени и порядке уничтожения порта Рогекюль, начальником Минной дивизии были посланы туда на эск. мин. „Украйна" старший флаг-офицер и флагманский штурман его штаба. С ними адм. Бахирев отправил донесение о бое и приказал по телефону или по юзу передать Командующему Флотом: „Сегодня решил вечером „Гражданина", крейсеры и Новики отправить в Лапвик; самому же остаться с канонерками и угольными миноносцами продолжать эвакуацию Моонзунда. Но запоздавшие из за эвакуации Моона тральщики пришли в темноте, и все пришлось отложить до завтра. С юга более или менее обезопасил себя. Завтра начну уничтожать Рогекюль".

Поздно ночью он получил от Командующего Флотом известие о том, что на следующий день нужно ожидать появления неприятеля в северной части Моонзунда для отрезания сил Рижского залива, а в $22^1/_2$ часа — радио: „Морские силы Рижского залива получают новые задачи — охранять вход в Финский залив, базируясь на шхеры. Распорядившись переправою судов по усмотрению, направить ныне же начальника Минной дивизии, штаб дивизии, исправные миноносцы в Лапвик. № 1700. Комфлот".

Это распоряжение касалось уже всех находящихся в Моонзунде судов, порядок выхода которых на следующий день был тут же разработан.

Заграждение глубоководного канала. Еще днем „Войсковому", ходившему перед тем в разведку по каналу к югу до обнаружения неприятельских судов на рейде Куйваст, и „Забайкальцу" было приказано, приняв по 20 мин. с заградителя „Волга", поставить их вдоль канала. Во время постановки, по ним открыли огонь перелетами два из вошедших на рейд Куйваста миноносцев, на огонь которых мешали им отвечать находившиеся на палубе мины. В это же время 3 неприятельских миноносца появились в проходе по восточную сторону о. Шильдау. Тем не менее, поручение было нашими миноносцами исполнено, и мины поставлены вдоль канала, к северу от затопленных в нем транспортов. Кроме того, эск. мин-цу „Сильный" было приказано поставить, по окончании эвакуации о-ва Моона, заграждение в районе Моонского створа, а также уничтожить Куморский буй и снять веху у банки Унтер-Неман, что и было им исполнено. В канале же были затоплены у Куморских банок транспорты: „Артельщик", уже достаточно ветхий, и „Генерал Циммерман", поврежденный перед тем неприятельскими снарядами.

Произвести планомерное уничтожение навигационных знаков не представлялось возможным, из за отсутствия малых сторожевых судов и буксиров, которые были заняты частью в Рогекюле, частью у о. Моон.

Ввиду большой надобности в мелких судах, особенно сторожевых, из опасения, что они не имеют радиотелеграфной вахты, адм. Бахиревым, для передачи им распоряжения—быть около флагманского корабля — был послан минон. „Разящий", но в 21 ч. он приткнулся возле Руке-Рага к мели, с которой снялся только на другой день в 13 часов.

Отправление из Рогекюля транспортов.

Начальником Минной дивизии было поручено флагманскому артиллеристу его штаба, кап. 2 р. Бергштрессеру, вывести из Рогекюля на северный берег все транспорты и вспомогательные суда, для конвоирования которых в его распоряжение были даны эск. мин-цы „Громящий“ и „Дельный“. Под его командой после полудня был отправлен из Рогекюля Нукке-Вормским каналом целый ряд судов: транспорты „Ока“, „Печера“, „Сухона“, „Самоед“, „Буки“, „Выборг“, блокшивы „Лава“ и „№ 4“ и другие. Старшим морским начальником в Рогекюле кап. 2 р. Рогге, руководившим сначала эвакуацией, а затем—и уничтожением базы, было поручено „Выборгу“ вести плавучий кран, но затем оказалось, что кран был брошен в Нукке-Вормсе. На следующий день утром все суда прибыли в Лапвик.

Много распоряжений отдавалось капитану 2 р. Рогге непосредственно штабом Командующего Флотом, даже без предупреждения о них адм. Бахирева. Так, вечером, он неожиданно получил телеграмму от заградителя „Зея“: „По приказанию Командующего Флотом вышел в Ревель. Из за темноты стал на якорь в Гапсале. В Нукке-Ворском фарватере левая машина сломалась. Жду распоряжения Зея“. Ей было отвечено: „Завтра с рассветом идти к „Баяну“. Без ведома адмирала из Рогекюля были отосланы также дозорные катера и несколько буксиров.

Попутно с эвакуацией водным путем, происходила эвакуация Рогекюля по железной дороге. Что нельзя было вывезти, было приготовлено к уничтожению. В Рогекюле в это время, кроме нескольких офицеров и десятков двух добровольцев матросов, несших сторожевую службу, никого больше не оставалось, так как почти все рабочие, команды буксиров и даже милиция—разбежались после появления в порту команды лин. корабля „Слава“, внесшей панику, а затем туда же начали прибывать солдаты, бежавшие с о. Даго.

Распространение немцев на Даго. Паника в гарнизоне его.

На Даго начиналась тоже агония. Еще накануне противник, подойдя к Серро с большим числом судов, до 43-х, начал высадку десанта. 18 Октября высадка продолжалась в более крупном масштабе, поддерживаемая огнем судов, обстреливавших южное побережье острова, постепенно увеличивая дальность и отгоняя наших солдат.

Овладение островом Даго, по утверждению адм. Шеера, первоначально не имелось немцами в виду; оно было решено ввиду чрезвычайной удачи, достигнутой ими на о-вах Эзеле и Мооне. Для этого флотилия Розенберга высадила сначала на Даго десант в 300 человек, чтобы обеспечить место высадки для одного пехотного полка. Для завладения островом, было назначено 3700 человек с 500 лошадей, 140 повозок и одна полевая батарея с соответствующим снаряжением. После высадки этих сил, судовой десант вернулся на суда [1]).

Штаб обороны острова об этой высадке не был осведомлен.

Вечером 18 октября, начальник обороны острова полковник Веселаго сообщал по телефону: “Воинские части. под влиянием паники отступили к пристани Гельтерма и Кертелю; противника, повидимому, нет, а если есть, то очень мало. Судов на море в районе Тахкона, Дагерорт и Серро нет. Идет бой за обладание восточным выходом с Кассарского плеса, слышны дальние выстрелы тяжелых

[1]) «Морской Сборник» № 10—11 за 1920 стр. 36.

орудий по направлению на норд-вест. Войска, за исключением батарей № 38 и 39, небоеспособны. Орудия полевой артиллерии установлены в Гельтерме с прислугой, часть солдат уехала в Гапсаль, часть разбежалась“.

Через четверть часа после этой была получена другая его телефонограмма: „Флот противника исчез с горизонта, противника на острове нет, а если есть, то отдельные партии разведчиков с судов. К Кассарскому плесу и на Серро послан на рекогносцировку автомобиль с пулеметами. Солдаты успокаиваются, но гарнизон небоеспособен. Держу тесную связь с Дагерортом и Тахконой, всюду посланы дозоры“.

Между тем, еще в 7 часов утра, полковн. Веселаго весьма срочно просил спешно выслать в Гельтерму и к Лехтме баржи для эвакуации войск. Командированный на Даго для установления связи стар. лейтенант Елачич сообщал, что необходимо восстановить расположение сухопутных частей для охраны побережья и наблюдения за неприятелем и остановить панику, распространившуюся на острове из за распоряжения начальника обороны об отходе к Кертелю. Прибывшие днем на парусной шлюпке с о. Даго на Вормс солдаты рассказывали даже, будто полковник Веселаго приказал войскам спасаться с острова, кто как может, чтобы не попасть в плен к неприятелю.

Старшина поста Нижний Дагерорт Брянцев, в своем показании, следующим образом характеризовал состояние гарнизона на о. Даго:

„Гарнизон находился в самом плачевном положении: он метался из Кертеля в Гельтерму, из Гельтермы—в Кертель, и искал средств, как бы только заблаговременно спастись“. Находясь в эту ночь в штабе Пограничной Стражи, Брянцев видел, как начальник пограничной сотни прапорщик Циммерман сорганизовался со своими пограничниками для побега с острова; для этой цели он при всех заявил, что ему приказано начальником обороны сделать разведку, на которую он отправился около 12 ч. ночи с 15 конными пограничниками. Уезжая, Циммерман заявил, что у него в денежном сундуке остаются деньги, но во вскрытом после его от‘езда сундуке денег не оказалось; он был полон секретными сухопутными картами, которые были сожжены. В действительности пограничники бежали в Гельтерму. „Состояние гарнизона было хаотическое, люди одурели, никто, никого не хотел слушать; двигались взводы, роты, куда и зачем, сами не знали; о защите не было и речи. Офицеры и начальник обороны сами боялись показаться к солдатам, да и правда, эти люди были на все способны; разбили ночью склады и продавали за гроши местным жителям муку, масло, сахар целыми возами, вообще все, что находилось в складе; распоряжений со стороны начальников относительно уничтожения складов и в помине не было; трудно описать, кто что делал, никто не знал, что творится; повсюду полнейший хаос“ [1]).

Ст. лейт. Елачич пишет о поразившей его в штабе Обороны общей растерянности и неосведомленности о неприятеле и его действиях. В войсках—дезорганизация, части с юга бегут в Гельтерму. В Кертеле команда 7-го батальона, раззорив помещение, убежала

[1]) Архив. М. И. К. Дело № 10738, стр. 80.

на пристань и села в катер; однако, без офицера тронуться не решились и стали возвращаться обратно.

Чтобы восстановить наблюдение за западной частью острова, ст. лейт. Елачич отправился на автомобиле на Верхний Дагерорт. По всей дороге встречались войска, шедшие к Кертелю; оставили свои посты и пограничники. Движение носило характер бегства, не было ни порядка, ни спокойствия. По прибытии на Дагерорт ст. лейт. Елачич установил связь с постами и донес телефонограммой об общем положении войск на острове и деятельности штаба Обороны.

Погода пасмурная. Судов на горизонте не видно.

Вечером была получена телефонограмма Командующего Флотом на имя полковника Веселаго с распоряжением взорвать 12″ батарею (№ 39 — Тахкона). Уловив по индукции распоряжение на 39 батарею — „приготовить все к взрыву“, учитывая, какое моральное действие производит на команду всякая подготовка к уничтожению и разрушению; зная паническое настроение штаба Обороны, а также предвидя, с какой легкостью поверят любому ложному слуху, который вызовет желание команды немедленно ликвидировать батарею, — ст. лейт. Елачич дал телефонограмму Командующему Флотом с описанием создавшегося положения и просил разрешения восстановить батарею № 47, как меру для успокоения войск. Переговорив с командирами батарей № 38 и 39, он просил их ничего не предпринимать без распоряжений Командующего Флотом; наконец, с просьбой сделать соответствующие распоряжения, он обратился к полк. Веселаго, который сразу согласился, и его распоряжения получили уже огласку. Командующий Флотом вечером приказал передать начальнику обороны свое распоряжение о восстановлении батарей, имея их лишь подготовленными к взрыву на случай необходимости.

Последний день (19 октября) и конец операции. Уход наших Морских сил из Моонзунда.

На о. Даго. В ночь на 19 октября начальнику обороны о. Даго было передано следующее распоряжение Командующего Флотом:

„В Ваше распоряжение приказано выслать пароходы из Гапсаля, на случай отхода. В случае высадки неприятеля на Даго и невозможности ей противустоять, начать эвакуацию и уничтожение. Радиостанции оставаться до самого последнего момента“.

Командирам батарей № 38 (6″—Симпернесс) и № 39 (12″—Тахкона) в то же время была передана телеграмма адмирала Развозова:

„Пока флот стоит в Моонзунде, его безопасность зависит исключительно от стойкости ваших батарей“.

Ст. лейт. Елачич просил выслать в Лехтму транспорт с миноносцем, специально для морских команд и батарей, которые должны были держаться до последней крайности. Миноносец он считал не-

обходимым, опасаясь, что транспорт может по пути сбежать в Ревель, не заходя в Лехтму. Получив уведомление Штаба Флота, что транспорт и миноносец будут высланы, он распорядился эвакуировать с батарей № 38 и № 39 все ценное имущество на пристань в Лехтма. Эвакуация имущества началась, но когда оказалось, что транспорта нет, пришлось остановить ее.

Неприбытие транспортов для эвакуации Даго.

Между тем Командующим Флотом было приказано идти в Лехтму транспорту „Ингерман" и в 10-м часу им была послана радио командующему Морскими силами Рижского залива: „Пошлите миноносец в Лехтма для охраны транспорта „Ингерман", посланного за командою батарей № 38 и 39". Так как все миноносцы были заняты разными поручениями, спешно грузили уголь, мины, машинные материалы и т. под., сторожевые же и другие малые суда уже ушли из Моонзунда, адм. Бахирев отвечал: „Сторожевые суда убраны Вами, конвоировать некем, к „Ингерману" посылаю „Лихого".

В $10^1/_2$ ч. утра им была получена снова радио: „Ингерман" самовольно ушел из Гапсаля. Отправить его под конвоем в Лехтма". Миноносец „Лихой" был послан отыскивать „Ингерман", но вследствие тумана найти его не мог.

После полудня были отправлены, по приказанию Командующего Флотом, на Даго из Рогекюля транспорты: „Он", „Преграда", „Тор", „Толедо" и „Эльба". Первые три парохода стали на якорь вблизи судов Минной дивизии и никому не доложили, что они идут по приказанию Командующего Флотом, а потому, в виду предполагавшегося ухода кораблей и во исполнение имевшихся директив, „Он" и „Преграда" были отправлены в Ревель, причем последний по пути сел на камни у мыса Шпитгамн и, не дождавшись высланных к нему буксиров, был оставлен командой и зажжен; „Тор" был оставлен для затопления у Руке-Рага. Английский пароход „Толедо" сел на мель между Даго и Вормсом и также был брошен командой до прихода бывшего в распоряжении командира „Гражданина" сторожевого судна „Ласка". „Эльба" перевезла эшелон войск с Даго в Рогекюль.

Приморские батареи и сухопутный гарнизон.

В 13-м часу батареям Тахконы было передано приказание Командующего Флотом: „Если в виду батарей появится неприятель, немедленно открыть огонь и сражаться с неприятелем до последнего снаряда".

Ст. лейт. Елачичу и полковнику Веселаго вместе с тем приказывалось:

„Передайте войскам, что они должны задержать движение противника к Тахконским батареям, от участи которых зависит судьба флота в Моонзунде. Поэтому приказываю все транспорты перевести к Лехтма и, в случае безнадежности держаться южнее, полку (427 Пудожскому) отходить к Симпернессу, который и защищать, причем здесь может быть оказана поддержка судовым огнем".

На это приказание ст. лейт. Елачич отвечал следующее:

„Полк больше не существует, остались бунтующие банды, готовые поднять на штыки своих офицеров от нетерпения переправиться на материк. Необходимо возможно скорее очистить от них остров. Они помешают удерживать неприятеля командам, выделенным из состава батарей. Батареи готовы к действию; людей до-

статочно; пришлите хоть роту боеспособную с пулеметами, с ней можно будет сделать много".

В свою очередь полк. Веселаго доносил:

„Полка на острове нет, осталось несколько сотен разных рот и команд; начинается бунт; необходимо немедленно отменить распоряжение и отправить транспорты на Гельтерму и Кертель. Обоз брошен; пулеметы брошены; полевые орудия также. Склады разгромлены. Только новая часть дисциплинированных войск может выручить положение батарей. Судьба офицеров зависит от решения этого вопроса, им всем грозит смерть".

По донесению ст. лейт. Елачича, в пехотных частях не нашлось ни одного охотника для прикрытия батарей. Видя, что всякая надежда сохранить положение рушилась, он признал неизбежным взорвать батарею № 47. Начали взрывать ее в 16 часов и уничтожение заняло около 2-х часов. В то же время он оставил пост Верхний Дагерорт, опасаясь быть отрезанным; к тому же, вследствие тумана, с поста ничего не было видно.

В Кертеле войск уже не было; перед тем там шел погром; солдаты громили продовольственный склад и напали на фабрику, но были разогнаны матросскими отрядами. Штаба обороны уже не существовало; царила всеобщая дезорганизация. Какие-то роты вышли перед вечером в Гельтерму и ночью, в 10 верстах от Кертеля, попали в плен к немцам.

Решение Командующего Флотом принять бой для спасения Морских сил Рижского залива.

Агентские сведения настойчиво указывали на намерение неприятеля преградить отступление нашим судам через северный Моонзунд, для чего были назначены 3 линейных корабля типа „Кайзер", 4 крейсера, миноносцы и тральщики. В Штабе Флота 18 октября имелись сведения, что IV эскадра грузит уголь. Из разобранной немецкой радио не видно было, когда должна состояться эта операция; указывалось лишь, что лин. корабли „Кайзерин" и „Кениг Альберт" в 6 час. утра 19 октября будут в назначенной точке в районе Таггалахты и „Фридрих дер Гроссе" придет туда же. Для конвоирования назначалась XIX полуфлотилия миноносцев. В операции должен был принять участие также II разведочный отряд крейсеров [1]).

Участь Морских сил Рижского залива чрезвычайно беспокоила Командующего Флотом, в связи с этими сообщениями.

Задержка наших судов в Моонзунде представлялась, таким образом весьма опасной для них и побудила адмирала Развозова принять решение придти им на выручку и, в случае появления неприятеля у Передовой позиции Финского залива, вступить с ним в бой. С этой целью I-я бригада линейных кораблей (дредноуты) была спешно передвинута из Гельсингфорса в Поркалаудд, I бригада крейсеров—в Лапвик, II бригада лин. кораблей („Андрей Первозванный" и „Республика") — в Ревель. Тахконским батареям посланы были приведенные выше распоряжения.

Главнокомандующий Северным фронтом немедленно отозвался на доложенное ему намерение Командующего Флотом:

„Ваше смелое решение дать противнику бой вполне одобряю; не сомневаюсь, что доблестный Балтийский Флот блестяще исполнит

---

[1]) Рейгартен. Дневник мировой войны.

свой долг перед родиной и революцией. 6 октября № 3245/мор. Черемисов".

Иначе отнеслась к этому решению Ставка Верховного Главнокомандующего, откуда контр-адм. Бубнов телеграфировал кап. 1 р. Альтфатеру:

„Так как основной задачей Балтийского Флота является бой на Центральной позиции, со своей стороны считаю, что принятое Командующим Флотом благородное решение может отразиться, при неблагоприятном исходе боя, на всем положении нашем на Финском заливе и повлечь за собою захват противником Центральной позиции. Благородная цель спасения малоценных боевых единиц не оправдывается риском катастрофы, могущей повлиять на исход войны. При состоявшемся занятии Даго, Передовой позиции не существует, и фактически Командующий Флотом принужден будет принять бой в открытом море,—как это и случилось в Рижском заливе,—исход которого вряд ли может быть для нас благоприятен. 7 октября 1917 года № 4908. Б. Бубнов".

Приготовления к оставлению Моозунда.

Ночь на 19 октября в Моонзунде наши канонерские лодки с миноносцами и несколькими транспортами провели у Куморских банок, два миноносца — в глубоководном канале. Всю ночь шел дождь, сменившийся к утру туманом.

Ввиду предполагавшегося в этот день ухода наших судов из Моонзунда, эскадренным миноносцам „Стерегущий" и „Донской Казак" утром было приказано принять мины с заградителя „Зея" для постановки их в районе Куморского буя, после отхода оттуда канонерских лодок и прочих судов.

Утром командующим Морскими силами залива была получена телефонограмма Командующего Флотом: „При оставлении Моонзунда, кроме затопления немогущих быть выведенными плавучих средств на фарватерах, необходимо оставшиеся мины разбросать в районе к югу от линии Шпитгамн—банка Аполлон и заградить в 3 линии Зундштейн, от банки Сургрунд—Шпитгамн (проход к югу от острова Оденсхольм). Если окажется возможным, то поставить несколько отдельных мин непосредственно в канале, на створе Паралепском и далее к северу".

Постановка этих заграждений была поручена: на корабельном фарватере—заградителю "Амур", к востоку же—в Нукке-Вормском канале, перед ним и у Оденсхольма—миноносцам V дивизиона, принявшим мины накануне.

Ввиду категорического приказания Командующего Флотом срочно отправить в Лапвик начальника Минной дивизии со всеми исправными миноносцами,—адм. Бахирев решил всю дивизию отправить вместе с большими кораблями, для охраны их от подводных лодок во время следования за тралами; сам же предполагал первоначально для наблюдения за выполнением эвакуации остаться в Моонзунде с эскадрен. миноносцами „Войсковой" и „Украйна" и уже приказал первому из них подойти к борту „Баяна", чтобы перейти в Рогекюль для доклада по телефону своих соображений Командующему Флотом. Но в $12^{3}/_{4}$ час. он получил радио: „Сегодня ожидать прорыва Передовой позиции, чтобы отрезать вас", и вслед затем: „Морским силам быть в полной готовности". Поэтому он не счел себя в праве оставить все силы Рижского залива без своего руководства и решил сам идти на „Баяне".

В $15^1/_4$ час. был послан на миноносце „Разящий“ флагманский штурман Минной дивизии в Рогекюль с инструкцией стоявшему там начальнику V дивизиона эскадренных миноносцев и с поручением, после прохода всех судов через Руке-Рага, затопить в канале пароход и условной радио донести об уходе всех судов и возможности начать уничтожение базы.

Около этого времени пришедшая утром для погрузки угля канонерская лодка „Грозящий“ отходила от транспорта „Иже“. Стоявший на якоре эск. мин. „Константин“, не поднимая якоря, под гюйсом и без шара, неожиданно дал порядочный ход и ударил „Грозящего“ в левый борт, немного впереди винта, сильно повредил себе нос и надолго вышел из строя; лодке же сделал надводную пробоину и сломал две лопасти винта. Оказалось, что на мостике „Константина“, когда там никого из офицеров, а вероятно и сигнальщиков, не было, кто-то перевел ручку машинного телеграфа на передний ход, что в машине и было исполнено.

В $15^1/_2$ час. подошли с юга остальные две канонерских лодки. За их беспрерывную службу, с 12 по 19 октября, все время в виду неприятеля, адмирал счел долгом сигналом из'явить канонерским лодкам свое удовольствие. По их отходе от Куморских банок, „Стерегущий“ и „Донской Казак“ поставили мины в районе Куморского буя и на плесе к северу от него.

Уход Морских сил Рижского залива из Моонзунда.

В 16 час., по общему сигналу с „Баяна“, Морские силы Рижского залива снялись с якоря и, согласно разработанному накануне плану выхода, пошли на север в следующем порядке:

1) Четыре пары тральщиков, под охраной миноносцев II-го дивизиона тральщиков, на одном из которых находился начальник Дивизии Траления.

2) Все остававшиеся в Мооонзунде Новики: „Десна“ под флагом начальника Минной дивизии, „Сампсон“, „Лейтенант Ильин“, „Победитель“, „Забияка“, „Гавриил“ и „Константин“.

3) Крейсер „Баян“ под флагом командующего Морскими силами Рижского залива, при нем миноносцы „Донской Казак“ и „Забайкалец“.

Крейсер „Адмирал Макаров“, — миноносцы „Стерегущий“ и „Войсковой“.

Крейсер „Диана“,—миноносец „Москвитянин“.

Лин. корабль „Гражданин“,—миноносцы „Генерал Кондратенко“ и „Пограничник“.

4) Канонерские лодки: „Хивинец“, „Храбрый“ и „Грозящий“,—миноносцы „Деятельный“ и „Сторожевой“.

5) Заградитель „Волга“ и транспорты „Ольга“ и „Иже“ с миноносцами „Лихой“ и „Сильный“.

6) Заградитель „Амур“ с миноносцами „Туркменец Ставропольский“ и „Украйна“.

После окончания тральщиками заданной им работы, что могло случиться в темноте, все шесть отрядов должны были самостоятельно, под начальством, где не было флагманов, старшего из командиров, идти удобным для них ходом в Лапвик, причем большим кораблям, с охранявшими их миноносцами, надлежало, до рассвета, оставаться на широком протраленном пространстве к югу от входа в него. К банке Аякс был вызван „Новик“, для указания места ее прожектором.

Погода была тихая и мглистая, горизонт—3—4 мили. Несмотря на то, что предварительно днем, двумя парами тральщиков был обследован северный выход из Моонзунда и мин обнаружено не было, при выходе отряда за Штапельботтенским буем оказалось неприятельское заграждение, так густо поставленное, что в одном только трале оказалось 5 мин, с которыми трал и был там же брошен.

Пройдя миль пять к северу от Штапельботтена, адмирал около 18 час. отпустил тральщиков.

Следовавший в конце колонны заградитель „Амур" поставил у северного входа в Моонзунд минное заграждение.

На походе с „Десны" была замечена подводная лодка в надводном положении. К лодке начальником Минной дивизии были посланы „Самсон" и „Лейтенант Ильин", при приближении которых лодка погрузилась. Потом выяснилось, что это была наша лодка, о пребывании которой на пути отряда никто не был извещен.

В 20 часов в тумане открылся прожектор „Новика". Определившись по нему, наши суда стали на якорь на подходе к Лапвику; часть же миноносцев прошла на Лапвикский рейд, куда на утро перешли и все остальные суда, кроме „Гражданина" и заградителей, отправленных в Гельсингфорс. Туда же отбыл днем и адмирал Бахирев, вызванный Командующим Флотом.

Заграждение Нукке-Вормса.

V-му дивизиону было приказано выйти из Моонзунда Нукке-Вормским фарватером. Находясь на рейде Рогекюля, после ухода оттуда поврежденных судов—заградителей „Припять" и „Бурея" и имеющих повреждения в машинах „Зеи"—на буксире транспорта „Он" и тральщика „Минреп"—на буксире „Водолея № 1", затем 4-х теплоходов и буксира „Дина",—начальник дивизиона приказал эск. мин-цу „Эмир Бухарский" затопить в проходе Руке-Рага перед входом в Рогекюль приготовленную для этого баржу, а во входном канале—пароход „Тор", а „Амурцу"—по проходе всех судов, поставить мины в Нукке-Вормском канале на Паралепском створе. Вследствие малой глубины, большинство мин в самом канале всплыли.

По присоединении к дивизиону „Эмира Бухарского", „Амурца" и „Разящего", с „Всадника" и „Финна" были поставлены заданные им заграждения перед Нукке-Вормским фарватером и у Оденсхольма, после чего дивизион пошел в Лапвик.

Уничтожение Рогекюля.

Получив в $17^1/_4$ час. условную радио с „Разящего", что в Рогекюле все готово, адм. Бахирев сейчас же, также условной радиограммой, приказал начать уничтожение Рогекюля, о чем в 18 ч. он известил по радио находившегося в Гапсале начальника Моонзундской позиции к.-адм. Свешникова, прося уничтожить остающиеся плавучие средства в Гапсале.

По получении условной радиограммы, подкрепленной затем и приказанием Командующего Флотом, находившийся в Рогекюле кап. 2 р. Рогге, с остававшимися охотниками — 10 офицерами и 15 матросами, приступил к уничтожению базы, которое продолжалось до вечера 21 октября. Были уничтожены все мастерские, железнодорожная станция, водокачка, железнодорожное депо, нефтяные баки, маяки, погреб с динамитом и почти все жилые здания; дамба повреждена взрывом лишь местами. Окончив разрушение Рогекюля, кап. 2 р. Рогге устроил пост службы связи в ближайшей деревне

и, согласно распоряжения штаба Командующего Флотом, передал этот район командиру стоявшего в Гапсале пехотного полка.

Все вышедшие 19 октября из Моонзунда суда, кроме транспорта „Преграда", севшего на камни у Шпитгамна, благополучно дошли до назначенных им пунктов. Из вышедших накануне, кроме уже упомянутого сторож. судна „Барсук", был также брошен командой сторожевой катер *№ 11*.

Прекращение немцами операции.

В 20 часов того же 19 октября нами была принята немецкая радио, адресованная начальнику отряда Особого назначения, действовавшего против нас: „Все предприятия на север прекратились по Верховному повелению. Начальник Адмирал-Штаба". Кроме того, и от англичан было получено сообщение, основанное, вероятно, на том же источнике, всего в два слова: „операция прекращена" [1]).

В полученной на следующий день телеграмме, начальник Морского Генерального штаба сообщал: „Операция прорыва передового заграждения для блокады и уничтожения адмирала Бахирева, которая была разработана ими (немцами) подробно и начначена на сегодня, и еще в полночь на 6-е (19) октября одобрена Берлином, давшим дополнительные директивы,—была вчера в 18 ч. отменена" [2]).

Германскому флоту, действительно, была поставлена задача лишить Русские морские силы возможности уйти из Моонзунда на север.

„Первоначально", говорит адмирал Шеер [3]), „эта задача была возложена на подводные лодки. Одновременно с проникновением III эскадры в Моонзунд, подводные лодки получили приказание стянуться к северному выходу из Моонзунда, чтобы атаковать выходящие на север суда Русских. Подводная лодка *С 58* попала миной в крейсер „Богатырь" [4]), а подводная лодка *С 60* утопила один транспорт. Лишь к 18-му октября была получена возможность использовать для охраны посылавшихся на север больших судов миноносцы, находившиеся до сего на Кассарском плесе, и выделить потребное для того же количество тральщиков.

„17 октября IV-ая эскадра со II-ым разведочным отрядом, двумя полуфлотилиями миноносцев и тральщиками должна была выйти к северному выходу Моонзунда. Однако, погода не позволяла тралить и проход через минные поля в районе к северу от Даго оказался невозможным. Одновременно с нескольких судов были получены донесения, что неприятель уже отходит на север. Таким образом весь Моонзунд оказался очищенным от русских судов.

„Ввиду этого операция была отменена. Риск аварий больших кораблей от мин не соответствовал бы успеху, который можно было ожидать от дальнейшего наступления".

Посылка миноносцев к Даго 20 октября.

По приходе в Лапвик начальник VI дивизиона с эск. миноносцами „Войсковой", „Донской казак" и „Москвитянин" и сторожевыми судами *№ 25* и *№ 27*, был послан в 16 ч. 20 октября к мысу Лехтма—снять людей с Тахконских батарей. По выходе в море на „Москвитянине" испортилась циркуляционная помпа и руль, отчего он вышел из строя; сторожевые катера сильно отстали. Заметив на

---

[1]) Ренгартен. Дневник мировой войны.
[2]) Архив М. И. К. Дело № 7396. Телеграмма гр. Капниста № 1490.
[3]) «Морской Сборник» № 10—11 за 1920 г., стр. 37.
[4]) Не верно (Прим. переводчика).

горизонте, в SO четверти, подводную лодку в надводном положении без опознательных, начальник дивизиона, отослав обратно в Лапвик „Москвитянина“ со сторожевыми катерами, сам на „Войсковом“ с „Донским Казаком“ повернул на лодку и открыл по ней огонь, после чего лодка погрузилась. В то же время на горизонте был замечен силует, но во мгле и сумерках трудно было распознать, что это за судно. Развив ход до 23-х узлов, пошли к нему; оказалось, что это брошенный сторожевой катер *№ 11.* Взяв его, в $9^1/_2$ милях на WNW от Оденсхольма, на буксир,—начальник VI дивизиона решил вернуться в Лапвик.

Тахконские батареи. Посылка этих миноносцев была вызвана просьбой о том Тахконских батарей, которые перед тем, ввиду потери связи и приближения неприятеля к Кертелю, просили по радио разрешения взорваться.

Командующий Флотом по радио передал батареям благодарность за доблестное выполнение долга. Начальник 7-го отдельного батальона Моонзундской позиции кап. 2 р. Николаев доносил:

„Команде батарей №№ 38 и 39 все эти дни пришлось нести очень тяжелую службу, так как, благодаря отсутствию сухопутных частей, им приходилось самим себя охранять с суши, высылая разведки, и, кроме того, этой же командой обслуживалась батарея при постоянных боевых тревогах. Ни один матрос не покидал острова с сухопутными частями, а наоборот, все решили остаться до последнего момента; кроме двух конюхов, скрывшихся на Гельтерму,— Корикова и Кононова, ни один человек батальона не покинул. Дух команды батарей №№ 38 и 39 был великолепный. Решено было, в случае столкновения с неприятелем, драться, насколько хватит сил. Относительно батареи № 38, могу засвидетельствовать, что, не имея никакой надежды на помощь и зная это, команда сохранила полное спокойствие и решила умереть на батарее с оружием в руках. Только после разрешения взрывать батарею, команда ее покинула и осталась только подрывная партия. Благодаря распорядительности строителя, инженера подпоручика Горнова, удалось организовать эвакуацию оставшейся команды с острова на двух маленьких буксирах, лайбах и моторном катере батальона. Команда отвалила от пристани Лехтма в 13 часов 50 мин. и отправилась на Вормс. Командир батареи, подпоручик Хелтурин и мичманы Рыбников, Штром и Яблочков с несколькими матросами к этому времени еще не вернулись с батареи и остались на острове“ [1]).

Оставление нами о. Даго. В Кертеле ночь на 20 октября прошла спокойно, благодаря тому, что войск там уже не оставалось; охраны и раз'ездов не было, точных сведений о неприятеле тоже не было. Чтобы узнать своевременно о приближении неприятеля, ст. лейт. Елачич отправил из остававшихся с ним матросов пять верховых в разведку. Остававшаяся до утра команда 7-го отдельного батальона около 8 ч. утра уехала в Лехтму, частью на катере, частью на грузовике.

Около 9 ч, ст. лейт. Елачич увидел идущих по дороге к неприятелю председателя Кертельского исполнительного комитета подпоручика Усова, пехотинца санитара и штатского, вооруженных белыми флагами. Остановив это шествие, он, под угрозой расстрела, предложил им немедленно убраться с флагами и не пока-

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 10738„ стр. 88.

зываться с ними до тех пор, пока есть хоть один вооруженный человек в городе.

Около 9 ч. 30 м. прискакал наш раз'езд, встретивший верстах в двух от города передовую цепь неприятеля около 20—30 человек, за которыми двигалась какая-то часть. Из цепи по разведчикам было сделано несколько залпов, и один из матросов, раненый, упал с лошади на лугу за городом; подобрать его не удалось, так как в это время из-за опушки леса показалась неприятельская цепь.

Сообщив на Тахконские батареи о появлении неприятеля и оставлении нами Кертеля, ст. лейт. Елачич, сняв телефон, пошел с бывшими с ним охотниками к берегу моря, думая отступать вдоль него к Лехтме. Шагах в двухстах от берега они увидели шлюпку, полную солдатами. Заметив стоявшую на якоре довольно далеко от берега другую шлюпку, они крикнули солдатам, чтобы те прибуксировали ее. Не поняв окрика, солдаты встали, подняли руки и кричали: „сдаемся, у нас и ружей нет!“ Затем выскочили из шлюпки и вброд побежали к пристани, к которой подходил в это время моторный катер. Среди этих солдат оказался и председатель Исполнительного комитета подпоручик Усов, шедший с белым флагом сдавать Кертель.

Добравшись до брошенной солдатами шлюпки, охотники отправились на ней на Вормс, сделав весла из досок и выкачав из нее воду; при этом они были обстреляны с берега из винтовок. Часов через пять они добрели до Вормса, где в это время начались пожары, горел маяк и продовольственный склад. Батарея на Вормсе (№ 30) была еще накануне вечером самовольно оставлена и взорвана ее командой и бараки при ней сожжены. Орудия были испорчены, но один большой погреб и погреба для первых выстрелов оставались совершенно целы и полны снарядами и патронами.

Вечером 20 Октября полковн. Веселаго с Вормса доносил:

„Гарнизон острова Даго прибыл на Вормс, в составе 38, 39, 44 [1]) и части 47 батарей, государственных рабочих дружин и нескольких человек 427 полка. Остальная часть гарнизона взята в плен и разбежалась. Оружие все взорвано; на острове осталась подрывная партия, в числе 35 человек, под командой кавторанга Николаева и инженера Горнова. Их ожидает буксир. Остров в настоящее время в руках неприятеля. Повидимому, на острове высадились Саксонская и морская пехота, кавалерия и мотоциклисты. Какое количество, определить не могу“.

Высадка немцев на Вердере.

Только 21 октября неприятель, обстреляв полуостров Вердер шрапнельным огнем, высадил на него около 2-х рот. Наши посты отступили. В течении нескольких дней затем немцы ежедневно высаживались на полуостров по утрам, в количестве от 20 до 50 матросов, для реквизиции провизии, на ночь возвращаясь на свои суда.

Результаты и значение Моонзундской операции.

По сведениям германской сводки, 22 октября немцами занят был остров Шильдау. В своих сводках неприятель сообщал, что на Даго взято более 1200 пленных, несколько орудий и большие запасы продовольствия. Во время всей операции на Эзеле и других островах Моонзунда взято 20.130 пленных, более 100 орудий, из которых 47—судовых и больших калибров; несколько револьверных

---

[1]) Вероятно, 34. Архив М. И. К. Дело № 10744, стр. 52.

пушек, 150 пулеметов и минометов, более 1200 повозок обоза, 30 грузовиков, 10 самолетов, 3 денежных ящика с 365 тысячами рублей, большие склады продовольствия и всякого рода имущества.

„Итак“, заключает свое описание адм. Шеер,—„операции флота были закончены. Занятие островов явилось результатом удачных совместных действий армии и флота; флот ими особенно гордится, ибо они ему дали возможность оказать армии ценные услуги“.

При этом, командовавший Германским флотом указывает и на другую сторону операции:

„Отвлечение столь значительных морских сил от главного театра войны и их длительное пребывание на Балтийском море должно было категорически выяснить для нас, насколько в намерение Английского флота входит стремление помешать этой операции или использовать ослабление наших главных сил для крупного выступления в Северном море. В последнем случае нам приходилось бы отразить нападение только оставшимися там силами. Целью такого нападения могло быть или уничтожение базы подводных лодок в Вильгельмсгафене, или уничтожение станций для воздушных кораблей по побережью. В случае, если английский флот решил бы произвести демонстрацию крупными силами против Балтийского моря, то это поставило бы Германский флот перед дилеммой — или прекратить операцию против прибалтийских островов, или выслать слабейшие силы в западную часть Балтийского моря, против англичан.

„Однако Английский флот не проявил инциативы ни в том, ни в другом направлениях и не пытался отвлечь нас от завоевания островов“ [1]).

Действительно ли адм. Шеер искренно допускал со стороны английского флота намерение помешать немцам в их операции, хотя конечно, временное ослабление их сил в Немецком море могло быть использовано англичанами, но характерно, что со стороны нашего Балтийского флота такого намерения, повидимому, не предполагалось. Только опасность, угрожавшая силам Рижского залива быть отрезанными, побудила Командующего Флотом к решению принять бой с германской эскадрой, когда операция немцев была уже фактически закончена. Во время же самой операции и тогда, когда часть немецких сил отделилась в Рижский залив к южному входу в Моонзунд, наши главные силы оставались в Гельсингфорсе.

Что касается германского флота, то он в праве был гордиться оказанной им армии услугой, так как в то время, как высадившиеся на острова войска подвигались вперед почти беспрепятственно,—на море, несмотря на подавляющий перевес в силах судового состава, обстановка была не из легких: среди разбросанных повсюду минных заграждений, ввиду постоянной возможности торпедных и подводных атак, наличия у нас сильных батарей, а также из-за непостоянства осенней погоды и навигационных трудностей.

Моонзундская операция была закончена немцами удачно, и это имело громадное значение для дальнейшего хода войны. Фланг нашей сухопутной армии оказался обнаженным, и ей пришлось думать уже не об удержании неприятеля, а лишь о собственном спасении, так как, с занятием Ревеля, неприятель заходил ей в тыл, если бы она своевременно не отступила; а занятие Ревеля для неприятеля значительно облегчалось с вытеснением нас из Моонзунда.

---

[1]) Морской Сборник № 10—11 за 1920 г., стр. 37.

Здесь, поэтому, следовало бы обратить внимание еще на одну сторону Моонзундской операции. Пока наш флот удерживал неприятеля у входа в Рижский и Финский заливы, правый фланг армии находился в достаточной безопасности. С уходом флота отсюда, у немцев оказывались развязанными руки. Поэтому, как ни выгодно было для них и в стратегическом и в политическом отношениях владеть Рижским заливом и прилежащими островами, но еще важнее для них было, если не уничтожить, то загнать наш флот вглубь Финского залива. Моонзундская операция и послужила началом этого плана, который в дальнейшем развитии сделал сопротивление с нашей стороны на этой части фронта совершенно безнадежным.

Эта операция, таким образом, показала наглядно тем, кто недооценивал роль нашего флота в минувшую войну, какова ее значительность на деле и что давало армии нахождение на ее правом фланге Балтийского флота.

Выводы и заключение.

Несоответствие наших сил и средств поставленной задаче.

Разбираясь в причинах такого успеха, увенчавшего германскую операцию, нельзя не видеть, при каких ненормальных условиях с нашей стороны она протекала. Поэтому постараемся сначала рассмотреть ее вне этих условий, нарушивших существовавшую у нас организацию и перевернувших все расчеты и планы нашего командования.

К защите Рижского залива и Моонзунда мы перед войной не готовились; то что было здесь сделано во время войны, носило в большой мере характер импровизации, которую нам позволяла пассивность неприятеля. Правда, хотя сделано было далеко не все и далеко не так, как это следовало сделать, но, учитывая вообще небольшие наши средства и обстановку военного времени, сделано было все-таки много, и этому обстоятельству следует приписать удержание нами этой позиции при предшествующих покушениях немцев овладеть ею, хотя силы и средства наши там были тогда значительно меньше, чем во время описанной операции.

Говоря о средствах обоих противников, нельзя не видеть подавляющего перевеса в них на стороне нашего врага.

О морских силах говорить не приходится—одиннадцать дредноутов против наших четырех, если бы даже последние попытались помешать выполнению операции; те же два старых линейных корабля, которые оказались при защите Моонзунда в Рижском заливе,—могли оказать, и то только при самом форсировании пролива, лишь очень слабое сопротивление. Последнее, в лучшем случае, могло бы лишь оттянуть развязку, но не предотвратить ее.

Правда, минные заграждения Ирбенской позиции и приморские батареи могли оказать им некоторую поддержку; такой же расчет был у адмирала Эссена, когда, в начале войны, он надеялся отразить неприятеля на Центральной позиции. Но два корабля с недальнобойной артиллерией все же являлись прикрытием Ирбенской позиции чересчур слабым. Присутствие в Моонзунде таких кораблей, как „Андрей Первозванный“ и „Республика“, с их дальностью артиллерии, неуступавшей немцам, значительно бы улучшило наше положение, но этого, как выше было упомянуто, не позволили

их глубокая осадка и прекращение работ по прорытию Моонзундского канала [1]).

Такой же значительный перевес был на стороне немцев и в других типах судов—крейсерах, миноносцах, тральщиках и всяких мелких и вспомогательных судах, не говоря уже о подводных лодках. Усилить хотя бы несколько состав этих отрядов в Моонзунде, как мы видели, почти не представлялось возможности, хотя в них являлась здесь крайняя необходимость; присутствие же на путях немецкого флота, а также в самом Рижском заливе, значительного числа подводных лодок сильно бы усложнило задачу последнего.

Между тем в Рижском заливе находилось всего три английских подводных лодки,—все, чем располагало командование на месте, и только одной из них „С 27“ удалось атаковать неприятельский отряд и подорвать большой транспорт. Из числа лодок, высланных из Ганге на позиции, также, повидимому, только одна и тоже английская лодка „Е 9“ вошла в соприкосновение с германскими судами и атаковала караван транспортов в районе Фильзанда, но безрезультатно. Попыток атаковать неприятеля на его подходах к бухте Таггалахт или Ирбенскому проливу сделано не было.

Минные заграждения являлись действительно сильным средством на нашей стороне, но помимо приведенной выше неудовлетворительной оценки адмиралом Бахиревым главного нашего заграждения в Ирбенском проходе, значение их ослаблялось, повидимому, замечательной осведомленностью о них неприятеля и многочисленностью и прекрасной работой его тральщиков, мешать которым мы могли лишь в малой степени. Так, в Ирбенском проходе германские тральщики работали под самым берегом, занятым немцами, и, благодаря своим малым размерам, бывали видимы только лишь в самую ясную погоду.

Приморские батареи, на которые, кроме защиты заграждений, возлагались также и такие задачи, как помощь флоту в борьбе с судами противника, препятствие неприятельским высадкам, а в некоторых случаях и участие в сухопутной обороне,—батареи, хотя и не проявили даже в самой малой степени ожидавшейся

---

[1]) Мы не можем согласиться с автором, что не было возможности усилить состав морских сил Рижского залива. Стратегическое значение этого, почти изолированного, участка Балтийскоморского театра, как обеспечивающего правый фланг русских армий и угрожающего левому флангу германских армий, а также, как решающего судьбу всего Моонзундского архипелага и, следовательно, передовой позиции, защищающей вход в Финский залив, было весьма велико. И, если главные силы Балтийского флота, т. е. дивизия дредноутов, имели своей основной задачей защиту, за Центральной позицией, главного операционного направления, т. е. морских подступов к Петрограду и глубокий тыл армии, то на дивизию старых линкоров (включая «Андрей» и «Павел») следовало возложить защиту Рижского залива, за Ирбенской позицией. Отсутствие внутреннего, доступного для линкоров типа «Павел», сообщения Рижского залива с Финским (через Моонзунд) ни в каком случае не должно было считаться препятствием для перевода в Рижский залив этих линкоров; ведь и дреудноты наши в Финском заливе были в подобном-же тупике и весь raison d'être их заключался в **решительном** бое на Центральной позиции против прорывающегося германского флота. Подобная-же **решительная** задача должна была быть поставленной и дивизии старых линкоров в Рижском заливе. Если, в крайнем случае, главные силы Балтфлота могли отступить в Гельсингфорс или даже в Кронштадт, для продолжения борьбы с германским флотом, прорвавшим Центральную позицию, то для такого-же крайнего случая (в действительности как раз и случившегося)—необходимо было подготовить, оборудовать и соответственно укрепить маневренную базу в южной части Моонзунда, в районе Куйваста,—куда могли входить и линкоры типа «Павел». (*Ред.*).

от них устойчивости, но, и при других условиях, должны быть признаны значительно уступавшими по силе огня судовой артиллерии, даже при равном количестве и калибре орудий. Уступали они и по сравнительной медленности их заряжания и стрельбы, и по отсутствию прикрытий, что действовало на психику стреляющих; по затрудненности пристрелки из-за перемещения цели. Одно из важнейших средств защиты береговых батарей—маскировка не была достаточно здесь развита. При таком же огромном превышении калибра неприятельской судовой артиллерии,—как это было с батареями у входа в б. Таггалахт или на Серро,—перевес всецело переходил к последнему.

Что сухопутная защита островов не была обеспечена достаточными силами и средствами, на это также указывалось выше. Гарнизон был малочислен и не достаточно высок по своим боевым качествам; его не только не усилили своевременно, но были поползновения к его ослаблению; как подробность, в нем не было таких частей, как мотоциклисты, которые со стороны неприятеля сеяли панику в наших войсках; не было вероятно и многого другого, о чем компетентнее могут сказать сухопутные исследователи операции. Инженерная подготовка, по оценке последних, была также не на высоте.

Наше осведомление о неприятеле страдало от отсутствия разведки на море, из-за малочисленности судового состава и от недостаточного числа и района действий аппаратов для воздушной разведки. В дальнейшем же служба связи на самих островах расстраивалась быстротой продвижения немецких войск; но все же эта отрасль службы, прекрасно налаженная у нас перед тем, имела за собой много заслуг и во время настоящей операции.

Неприятель, предпринимая операцию, озаботился, чтобы перевес в силах на его стороне был подавляющим, и противупоставил нашим оборонительным средствам отличную осведомленность, систематическую работу своих тральщиков, широко развитую деятельность воздушного флота и стремительность, которую облегчали наша пассивность и неустойчивость. Учитывая же слабость наших сил и, особенно, их моральное состояние, он мог уверенно считать за собой полное владение морем, необходимое ему для производства этой операции.

При таком соотношении сил и средств, происходила Моонзундская операция. Главнейшие моменты ее, определявшие дальнейшие действия и затем исход всего дела, что касается действий на море, следующие: 1) появление и высадка немцев в б. Таггалахт, 2) проникновение их через Соэлозунд на Кассарский плес, 3) уничтожение Церельских батарей и 4) бой в южном выходе из Моонзунда.

Отсутствие помехи против высадки неприятелем десанта.

Хотя появление немецких сил вместе с транспортами перед б. Таггалахт и было неожиданно для батарей обнаружено с поста Хундва утром 12 октября, но оно не носило для русского командования характера той внезапности, которой оно не предвидело и к которой бы не могло приготовиться. Все сведения и указания приводили к тому, что ожидать появления немцев следовало именно в ближайшие дни—днем раньше, днем позже роли не играло. Сосредоточение в Либаве транспортов и войск, как и другие сведения разведки, также ясно указывало на подготовление немцами десантной операции, об'ектом которой, с наибольшей вероятностью, являлись острова Моонзунда, и отсюда, естественно, намечался

пункт высадки—бухта Таггалахт. Это предвидели и за много времени раньше; это почти не оставляло сомнений и на этот раз. Имея средства для разведки в открытом море, мы бы знали точно о выходе немецких сил из Либавы и о времени их подхода к нашим берегам. Таким средством в Моонзунде являлись Новики, но их было так мало, что приходилось их беречь для надобностей обороны, и к тому же, без поддержки, они могли в лучшем случае лишь обнаружить нахождение неприятеля в море. Воздушная разведка производилась ежедневно, но район ее был очень ограничен.

Переход от Либавы до б. Таггалахт, около 150 миль, совершался в одну ночь. За эту ночь мы не успели бы ничего предпринять, чтобы помешать неприятелю,—ни усилить минных заграждений, раз это не признавалось нужным раньше, ни выслать ему на встречу подводные лодки, ни даже, вероятно, стянуть войска к предполагаемому месту высадки, считая время на получение и распространение сведений, на передачу приказаний, контроль их, сборы и проч.

Единственные, бывшие в Моонзунде, три английские подводные лодки, если бы их захотели выслать на подходы к б. Таггалахт, не смогли бы, вероятно, ночью пройти Соэлозундом, да и к тому же внешние воды Моонзунда и Рижского залива командование в нем считало, повидимому, вне сферы своей компетенции, не получая даже сведений о подводных лодках, высылаемых командованием флота на позиции на подходах к ним.

25 сентября, по получении сведений о движении немецких судов в Балтийское море, наши лодки были высланы в море на позиции, но затем, не видя неприятеля, они вернулись в свои базы на северном берегу, откуда снова были высланы лишь по получении сведений о начавшейся операции. Между тем, путь от Либавы до бухты Таггалахт, особенно при расчете пройти его в одну ночь, настолько определенный, что он мог бы контролироваться нашими подводными лодками, которые доставили бы неприятелю большие неприятности, если бы не помог ему густой туман, заставивший немцев отказаться от тралов—решительность, делающая честь адмиралу Шмидту при успешном исходе и, конечно, поставленная бы ему в вину в случае неудачи.

Полной внезапности, таким образом, в появлении неприятеля перед б. Таггалахт не было, но с нашей стороны не было проявлено достаточной предусмотрительности.

Высадка немцев произведена была без всякой помехи. Ничтожная попытка батареи № 45 была прекращена в самом начале. Две слабых 6″ батареи, конечно, не могли бороться с неприятельскими линейными кораблями. Находясь внутри бухты, они бы могли действовать еще с некоторым успехом против десанта и небольших судов противника, хотя и здесь, благодаря доступности по глубинам для входа в нее больших судов, существование батарей было бы недолговечно [1]). Сухопутные войска момента высадки не использовали

---

[1]) Установка батарей открытого типа и такого малого калибра, как 6″, на выдающихся в море мысах,—к тому-же не замаскированных,—конечно не может быть оправдана никакими соображениями. Совершенно, ведь, было ясно, что немцы не приступят к десантной операции в бухте Таггалахта,—не обеспечив ее достаточно мощной корабельной поддержкой,—против огня которой эти батареи будут совершенно бессильны. Другое дело, если бы эти-же самые батареи были расположены в глубине бухт Таггалахта и Мустельгами, расположены в лесу, а сами бухты—были бы заминированы. Борьба с тральщиками должна была являться задачей этих батарей, которые, при таком расположении, были бы до окончания траления бухт,—вне огня крупных кораблей противника, еще не вошедших в бухту. Ред.

и о роли их, к сожалению, вообще говорить не приходится. Минные заграждения сделали свое дело, повредив два неприятельских дредноута, хотя это и не отразилось на ходе дела, и заставив неприятеля заняться усиленным тралением. Большего, при отсутствии защиты этих заграждений артиллерией, на них не возлагалось.

Флот Балтийского моря оставался пассивным зрителем, не пытаясь отвлечь на себя неприятельские силы. Подводные лодки, высланные с началом операции, повидимому, отправились прямо на свои позиции, во всяком случае в район высадки, бдительно охраняемый большим числом судов, ни одна из них не проникла. Первая задача немцев была выполнена успешно; русские силы ей не мешали.

Непринятие своевременно мер к заграждению Соэлозунда.

Овладение Кассарским плесом давало Германскому флоту возможность помогать своим войскам в развитии дальнейшего успеха на сухом пути; для нас же этот успех немцев имел, кроме того, громадное значение, угрожая сообщениям нашего флота во внутренних водах Моонзунда и отвлекая, для противодействия неприятелю, те силы, которые нужны были в Рижском заливе. Помешать проникновению германского флота на Кассарский плес мы должны были всеми мерами. Простейшим и наиболее действительным для этого средством являлось заграждение самого канала в Соэлозунде затоплением в нем судов, что гарантировало бы нас по крайней мере на некоторое время, от проникновения неприятеля на плес; защита прохода осуществлялась бы с самыми небольшими средствами; фланг неприятельских войск и его позиции на северо-восточном берегу Эзеля, находились бы в угрожаемом положении от наших судов и высадок в тылу.

Что это не было сделано заблаговременно и в спокойной обстановке, помешала, повидимому, мечта о возможной активной деятельности наших миноносцев на внешних подходах к позиции, почему, даже по вытеснении наших судов из западной части плеса, Главнокомандующий, допуская заминирование прохода, находил все же эту меру нежелательной [1]).

Убедившись, после первого же появления неприятельских миноносцев на плесе 12 октября, в легкости, с которой ими были преодолены, как навигационные трудности прохода, так и помехи со стороны наших судов, Командующий в заливе, обеспокоенный за дальнейшее развитие здесь операций, принял срочные меры к такому заграждению, приказав вести сюда приготовленный для этой цели и находившийся в Рогекюле пароход „Латвию". Но скверная погода помешала этому, оборвав буксиры и выбросив „Латвию" на мель по пути к Соэлозунду.

Здесь безусловно сказалась непредусмотрительность командования. Предвидя необходимость прибегнуть к такому заграждению, для чего был приготовлен специальный пароход,—следовало нужные средства иметь под рукой, чтобы не ставить их использование в зависимость от различных случайностей, особенно таких непостоянных, как погода. Затем, кроме одной „Латвии" нужно было приготовить и другие средства, хотя бы простые баржи, лайбы или барказы, которые также можно было иметь под рукой, нагрузив их

---

[1]) Телеграмма 2 (15) октября 1917 г. № 3117/мор. Приведена выше.

камнями. Даже при удачном затоплении парохода, затопление других судов только усилило бы заграждение, затруднив противнику очистку прохода. Ничего этого не было сделано, не говоря о том, что, зная состояние нашего флота в это время и малую готовность его к активным действиям, и не готовясь уже, повидимому, использовать миноносцы на внешних подходах, Командующий не ошибся бы, обеспечив себя с этой стороны заранее, не ожидая напоминания со стороны противника.

Обеспечение это представлялось, наконец, столь важным и необходимым; нарушение его угрожало такими последствиями,—что оно окупалось бы и пожертвованием, за неимением других средств, любого из вспомогательных судов, лишь бы последнее было быстро приведено к проливу. Пожалел ли Командующий свои транспорты, или по другим причинам, но после посадки „Латвии", мысль о заграждении Соэлозунда судами была, повидимому, оставлена.

Минное заграждение являлось менее действительным средством, но все же и оно могло затруднить неприятеля и облегчить защиту прохода нашим судам; в случае же потерь на нем со стороны неприятеля, оно, как всякий успех, увеличило бы силу нашей сопротивляемости. Отказ команды „Припяти", исполнявшей до этого много боевых задач, гораздо более рискованных и в менее благоприятных условиях, лишил русское командование и этого средства.

Оставалось одно оружие—флот. Действия канонерских лодок „Грозящего" и, особенно, „Храброго" заслуживают высокой похвалы, но силы здесь были все время на стороне неприятеля,—особенно при невозможности держать здесь все наши миноносцы и при необходимости пользоваться ими в других местах.

Слабость сопротивления, оказанного неприятелю на Кассарском плесе.

Что командование не ожидало, что неприятель с такой легкостью войдет через Соэлозунд на плес, показывает то, что в первый день для наблюдения за ним и даже одновременно для поддержки батареи у Серро, туда были посланы всего два старых миноносца, лишь значительно позже подкрепленных пришедшей из Рогекюля около 16 ч. канонерской лодкой „Грозящий". Последняя открыла огонь по неприятельским миноносцам, когда те еще подходили к Соэлозунду, и имела накрытие, заставившее, повидимому, два миноносца выйти из боя. Это не помешало остальным, хоть и прикрываясь завесой, форсировать узкий и извилистый пролив.

Против „Грозящего" оставалось 5 неприятельских миноносцев. Начальник IV дивизиона решил не поддерживать боя и, отходя сам, лишь отстреливаясь из кормового орудия, торопил возвратиться и „Грозящего", которому оставалось поэтому действовать также только одной кормовой пушкой. Неприятель выйдя на плес и видя отступление наших судов, маневрировал уверенно и смело.

Подошедший на „Десне" начальник Минной дивизии удачно вступил в перестрелку, что заставило неприятеля отступить. Несмотря на присоединение еще 4-х „Новиков", адм. Старк, ввиду наступившей темноты и малого горизонта, не последовал за ним. Может быть этому помешало предположение, что неприятель поставил мины, чему давало повод маневрирование его; предположение, однако, едва ли достаточно обоснованное, так как постановка мин затруднила бы и для самого неприятеля дальнейшее пользование Кассарским плесом, что вряд ли могло входить в его планы.

В следующем затем бою 14 октября, доставившем заслуженную славу „Храброму", еще более значительное превосходство сил было на стороне неприятеля — 3 наших Новика и одна канонерка против 14 его миноносцев. Все же наши суда достойно вели бой, приняв на себя огонь неприятеля, чтобы прикрыть поврежденного товарища. Приход к концу боя адм. Старка с двумя Новиками и несколькими угольными миноносцами не внес изменения в положение, отчасти из за стесненности маневрирования. Учитывая состояние материальной части и подготовку бывших с ним миноносцев, адмирал, повидимому, имел основание отклонить поданный ему флагманским штурманом совет атаковать неприятеля. Могла бы значительно помочь делу канонерская лодка „Хивинец", если бы командир ее своевременно проявил инициативу.

Остальные столкновения наших судов с неприятельскими на Кассарском плесе носили характер простой перестрелки. Неприятель достаточно свободно чувствовал себя на плесе, что давало ему возможность содействовать своим войскам и отвлекать сюда не только наши миноносцы и канонерские лодки, но и крейсер, и даже линейные корабли.

Преждевременное оставление Цереля. Значение Цереля ясно сознавалось обоими противниками, но, хотя участь его была предрешена, столь быстрое его падение оказалось непредвиденным даже немцами. Церельская 12″ батарея, представляя из себя угрозу для меньших судов, являлась бы некоторым препятствием и для линейных кораблей, если бы последние были стеснены в маневрировании рационально поставленными заграждениями и им пришлось бы одновременно вести бой с нашими кораблями, защищающими Ирбенский пролив. Единоборство же одной батареи из 4-х незащищенных орудий с несколькими линейными кораблями, вооруженных каждый десятью такими же орудиями, защищенными солидной броней,—было, конечно, ей не под силу.

Нахождение наших больших судов возле Цереля в эти критические для него дни имело бы, прежде всего, большое моральное значение, хотя участвовать в его борьбе с немецкими дредноутами, в лучшем случае, смогла бы одна „Слава", которая в это время была занята на Кассарском плесе. К Церелю был послан „Гражданин", но его прибытие запоздало. Во время нападения Церель был предоставлен только своим собственным силам. Поддержки со стороны флота он не видел, с сухого пути он был отрезан приближавшимися неприятельскими войсками. Такое положение должно было повлиять на психику его защитников.

Неприятельские корабли подошли к Церелю в тумане, видимо, сами не ожидая такой близости к батарее, так как даже орудия на них были повернуты по походному, что дало батарее время приготовиться к бою. Однако, после второго нашего залпа, неприятель открыл огонь из своих орудий.

Бой продолжался, с небольшим перерывом, около часа. Начальная установка наших орудий была 76 кабельтовых, последняя — 126 кабельтовых. Несмотря на медленность и неудовлетворительность нашей стрельбы, на трудность управления ею, из-за разбрасывания снарядов, неисправности приборов и выхода из действия, одного за другим, трех орудий,—все же, в начале боя, батарее, повидимому, удалось вывести из строя один дредноут. В то же время неприятель, имея на своей стороне такие преимущества, как большое

число орудий, дисциплинированный огонь, кучность падений снарядов, быстроту стрельбы (промежутки между залпами 30—40 секунд тогда как наши двухорудийные залпы давались через 2 минуты), — не имел ни одного попадания, причем ближайший снаряд лег от батареи в 30 саженях.

Такой же результат оказался и на другой день, когда бомбардировка продолжалась около получаса, причем залпы следовали секунд через 15 — 20 один за другим, хотя возможно, что в этом случае сама батарея уже не являлась об'ектом нападения, которое могло иметь целью помешать ее уничтожению. Также безрезультатна оказалась попытка „Гражданина“ уничтожить батарею своим огнем; правда, он стрелял уже в относительной темноте, но зато место ее ему было точно известно.

Это обстоятельство говорит не в пользу судовой артиллерии при состязании ее с береговой, если не учитывать морального воздействия ее. Кроме того, немцы не имели другой корректировки, кроме наблюдения с самих судов, хотя они могли бы воспользоваться для этой цели воздушными аппаратами; наконец, ими не было проявлено достаточной настойчивости: после часовой, довольно бессистемной бомбардировки большой площади, в которую был захвачен и маяк, они ушли, хотя к концу боя из 4-х орудий батареи им отвечало только одно.

Во всяком случае, не было никаких обстоятельств, оправдывавших столь быстрое оставление Цереля,—батарея была неповреждена; на ней не было даже ни убитых, ни раненых; бой для нее оказался даже успешнее, чем для неприятеля; при других условиях Церель, вероятно, продержался бы некоторое время. Но немцы верно учли психологический момент, и удача сопутствовала им всюду в их предприятии. Даже то обстоятельство, что они вошли без тральщиков в пространство, обставленное минными заграждениями, и маневрировали в нем большими ходами, прошло для них безнаказанно, если не допустить, что и здесь расположение наших мин было с достаточной точностью им известно.

Уход Морских сил немедленно после боя из южной части Моонзунда не вызывался боевой обстановкой.

Естественным следствием падения Цереля было проникновение германских судов в Рижский залив и атака Моонзунда с юга. Появление их перед Моонзундом было для нас неожиданно; разведки не велось — ни воздушной, ни с судов; между тем, по словам адм. Шеера, немецкие корабли еще накануне были перед Аренсбургом; о приближении неприятеля было сообщено русскому командованию лишь с судов, стоявших в дозоре у бона.

Адмирал Бахирев, принимая решение вступить в бой, рассчитывал на лучшие условия, чем оказались в действительности, а именно на то, что минные заграждения стеснят действия неприятеля, и также на некоторую помощь 10″ Моонской батареи. Но уверенность, с которой маневрировали неприятельские корабли, и здесь заставляет предположить о точной осведомленности их; кроме того, работа их тральщиков оказалась на большой высоте; из пяти же орудий Моонской батареи могли стрелять всего два, и те участия в бою почти не приняли.

В случае безрезультатного боя и сохранения за нами южного выхода из Моонзунда, положение немцев в Рижском заливе было бы не из легких. В 1915-м году такого положения они не выдержали

и ушли из залива, несмотря на еще большую слабость наших сил тогда. Во всяком случае, замедление в развертывании событий в Рижском заливе и Моонзунде было для нас чрезвычайно желательно, поддерживая надежду на оказание помощи сухопутной обороне островов и на улучшение положения на них.

Адмирал не предполагал, видимо, что неприятельские корабли будут поражать нас с расстояния, на котором сами будут недосягаемы для наших орудий, и что бой с нашей стороны сведется к стрельбе лишь по тральщикам и миноносцам. Свободное пространство для маневрирования наших судов было настолько ограничено, что пришлось приказать им держаться на месте под машинами и поддерживать огонь только по ближайшему неприятелю.

Стрельба наших судов была, повидимому, хороша, что признал в своем отзыве и начальник немецкой эскадры и что вынуждало его тральщиков несколько раз прибегать к дымовой завесе, менять курсы и отходить.

Неприятельская стрельба в первую часть боя была недействительна, — преимущественно на недолетах. Вероятно, опасаясь из-за заграждения сближаться, его корабли и перешли в восточный проход, после чего снова открыли огонь. „Слава“ отвечала им из единственной своей башни, с расстояния 112 кабельтовых. Вследствие сильного накрытия, наши суда начали подаваться на север, и в это время были получены ими попадания: в „Славу“ попало всего семь снарядов, в „Гражданин“—два и в „Баян“—один.

Наиболее серьезные повреждения были причинены „Славе“ первыми тремя одновременными, подводными попаданиями, что вызвало крен, дошедший до 8°, но затем уменьшенный до 4°. Крен затруднял управление, но ничего угрожающего из себя, повидимому, не представлял. Последнее попадание было подводное в броню, которая оказалась пробита, и переборка угольной ямы за ней прогнута. Повреждения „Гражданина“ были еще более легкие; на „Баяне“, следствием попадания в него, был пожар, который сильно мешал управлению кораблем и который удалось прекратить лишь через сутки.

Когда наши суда прошли остров Шильдау, неприятель прекратил огонь по ним с расстояния 128 кабельтовых и затем отошел. Тем не менее, адм. Бахирев продолжал уходить на север, приказав „Славу“, которая из за увеличившейся осадки не могла пройти каналом, затопить в самом входе в канал, чтобы надежно его закупорить.

Даже неприятельских миноносцев не было на рейде Куйваста в этот день и, если бы корабли не ушли так поспешно на север, явилась бы возможность усилить заграждение с юга, а также заградить и рейд Куйваста и, если уже была потеряна надежда на удержание островов, можно было бы более планомерно произвести эвакуацию войск с Моона; тем временем, может быть удалось бы справиться и с повреждениями „Славы“ и уменьшить ее осадку, чтобы ввести ее в канал. Во всяком случае, не видно, что заставило адм. Бахирева в этот момент, при отсутствии преследования его неприятелем, решить немедленный уход на север. Вероятнее всего — убеждение его, что все равно все потеряно и нужно спасать все, что еще возможно.

Что уход в северную часть Моозунда, в случае неудачного боя, был предположен заранее, видно из распоряжения адм. Старка, еще

в начале боя, — приготовить к затоплению в канале транспорты „Глаголь" и „Покой", что являлось предусмотрительным на случай окончательного прорыва неприятеля, которого, однако, в этот день не последовало.

Наконец, „Слава", стоя на мелком месте, могла еще действовать своей артиллерией против мелких судов и крейсеров неприятеля, при их попытке проникнуть на рейд Куйваста, и взорваться в самый последний момент.

С уходом наших Морских сил из южной части Моозунда, наступила развязка всей операции.

Ответственность за неудачный исход операции.

Так как развязка эта наступила чересчур быстро и была крайне неблагоприятна для нас, то, как водится, начали искать виновных. Первым виновником оказался личный состав Церельских батарей, — его отдали под суд [1]). Но ясно было, что и во многих других местах было не лучше; кроме того, Церель оказался изолированным и без поддержки.

Уже через неделю Командующий Флотом телеграфировал Морскому Министру:

„Мной, по приказанию Главкосева, была назначена комиссия, с представителями Центробалта, для обследования деятельности личного состава Церельских батарей, на предмет выяснения виновных и предания их военно-революционному суду за отказ от боя и принятие германского парламентера. Центробалт, в согласии с Центрофлотом, не находит возможным изолировать дело Цереля и считает необходимым комиссии обследовать всю Моонзундскую операцию целиком, не выделяя из нее отдельных эпизодов. Таковой комиссии своим приказом назначить не могу, ибо она должна неизбежно обследовать деятельность старших морских начальников и мою, поэтому в случае признания ее необходимости, прошу срочно назначить эту комиссию распоряжением Временного Правительства под председательством адмирала старше адмирала Бахирева и без участия Центробалта, как прикосновенного к операции. № 4942. Развозов".

Действительно, кто же виноват в недочетах Моозундской операции и в ее конечном печальном для нас исходе? Личный состав — частью плохо, но в некоторых случаях и хорошо — делал свое дело; в тех случаях, когда он делал его плохо, он, конечно, оказывался виновным, но, кроме того, были лица, которые распоряжались его действиями и из за распоряжений которых создавалась та или иная обстановка. Эти лица, конечно, несут ответственность за свои распоряжения и за последствия их.

Обращаясь к Высшему Командованию, нельзя не отметить полной неустойчивости и колебания его оперативной мысли, — как в период подготовки, так и при развертывании событий. Что противупоставить неприятелю, какие силы и средства, осуществить ли активное противодействие ему и до какой степени, как обороняться, — все эти вопросы основной важности не были ими окончательно разрешены.

Еще 5 сентября, после падения Риги, на собрании флагманов и капитанов начальник Штаба Флота „сделал доклад по обстановке на фронте и на море, а также о планах Комфлота, — причем говорил,

---

[1]) Архив М. И. К. Дело № 7396. Телегр. Главнок. Северн. фронтом Ком-щему Флотом 8 (21) октября № 3340/мор.

что „наши позиции“ (Сворбе, Моозунд, Нарген, Вимс и друг., все Або-Оландские и пр.) мы эвакуироват не будем и будем защищать их (паника и предательство в расчет не принимаются), если даже все вокруг падает — это будут маленькие Порт-Артуры...“ [1])

Но и после этого, никаких мер, чтобы помочь обороне, почти не было принято. Разведка не производится из за различных соображений; подводные лодки высылаются поздно; линейные силы только находятся в готовности, но в море не выходят и не пытаются ничем помешать неприятельскому флоту; гарнизону посылаются подкрепления, когда уже основные его кадры рассеяны. Все действия предпринимаются судорожно, под неприятельскими ударами, следующими один за другим.

Недостатки в организации командования.

Руководство всеми морскими операциями по защите Моонзунда и Рижского залива было возложено Командующим Флотом на адмирала Бахирева; назначение это состоялось всего за два месяца до операции, почему этот адмирал не мог быть ответственным за всю подготовку к ней; до него же такого отвественного лица в самом Моонзунде не было. Кроме того, хотя, в предписании от 20 июля (2 авг.), ему и предлагалось принять на себя общее командование Морскими силами Рижского залива и Моонзундской позицией, последняя, повидимому, не была ему подчинена; даже из приморских батарей подчинялись ему только Церельские, и то лишь в оперативном отношении, — также как и база Рогекюль [2]).

Сухопутная защита островов, — также как и береговые батареи, — была в ведении начальника позиции, но последний, в силу ли его личных свойств, или из за невыясненного положения, оставил за собой, главным образом, лишь хозяйственное и административное попечение о них. И хотя директивы Командующего Флотом по обороне островов направлялись к нему и от него исходили затем оперативные задания в форме приказов различным частям гарнизона, но Командующий Флотом, в то же время, смотрел на него, лишь как на управляющего позицией, а не как на командующего войсками острова Эзеля, почему и предназначал ему местонахождение в г. Гапсале, а не на Эзеле, где начальником сухопутной обороны должен был быть подчиненный ему сухопутный генерал [3]), находившийся одновременно в подчинении генералу, командующему сухопутными войсками, подчиненными Командующему Флотом.

И в действительности, начальником позиции никакого влияния на борьбу с немцами на сухом пути оказано не было, и в самом начале ее он переехал в г. Гапсаль, окончательно порвав связь с подчиненными ему войсками.

Таким образом, единства командования на месте не было; власть об'единялась лишь в руках Командующего флотом, но последний, по необходимости, был вдали от места действий и, отвлекаясь массой других вопросов, касающихся всего морского театра, — не мог сосредоточить своего внимания на одной операции и руководить ею непосредственно.

Поэтому часть своей власти он и передал командующему Морскими силами залива; другую часть ее оставил за начальником по-

---

[1]) Ренгартен. Дневник мировой войны.

[2]) См. выше, ст.

[3]) То же, стр.

зиции; сухопутная оборона легла на начальника 107-й пехотной дивизии, а затем была возложена на вновь назначенного генерала Генрихсона, который получал директивы и приказания не только от Командующего флотом, но и непосредственно от Главнокомандующего фронтом. Штаб Флота также, в некоторых случаях, отдавал распоряжения помимо командующего в Моонзунде, чем нарушалась непрерывность линии подчинения и что мешало правильности в таких случаях соображений командования на месте. Нужно ли говорить о той помехе, которую представляло неорганизованное вмешательство комитетов, делегаций и проч. организаций, часто мало компетентных и безответственных.

Со стороны Командующего Флотом было, повидимому, полное доверие к адм. Бахиреву; тем не менее многие просьбы последнего об усилении средств, а также о личном составе, оставались неудовлетворенными. Даже такие действия, как посылка подчиненных ему „Новиков“ в Балтийское море, не разрешались. Внешние позиции на подходах к Моонзунду была из’яты из его ведения, и ему даже не сообщалось о нахождении там подводных лодок.

Командующий Флотом, в свою очередь, был в непосредственном подчинении у Главнокомандующего Северным фронтом, без разрешения которого он не считал себя в праве распоряжаться перегруппировкой подчиненных ему войск, а также эвакуацией тех или других пунктов. В некоторых случаях он получал даже такие указания, как заградить Соэлозунд (когда предположенное заграждение его уже потерпело неудачу); в какой день, в каком месте и какими частями предпринимать различные действия на сухом пути; куда послать транспорты и т. д. Командующий Флотом, таким образом, также не являлся вполне полномочным начальником. Главнокомандующий же был далеко от места разыгравшихся событий и, поэтому его распоряжения часто запаздывали.

Не имея других способов руководить обороной, Главнокомандующий давал Командующему Флотом такие указания, как: потребовать от всех начальствующих лиц и войск полного проявления энергии и спокойствия, принять все меры против проявления какой бы то ни было паники и преувеличения значения происходящих событий; внушить всем начальникам сознание необходимости действовать смело и даже с риском, так как без риска успех невозможен; еще раз потребовать от всех начальников проявления инициативы, энергии и смелости действий, напомнив им, что инертность и бездеятельность приведут неизбежно к гибели.

Он указывал, при этом, иногда и конкретные меры, — каким образом людей робких, пассивных, потерявшихся, — превратить в смелых, энергичных и решительных. Для этого: „перед наступлением комитеты и строевые начальники должны раз’яснить людям, к каким пагубным последствиям приведет инертность и нежелание решительно действовать против неприятеля“. Начальникам передавалась угроза предания их за преступное бездействие революционному суду, причем робких, неспособных проявить необходимую энергию и решительность, — предлагалось немедленно заменить другими, не стесняясь чином. Генералу Генрихсону предлагалось немедленно переехать на место действий, а флоту — развить самые энергичные действия на море.

Но раз'яснения комитетов, что сражаться следует храбро,— оказались недостаточно убедительны; угроза судом не придала смелости начальникам, заменить которых было некем.

Также безрезультатны были и оперативные распоряжения ген. Черемисова: стянуть войска 107 дивизии к месту высадки и перейти с ними в решительное наступление,— когда неприятель уже распространился по всему почти острову и дивизия уже была рассеянна; удерживать полуостров Сворбе во что бы то ни стало; очистить остров Эзель от неприятеля; оказать 425-му полку, защищавшему Сворбе, энергичную поддержку флотом из района Аренсбургской бухты; защищать всеми мерами Ирбенский пролив; категорическое приказание удерживать Моон и т. д.

Главная причина— моральное состояние нашего личного состава.

Все приведенные выше обстоятельства имевшие место во время Моонзундской операции, как: слабость наших материальных средств, по сравнению с противником; промахи или недостаток выдержки командования в главнейшие моменты ее; недостатки организации,—все это в большей или меньшей степени, случается во многих боевых операциях и сильнее или слабее влияет на исход их. Но, как всегда и везде, в военных действиях, главнейшим и решающим фактором является моральный элемент. Перечисленные причины оказывали также на него свое воздействие, но была еще одна причина, придавшая ему особую специфическую окраску,—причина, лишившая личный состав русских вооруженных сил устойчивости и способности к сопротивлению.

Моонзундская операция была первой значительной операцией нашего флота после начала революции, в которой старые формы организации, быта и взаимных отношений неизбежно разрушались. В мучительных, кровавых муках рождения нового порядка, бился наш флот с наседавшим врагом.

Вооруженная сила для того, чтобы наносить удары и оказывать упорное сопротивление противнику, для того чтобы его побеждать, должна быть крепкой, сплоченной, сверху до низу проникнутой единым сознанием и единой волей к борьбе и к победе. „Принцип военного дела есть принцип меча. Меч должен состоять из самого крепкого материала и ударять он должен не плашмя, а острием, чтобы вся живая сила удара сосредоточилась на остром крае. Так и войско, составляя крепко сплоченную среду, должно сосредоточить всю силу воли всех своих чинов на одну указанную цель. Крепости стали соответствует сплоченность и дух войска, остроте меча — его дисциплина“ [1]).

Без этих двух качеств — сплоченности и дисциплины — не может быть победы.

Красной нитью проходит через всю Моонзундскую операцию отсутствие этих именно качеств в вооруженной силе, ставшей на защиту Моонзунда. Недоверие команд к офицерам, и даже друг к другу; стремление большинства только к собственному спасению; полный упадок дисциплины, — выступают ярким пятном на фоне громких резолюций и того яко бы под'ема,—которым характеризовалось настроение наших армий летом 1917-го года.

Совет флагманов в Гельсигфорсе в заседании 31 октября 1917 года, обсуждая положение на Балтийском морском театре, отмечал:

---

[1]) Кн. Ливен. «Дух и дисциплина нашего флота».

„Обстоятельства взятия немцами Моонзундской позиции показывают, что сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника; от начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости их к панике и бунту обезумевших от страха людей.

„Только особые условия корабельной службы, в значительной мере способствующие порядку, когда корабль в море или в бою, дали возможность морским силам оставаться в руках Командования и причинить флоту противника известный ущерб. Однако, большего флот не мог сделать и, с падением сухопутной позиции, должен был прекратить борьбу и уйти...

„В заключение считаем долгом засвидетельствовать, что со стороны команд мы постоянно слышали заявления о полной готовности к бою, об одушевляющих их чувствах и желании послужить родине. Мы не сомневаемся в искренности этих заявлений, а опыт Моонзундской операции показывает, что под'ем духа команд действительно достаточен, чтобы выйти и вступить в бой".

„Но команды в массе не сознают, что одного под'ема духа и готовности к самопожертвованию недостаточно; что, не считаясь с признанием необходимости строжайшей и планомерной военной организации, этот под'ем может быть сломлен противником в самое короткое время" [1]).

Такое же состояние привело нашу сухопутную армию к развалу и поражению на всем сухопутном фронте. На флоте положение было немогим лучше. Старая армия и флот доживали свои последние дни.

---

[1]) Архив М. И. К. дело № 7360, стр. 178.

Приложение I.

Суда, входившие в состав Морских сил Рижского залива, находившиеся в Моонзунде во время операции.

Линейные корабли:

„Гражданин“ — 1901 г., 13.300 т., 18 узл. } IV—12″/40, XII—6″/50,
„Слава“ — 1903 г., 13.600 т., 18 узл. } XX—75 m/m.

Крейсеры:

„Баян“ } 1907 г., 8.000 т., 21 уз.
„Адмирал Макаров“ (с 14 Окт.) } II—8″, VIII—6″, XX—75 m/m
„Диана“ (с 16 Окт.) — 1899 г., 6.800 т., 19 узл.

Минная дивизия:

Эскадренный миноносец „Новик“

XI дивизион эск. мин. (Новики): „Победитель“, „Забияка“, „Гром“

XII дивизион (Новики): „Десна“, „Самсон“, „Лейтенант Ильин“, „Капитан Изылметев“ (с 17 Окт.)

XIII дивизион (Новики): „Изяслав“, „Автроил“, „Константин“, „Гавриил“

IV дивизион: „Генерал Кондратенко“, „Пограничник“

V дивизион: „Всадник“, „Амурец“, „Финн“, „Москвитянин“, Эмир Бухарский“ (с 16 Окт.)

VI дивизион: „Стрегущий“, „Донской Казак“, „Забайкалец“, „Войсковой“, „Украйна“, „Туркменец Ставропольский“ (с 14 Окт.), „Страшный“ (с 16 Окт.)

Вспомогательные суда при дивизии:

Транспорты: „Печора“, „Ока“, „Либава“ (Штаб дивизии), „Водолей № 1“

Блокшивы { „Лава“ (госпиталь)
„№ 4“ (мины заграждения)

Катера „Дозорный“, „Илим“ и „Моряк“

III дивизион сторожевых судов:

Паровые катера № 1, № 2, № 3, № 4

Теплоходы № 2, № 3, № 8, № 9

База для них „Тральщик № 12“

Английские подводные лодки:

„С 26“, „С 27“, „С 32“

Дивизия сторожевых судов Балт. м.

VIII-го дивизиона эск. мин. „Лихой“ (с 15 Окт.)

XI дивизион эск. мин. { „Громящий“
„Сильный“
„Деятельный“
„Дельный“ (с 14 Окт.)
„Сторожевой“ (с 14 Окт.)
„Разящий“

II дивизион сторож. суд. Посыльные суда: { „Барсук“
„Горностай“
„Выдра“

III дивизион сторож. суд. Посыльные суда: { „Хорек“
„Ласка“

I дивизион сторож. катеров: С. К. 1, С. К. 2, С. К. 3, С. К. 4,
С. К. 5, С. К. 6, С. К. 7, С. К. 8,
С. К. 9, С. К. 11, С. К. 12.

База — Б. К. № 1

II дивизион сторож. катеров: С. К. 16, С. К. 17, С. К. 18, С. К. 19.

Дивизия траления Б. м.:

II дивизион. Миноносцы { „Прыткий“
„Ретивый“
„Резвый“

III дивизион. Тральщики { „Минреп“
„Ударник“

IV дивизион. „ { „Капсюль“
„Груз“
„Крамбол“

V дивизион. „ { „Тральщик № 3“
„Тральщик № 8“
„Тральщик № 23“

VI дивизион. Тральщики { „Планета“
„Тральщик № 11“

I дивиз. катеров-тральщ. Моторн. кат. № 2, № 3, № 5, № 7
„Тральщик база № 7“

II дивиз-на катеров-тральщ. „Тральщик база № 10“

Вспомогательные суда при дивизии: „Тральщик № 4“

Отряд заградителей Б. м.

Заградители { „Амур“ „Волга“

Отряд сетевых заградителей:

I дивизион сет. загр. { „Зея“ „Бурея“ } (с 15 Окт.)
III див-на „ „ „Припять“

Канонерские лодки:

„Храбрый“
„Грозящий“
„Хивинец“

Вспомогат. суда при Воздушной дивизии:
буксир „Авиун“

Транспортной дивизии Балт. моря:
III отряда транспорт. „Генерал Циммерман“
VI „ „ { „Обсидиан“ „Вассиан“

Отряд транспортов:

Угольные транспорты { „Буки“ „Глаголь“ „Он“ „Покой“
Рефрижират. „ „Сухона“
Особого назн. „ „Водолей № 2“

Дирекции лоции и маяков Балт. м.

Транспорты { „Артельщик“ „Самоед“
Портов. судно „Бригитовка“.

Приложение 11.

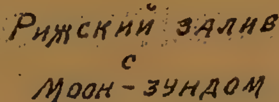
Состав Германских морских сил, участвовавших в Моонзундской операции.

Начальник назнач. для операции морских сил.	В.-адм. Шмидт.	Флагм. кор. лин. крейс. *Мольтке*—1910 г., 23000 т., 28,4 узл., X—28 c/m, XII—15 c/m, XII—8,8 cm/.
III эскадра	В.-адм. Бенке.	Лин. кор.: *Байерн*—VIII—38 c/m, XVI—15 c/m, *Кениг, Гроссер, Курфюрст, Кронпринц, Маркграф*—1913—14 г.г., 25800 т., 20,5 узл., X—30,5 c/m, XIV—15 c/m, X—8,8 c/m.
IV эскадра	В.-адм. Сушон.	Лин. кор.: *Фридрих дер Гроссе, Кениг Альберт, Каизерин, Принц-Регент Луитпольд, Кайзер*—1912—13 г.г., 24700 т., 23,5 узл., X—30,5 c/m, XIV—15 c/m, —8,9 c/m.
III разведочный отряд . .	К.-адм. Рейтер.	Легк. крейс.: *Кенигсберг, Карлсруе, Нюрнберг, Франкфурт, Данциг.*
Легкие крейсеры морск. сил Балт. м.	В.-адм. Гопман.	Легк. крейс.: *Кольберг, Страссбург, Аугсбург*—1908—11 гг. 4350—4550 т., 26—27 узл., XII—10,5 c/m.
Минные суда	Коммс. Гейнрих.	При них флагм. крейс. *Эмден.*
		II флотилия—10 миноносцев
		VI » —5 »
		VIII » —11 »
		7 полуфлотилия—5 »
		13 » —5 »
		IX флотилия—11 »
Подводные лодки . . .	Кап.-лейт. Шетт.	Флотилия *Курланд*—6 подв. лодок.
Тральщики	—	2 дивизион искателей мин. 4 » тральщиков. Полудивизион искателей (60 моторных катеров).
Сводная флотилия . . .	Кап. 2 р. Розенберг.	72 рыболовных и т. п. пароходов.
Транспорный флот . . .	—	19 парох. водоизмещением 153664 т.

Приложение III.

Приморские батареи Моонзундской позиции.

№№ батарей.	Число и калибр орудий.	Угол обстрела.	Дальность (в каб.).	Местоположение.
30	IV—6"/45	130°	77	О. Вормс.
31	II—75 m/m аэро	—	—	Рогекюль.
32	IV—6"/45	140°	90	о. Моон, у дер. Вой.
32—а	II—75 m/m аэро	—	—	» » »
33	IV—6"/45	130°	77	Вердер.
33—а	III—75 m/m аэро	—	—	»
34	IV—120 m/m/50	140°	70	Даго, дер. Серро.
36	IV—10"/45	140°	90	Моон ,у дер. Вой.
37	IV—6"/50	140°	80	Мыс Диргами.
38	IV—6"/50	140°	80	Полуостр. Симпернесс (Даго).
39	IV—12"/50	140°	140	Тоже, мыс Тахкона.
39—а	III—57 m/m аэро	—	—	» » »
40	IV—120 m/m/50	140°	70	Полуостр. Сворбе, у дер. Каруст (Эзель).
40—а	III—75 m/m аэро	—	—	Полуостр. Сворбе, у дер. Каруст (Эзель).
41	IV—130 m/m/50	180°	93	Полуостр. Сворбе, мыс Менто.
41—а	III—75 m/m аэро	—	—	» » » »
43	IV—12"/50	160°	152	» » » Церель.
43—а	III—75 m/m аэро	—	—	» » » »
43—б	III—75 m/m »	—	—	» » » »
43—в	III—75 m/m »	—	—	» » » »
43—г	IV—47 m/m »	—	—	» » » »
45	IV—6"/45	100°	90	Мыс Хундва (Эзель, б. Таггалахт).
46	IV—6"/45	100°	77	Мыс Нинаст (Эзель, б. Таггалахт).
47	IV—6"/45	140°	90	Полуостр. Дагерорт, дер. Гермуст.
48	III—75 m/m аэро	—	—	Лодде (у Аренсбурга).
50	IV—75 m/m »	—	—	Кильконд (западн. берег о. Эзеля).
51	IV—75 m/m »	—	—	Кильконд (западн. берег о. Эзеля).



Балтийское море

О. Даго

О. Эзель

о. Моон

Кассарский плес

Матцальский залив

Бухта Лео

о. Руно

о. Оденсхольм

М. Шпитгален

Штапдель

Боттен

о. Вормс

по-в Нукке

Г. Гапсаль

Рогекюль

о. Харилайд

о. Вогс

Тахкона

М. Лехтма

Симпернесс

Мк Ристна

Мк Дагерорт

Серро

М. Памерорт

м. Павастерорт

о. Кейнаст

Кассарен

Куйваст

Вердер

М. Патерностер

М. Тамба

М. Оррисар

по-в Кюбассар

Мк Лайдунен

М. Хундва

п-ов Хундсорт

Аббул

о. Фильзанд

Ц. Кильконд

М. Аттель

Аренсбург

Абро

М. Меррис

П. Сворбе

М. Церель

Бост. Калкгрунд

М. Доместес

Люзерорт

Михайловский

6"

12"

120

50°

58°3

58

Приложение V

Приложение VI

Маневрирование Русских Морских Сил Рижского залива в бою 17/X 1917 г.

„Слава"

о-в Шильдау

Моон

Куйваст

Вердер

М. Вердер

М. Патерностер

Вирелайд

Люзерортский гл. маяк

Бон

Воилайд

Минн. загражд. 1916 г.

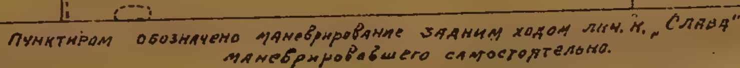
М-п.

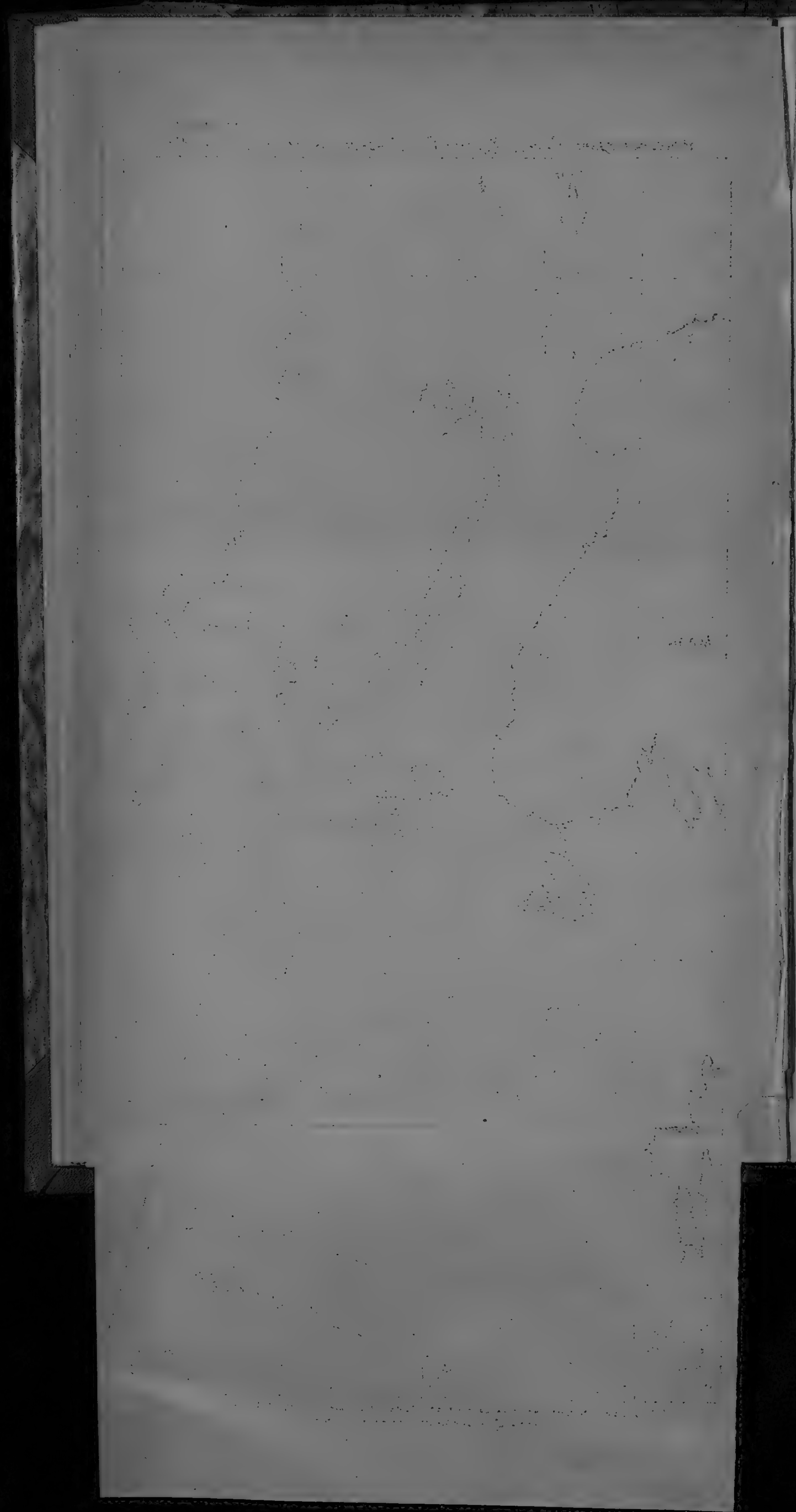
Кюбосар

Минн. загражд. 1917 г.

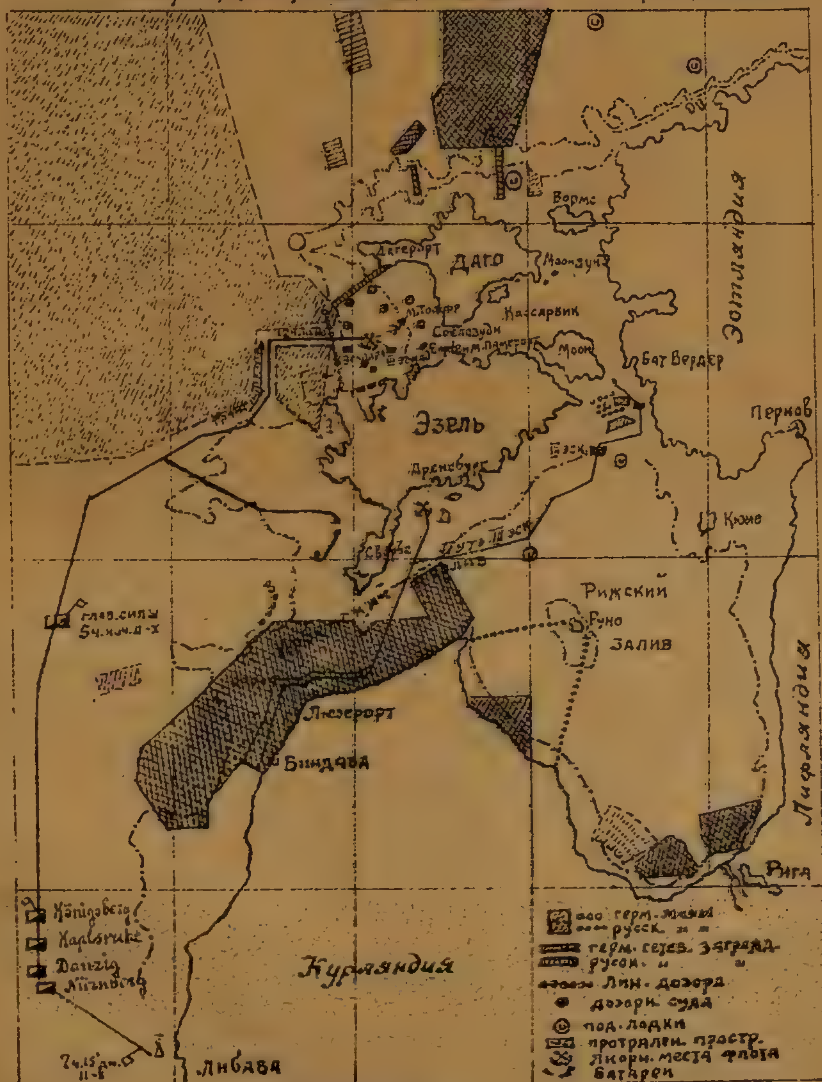
Осмад

Афанасьева


Пунктиром обозначено маневрирование задним ходом лин. к. „Слава" маневрировавшего самостоятельно.



Операция против о-ва Эзель. Приложение VII



с немецкой карты

Цена 1 р. 65 к.

4430